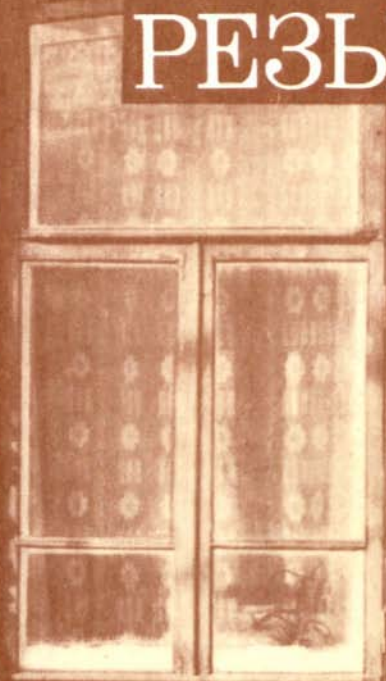

Людмила Данилова

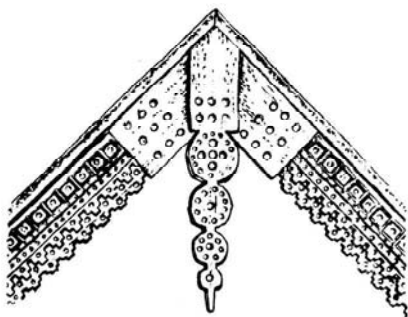
ОКНО С ЗАТЕЙЛИВОЙ РЕЗЬБОЙ

Людмила Данилова

ОКНО С ЗАТЕЙЛИВОЙ РЕЗЬБОЙ

*Книга для учащихся
старших классов*

ББК 85.113(2)
Д18

Рецензенты:

кандидат искусствоведения *И. Л. Гусева-Давыдова*; член Союза журналистов СССР *Г. Я. Федотов*

Д18 **Данилова Л.**
Окно с затейливой резьбой: Кн. для учащихся ст. классов. — М.: Просвещение, 1986. — 207 с, ил.

В книге рассказывается об уникальных памятниках деревянного зодчества — жилых, хозяйственных и промысловых постройках старой деревни, собранных в музеях-заповедниках под открытым небом, созданных на территории РСФСР, а также о преемственности архитектурно-строительных традиций, о путях сохранения культурного наследия, об архитектуре современного села.

Д 4306020000-454 — 250-86
103(03)-86

ББК 85.113(2)
72С

© Издательство «Просвещение», 1986

Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое».

В. И. Ленин

Когда мы говорим «архитектура», сразу вспоминаются известные еще по школьным учебникам грандиозные египетские пирамиды, древнегреческий Парфенон, древнеримский Колизей. Встают перед глазами величественные ансамбли Московского Кремля, Новгорода, Ленинграда — замечательные творения зодчих прошлых веков. Но посмотрите вокруг. Жилые дома, школы, магазины, театры, фабрики, заводы, животноводческие фермы, стадионы, новые города и поселки, их сады и парки — все это также архитектура, и она связана со всей жизнью человека. В одних зданиях он живет, в других учится или работает, в третьих отдыхает. Все здания и сооружения строятся для практических нужд человека, но строятся они по законам красоты и поэтому обладают определенной художественной выразительностью. Еще две тысячи лет назад великий римский зодчий Витрувий определил три качества, которым должно отвечать произведение архитектуры. Это — прочность, польза и красота. Или, говоря по-иному: в архитектуре обязательна взаимосвязь инженерно-конструктивных, функциональных и идейно-эстетических элементов. Значит, архитектура всегда связана с обществом — с его экономикой, техникой и культурой. В силу такой многогранности она занимает особое место среди искусства. А. В. Луначарский относил архитектуру к искусствам «промышленным», конечная цель которых сделать красивой всю че-

ловческую жизнь. При огромном размахе строительства в нашей стране архитекторы не забывают об этом. Во многом они опираются на опыт и традиции прошлого, а они в русской архитектуре богатые. Не случайно известный советский художник и ученый Игорь Грабарь назвал Россию страной зодчих.

Корни народного зодчества следует искать в тех далеких временах, когда основным строительным материалом было дерево, а самым распространенным населенным пунктом — деревня, названная так потому, что все строения в ней были деревянными. Огромные лесные богатства, сравнительная простота обработки и не слишком высокая стоимость обеспечили этому материалу особую популярность. Из дерева рубили избы и крепости, наводили мосты, ладили сани, баркасы и всевозможные орудия труда, гнули дуги и колеса, резали миски, ложки, детские игрушки.

Сколько труда и изобретательности понадобилось нашим предкам, прежде чем сложились типы зданий, была выработана определенная строительная техника, прежде чем появились шедевры мирового деревянного зодчества! Начиналось с малого, самого необходимого — с жилья.

Мы не знаем гениального изобретателя сруба, знаем лишь, что строили их и в глубокой древности. Каждый крестьянин был дружен с топором и мог без посторонней помощи за лето поставить сруб будущей избы. И поскольку в душе плотника уживались строитель и художник, он всегда заботился, чтобы жилище было не только прочным, теплым, удобным, но еще обязательно и красивым.

Старые мастера придавали самые разнообразные формы покрытиям зданий. Над крышей гордо возносился конек — стилизованная голова лошади. Художественно прорабатывались и отдельные детали здания. На наличниках плотник топором вырезал фантастических

птиц, русалок, диковинные цветы и множество солнц. Его видение мира и понимание прекрасного находило отражение в уборе избы.

Год от года, век от века совершенствовалось мастерство, складывались архитектурно-строительные традиции, которые передавались из поколения в поколение. Многие из них и сегодня применяются в деревянном строительстве.

Старые постройки радуют нас красотой своего облика, удивительно точно найденными пропорциями, всегда уместными декоративными элементами и потрясающей целостностью и рациональностью: ничего лишнего — все под рукой. Красота и польза неразрывны. Лучшие здания народной архитектуры выдержали испытание временем и стали памятниками истории и культуры. Они несут на себе следы человеческой жизни; в них его тепло, его дыхание, его надежды. Они хранят память и свидетельствуют о технических знаниях, высоком мастерстве, художественном вкусе их создателей.

Но дерево — материал недолговечный. Его разрушают дожди, снег, ветер, солнце, древоточцы, различные грибки. Оно страдает от огня и людской небрежности. Развитие цивилизации также сказывается на жизни старых деревянных строений. На месте многих деревень появляются новые поселки и города, возникают искусственные водохранилища. На глазах меняется облик старых сел и деревень. Особенно это заметно сейчас, когда наш народ осуществляет Продовольственную программу СССР.

Одной из важнейших социально-экономических задач, направленных на подъем сельского хозяйства и отмеченных в Продовольственной программе, является преобразование села, преодоление существенных различий между условиями жизни городского и сельского населения, в том числе улучшение жилищных условий, что способствует закреплению кадров на селе.

Превращение деревень и сел в благоустроенные поселки связано с изменением прежнего крестьянского двора, былой избы, строительством новых домов усадебного типа*. При этом очень важно не потерять и сберечь то ценное, что накапливалось народным зданием веками. С каждым годом все меньше остается старых крестьянских изб, исчезают хозяйственные и промысловые постройки. Кому теперь нужны в хозяйстве овин, смолокурня или ветряк? Утратив свое практическое применение, они стоят заброшенными и медленно разваливаются. Судьба многих — пойти на дрова.

Вы можете сказать, что не о чем жалеть — старое уходит вместе со своим временем. Зачем беречь развалины? Кому и зачем они нужны?

Они нужны нам, потому что без них нет в человеке корня, того чувства, что называется чувством Родины. Произведения архитектуры не просто свидетели прошлого. Их художественная форма выражает черты духовной культуры, эстетические идеалы того времени. Старинные постройки позволяют восстановить в воображении живые, конкретные черты труда и быта наших предков. К тому же среди них есть замечательные творения рук старых мастеров, подлинные произведения искусства архитектуры. И эти безымянные сельские памятники формируют наше сознание не менее, чем прославленные памятники архитектуры крупнейших городов. Поэтому-то мы обязаны сберечь культурное наследие нашего народа не только для себя, но и для будущих поколений. Так повелевает наша совесть, так требует долг гражданина, закрепленный Конституцией СССР. Ст. 68 Конституции гласит: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР».

---

* *Дом усадебного типа* — дом на одну-две семьи с всевозможными примыкающими к нему строениями, службами, садом и огородом.

С установлением Советской власти все исторические и культурные ценности стали достоянием народа. «Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство»*, — прозвучало воззвание Советского правительства. Только в 1918 г. Совнаркомом было издано большое количество декретов и распоряжений, направленных на сохранение культурного и исторического наследия.

Архитектор И. В. Жолтовский вспоминал, как В. И. Ленин в 1918 г. говорил о необходимости «сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа»**.

Все это в равной мере относится и к памятникам народной архитектуры. Есть два пути сохранения памятников деревянной архитектуры. Первый — обеспечить их сохранность там, где они были построены. Второй — перенести их в музей под открытым небом, разместив в условиях, близких к естественным. И в том и в другом вариантах имеются свои плюсы и минусы. Вопрос решается так: если нет возможности надлежащим образом сохранять и показывать памятник архитектуры на месте, его следует перенести в музей деревянного зодчества.

Первый музей под открытым небом в Советской России начал создаваться в 1927 г. в селе Коломенском, вошедшем теперь в состав столицы. После Великой Отечественной войны приступили к организации музеев в Кижях, других районах страны. Однако большинство из них получило рождение после выхода в свет важного и своевременного документа Министерства культуры РСФСР от 31 января 1964 г. «О мерах улучшения охраны

---

* Цит. по кн.: Охрана памятников истории и культуры. М., 1973, с.14

** Ленин В. И. О культуре. М., 1980, с. 314.

памятников деревянного зодчества» и принятого в 1976 г. закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

В настоящее время в РСФСР создано около двух десятков музеев народного зодчества под открытым небом. Они носят различные названия. Одни именуются музеями-заповедниками деревянного зодчества, другие — музеями быта, третьи — этнографическими. Но все они ведут большую работу по выявлению ценнейших памятников народной архитектуры, их изучению, консервации и реставрации строений, по сохранению и пропаганде культурных ценностей. Музеи участвуют в идейно-политическом и нравственном воспитании молодежи.

Как отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, «...по мере роста культурного уровня народа усиливается воздействие искусства на умы людей. Тем самым растут и возможности его активного вмешательства в общественную жизнь. А значит, в огромной мере увеличивается ответственность деятелей искусства за то, чтобы находящееся в их руках мощное оружие служило делу народа, делу коммунизма»*. С особой силой эта мысль прозвучала в исторических документах XXVII съезда КПСС, утвердившего курс на ускорение социально-экономического развития нашей страны.

Музеи народной архитектуры и быта способствуют воспитанию патриотизма — чувства, которое зиждется на памяти и благодарности к делам пахаря, ремесленника, ученого, художника. Экспозиции музеев вводят нас в мир наших предков, воссоздают достоверную картину жизни прошлых веков, раскрывают архитектурно-строительные традиции народа, помогают увидеть прекрасное в обыденных вещах и сохранить связь времен, живое ощущение своих истоков. Музеи помогают вос-

---

* Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 20.

питанию и высоких художественно-эстетических идеалов, что сегодня особенно важно в свете реформы общеобразовательной и профессиональной школы, в основных направлениях которой сказано: «Необходимо развивать чувство прекрасного, формировать высокие эстетические вкусы, умение понимать и ценить произведения искусства, памятники истории и архитектуры, красоту и богатство родной природы»*.

Эта книга расскажет о музеях под открытым небом, расположенных в живописнейших местах от берегов Белого моря до Тихого океана. Она познакомит вас с истоками народного зодчества, характерными особенностями архитектуры различных районов России. Вы побываете также в современных поселках, застроенных индивидуальными домами усадебного типа, и проследите, как на деле осуществляется взаимосвязь времен. В этом путешествии вы увидите не только здания, но и их интерьеры, предметы быта, орудия труда, транспортные средства; вспомните старинные легенды, песни, пословицы; узнаете о занятиях, ремеслах, народном творчестве наших предков; узнаете, как сохраняются и развиваются лучшие традиции народного искусства в наши дни.

И, может быть, прочитав эту книгу, вы выйдете на улицу и по-иному посмотрите на свой дом, свою избу. Вы увидите в ней то, чего прежде не замечали, — что она не просто жилище, но еще и красива. И вы не пройдете равнодушно мимо памятников народного зодчества, станете беречь и уважать творения дедов и прадедов.

---

* О реформе общеобразовательной и профессиональной школы. Сборник документов и материалов. М., 1984, с. 48.

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

С. Есенин

Для каждого из нас деревня нашего детства имеет вполне конкретный образ. Где бы ты ни был, в любом возрасте ты вспоминаешь свой дом, свою деревню, а значит, думаешь о Родине.

Мне вспоминается наш небольшой голубой домик с белыми наличниками. Он много раз менял свою окраску, но я его вижу всегда голубым со стеклянной террасой сбоку. Мы так любили играть там ранней весной, когда еще не везде сошел снег, а на солнечной террасе уже тепло и уютно.

Я часто мысленно вижу огромную овчарку Азу, которая любила срывать с деревьев спелые яблоки. Бывало, утром откроешь дверь, а на крылечке лежит несколько румяных плодов. Мама сердилась на собаку, а я радовалась. Ведь я-то знала, что эти яблоки Аза приносила для меня, в знак особой привязанности.

Я вспоминаю наш двор с множеством сараюшек, вхоющими и купающимися в пыли курами, пруд за околлицей...

На огромной территории России не счесть деревень и сел. Все они такие разные... В одной деревне избы взбираются по крутому косоугору, перекатываются через него и уходят вниз, рассыпавшись вдоль ручья. В другой, утопая в пахучей черемухе, дома стоят цепочкой над обрывом реки или вдоль дороги. В третьей — глядят глазами окон в блестящую гладь пруда.

В давние-давние времена почти все население было сельским, с развитием цивилизации многое переменялось. Сегодня в деревне Российской Федерации живет каждый третий, и эта треть населения кормит всю республику. Именно эти люди выращивают хлеб, овощи и фрукты, они снабжают нас мясом, молоком, маслом и другими продуктами питания.

В силу многих причин сложилось так, что условия жизни сельского населения оказались значительно хуже, чем у горожан. И было время, когда из деревни люди потянулись в города, где жизненные условия были лучше. Судите сами: большинство горожан проживает в отдельных квартирах со всеми удобствами, сельский же дом, как правило, до последнего времени был лишен инженерного оборудования. Отсюда огромные затраты времени и сил, на ведение домашнего хозяйства: воду наноси, дров запаси, печь истопи.

Сейчас многое делается для того, чтобы преодолеть существующие в этом отношении различия между городом и деревней. Меняется характер и содержание сельскохозяйственного труда, переустраивается деревня. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных, коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни сельского населения» (май 1982 г.) предусматривается опережающими темпами вести в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях строительство благоустроенных жилых домов с хозяйственными постройками, детских дошкольных учреждений, клубов, библиотек и других объектов культурно-бытового назначения, предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения.

Новосельями у нас никого не удивишь, в одном только Подмосковье ежегодно справляют 12 тысяч новоселий. Случается, и довольно часто, новоселье отмечает целая деревня. Так было, например, осенью 1982 г. в совхозе «По-

вадинский» Домодедовского района Московской области. За короткий срок по обе стороны широкой асфальтовой улицы выстроились в две шеренги нарядные домики: белые, розовые, зеленые. В один и два этажа, с мансардами и террасами. Ажурные решетки ограды, прямоугольники газонов, полукружье прудов — все здесь радует глаз, все удобно и практично. В центре поселка разместились торговый центр, детский комбинат, школа, столовая, Дом культуры.

Не менее привлекателен поселок Софьино сельского жилищно-строительного кооператива «Дружба», также в Подмосковье. В нем более пяти десятков домов на одну, две и четыре семьи. В застройке использовано более десяти различных проектов. Здесь наряду с кирпичными возводятся дома из керамзитобетонных конструкций.

Изогнувшись подковой, повторяя контуры опушки леса, раскинулась деревенька Сельская Новь, что на 36-м километре от Москвы по Минскому шоссе. Дома в ней все из сборных деревянных конструкций. Один краше другого, на любой вкус. Нравится открытая веранда — пожалуйста. Мечтали о домике с резными украшениями и ставнями на окнах — получайте! Хотите иметь более строгий дом — есть и такой. Об этом позаботились проектировщики и строители. А вот о том, чтобы деревня превратилась в цветущий сад, позаботились сами жители. И теперь, кажется, не уйти с этих милых деревенских улиц, до того они хороши.

И так по всей стране: строят, строят, строят. Поселки центральных усадеб совхозов «Борец» и «Вороново» Московской области, совхозов «Ильиногорский» и «Запрудный» Горьковской области, колхоза «Серп и молот» Татарской АССР и другие получили в разное время дипломы ВДНХ СССР и высокую оценку жителей. При их застройке учтены природные условия, поселки отвечают эстетическим требованиям и удобны для жизни. К домам подведен газ, имеются водопровод и канализация. При каждом доме

Современная улица в поселке Софьино Московской области.

есть огород и надворные постройки, которые можно использовать для содержания скота, птицы или устроить там гараж, слесарную или столярную мастерскую. Под каждым домом вырыт погреб.

Прежде чем появились такие красивые современные поселки, нашим архитекторам, строителям, экономистам, социологам пришлось много потрудиться. Проектируя новые дома и поселки, они прислушались к мнениям тех, кто будет в них жить. После многочисленных обследований и опросов сельских жителей стало ясно: сельские труженики не хотят, чтобы деревня превращалась в маленький город. Они за сохранение сельской самобытности, но с учетом достижений науки и техники.

Работники сельского хозяйства предпочитают индивидуальные дома усадебного типа, одноэтажные или с квартирами, расположенными в двух уровнях. Их не устраивают многоэтажные городские дома, где в квартирах после полевых работ негде раздеться и высушить одежду, негде просушить картошку, огород за тридевять земель и сарай на отлете — не находишься с полными ведрами корма к скотине.

Дом усадебного типа с мансардой в поселке Сельская Новь Московской области.

Дома усадебного типа, как считают сельские жители, должны быть просторными, с одной или двумя спальнями, с большой общей комнатой, кухней, верандой, помещением для хранения рабочей одежды. Труженики села хотят держать поросенка и птицу, они не могут обходиться без садика и огорода и, конечно, никто не откажется от всех городских удобств: центрального отопления, водоснабжения и газификации.

Учитывая пожелания и заглядывая в будущее, решено в сельских поселках строить в основном дома усадебного типа на одну-две семьи. В Продовольственной программе СССР на период до 1990 г. так и записано: «Расширить ин-

дивидуальное строительство жилых домов в колхозах и совхозах». Это не значит, что теперь полностью откажутся от многоэтажных зданий на селе. Для определенной категории жителей, при определенных условиях они могут быть целесообразнее коттеджей. Здесь нужен творческий подход, чтобы найти «золотую середину» с учетом географических, этнографических, климатических условий, характера деятельности людей и их привычек.

В деревне сегодня возводят школы и детские сады, клубы, поликлиники, аптеки, магазины, стадионы, разбивают скверы и роют пруды. Характерной особенностью современного сельского пейзажа являются производственные мастерские, водонапорные и силосные башни, трубы котельных, зернохранилища, животноводческие фермы.

Однако новых поселков еще не много. Основная часть сельского населения живет в своих родных старинных деревеньках, в том числе и в так называемых неперспективных «малодворках». Несколько лет назад происходило интенсивное укрупнение сел, поскольку это создает благоприятные условия для труда, быта и отдыха тружеников села. Но люди не всегда соглашаются покинуть насиженные, полюбившиеся им места. Ведь с ними связано так много. В каждой избе жило не одно поколение крестьян-земледельцев, кормильцев страны! Здесь корни крестьянина. Из этих изб уходили сыны на защиту Отечества и не все вернулись домой.

Сегодня много деревень уже исчезло с лица земли. Избы разобрали, жителей перевезли в перспективные деревни, а на месте старых распахали поля. Но не везде это можно сделать, и тогда стоят две-три полуразвалившиеся избы как напоминание о прошлом. В заброшенном жилище, лишенном теперь хозяев и смысла существования, унылый запах запустения.

В последние годы все больше руководителей совхозов и колхозов отказываются от селения малых деревень, а, напротив, начинают заботиться о них: ремонтировать и бла-

гоустроить жилье, строить дороги, налаживать транспортные связи с центральными поселками. Затраты на благоустройство «неперспективных» деревень окупаются тем, что по-хозяйски используется каждый, даже самый удаленный от центральной усадьбы клочок земли. И, что не менее важно, сохранением деревни воспитывается уважение к земле своих предков, к своему прошлому.

Издrevле повелось: люди выбирали для поселения место поближе к воде и лесу, чтобы оно было открыто для ветра, свободно от гнуса, чтобы было удобным земледелие, возможны рыбная ловля, охота. Деревни так органично вписывались в окружающую природу, что казались естественным ее порождением. Они как бы растворялись в природе или вырастали из нее. Можно поучиться у наших дедов и прадедов умению выбрать место для каждого отдельного строения и так связать его с природным окружением, что уже нельзя представить эту местность без той или иной церквушки, ветряка, избы. Причем к земле всегда относились очень бережно. Часто для деревни выбиралось место, неудобное для сельскохозяйственных работ. Но всегда дома располагали так, чтобы они хорошо проветривались и были сухими.

Зодчие умели выигрышно использовать берег реки, пруда, вершину холма, перекресток дорог и так поставить здание, что оно смотрелось со всех сторон. При этом никогда не нарушалась сомасштабность строения с окружающей природой.

При переустройстве сел очень важно сохранить эту особенность, сохранить нетронутой красоту природы, не растерять местный колорит округи и сберечь то ценное, что накапливалось народным зодчеством веками.

Мастера строительных дел завещали нам возводить здания по законам красоты. Прежде чем начинать строить новое, говорили они, надо хорошо изучить старое. Строеие не должно заслонять света и красивого вида соседям, оно не должно мешать природе. Об этом, между прочим, было

сказано в своде законов Древней Руси еще 700 лет назад.

Изменение жизненных условий и социально-бытовых требований, возросший культурный уровень сельского населения, новая строительная техника и современные строительные материалы сказываются на архитектуре сельских поселков. Очень непросто бывает вписать в сложившийся ансамбль деревни новые постройки, чтобы обеспечить гармоничную взаимосвязь старого и нового: Древние зодчие отлично справлялись с этой задачей. Любая деревня, село застраивались постепенно, не одно десятилетие, и при новом строительстве мастер всегда прикидывал, как будет выглядеть его творение, будь то церковь, изба или овин, в общем ансамбле. Он умел соотнести свой замысел с тем, что уже было сделано до него, и при этом оставлял широкие возможности для тех, кто придет после.

Особого отношения требуют к себе памятники народного зодчества. При интенсивной застройке села они могут оказаться в непривычном для них окружении, что часто равносильно их гибели. Требуется большой художественный вкус и такт, чтобы органично включить их в композицию нового ансамбля, сделать на них акцент, привлечь внимание, ибо они будят нашу память, воспитывают уважение к делам наших предков, а также учат нас понимать и ценить прекрасное, помогают осваивать строительное дело. Очень важно знать свою историю, хранить память о прошлом, ведь без памяти нет человека. Не случайно в древности у некоторых народов самым страшным наказанием считалось лишение человека памяти.

Обращение к старинному народному зодчеству открывает замечательные возможности на пути преобразования села. Использовать в современном строительстве все лучшее из народной архитектуры это не значит, что мы должны сегодня строить такие же избы, какие строили наши прадеды. Важно сохранить своеобразие и красоту деревенского дома. Сохранить не только внешние декоративные приемы,

а конструктивные и планировочные принципы, сохранить все то, что составляет душу здания. Игорь Грабарь советовал брать из старого не то, что отошло в прошлое, а то, что принадлежит будущему. В современном строительстве, как нигде, пригодится накопленный за века «запас красоты», завещанный нам деревянных дел мастерами старой Руси.

ДОМ НОВГОРОДСКОГО ГОСТЯ

...В ржаной ковриге скрыта
Всей доброты земной душа.

Н. Рыленков

О богатствах славного Новгорода из века в век передавались легенды и сказания. Город и в самом деле процветал. Этому в немалой степени способствовало его выгодное географическое положение. Оно определило значение Новгорода как торгового центра. В XI—XIV столетиях он был посредником в торговле русских удельных князей с иноземными государями. Сюда плыли купцы едва ли не со всей Европы. Ввозили в славный город металлы и металлические изделия, сукна, шелковые ткани, вина, сельди, а увозили меха, воск, деготь, перо, пух, коноплю, лен — словом, все, чем богата была Русь.

Но не только торговлей славился Великий Новгород: в нем жили и работали замечательные мастера. Они выделывали изумительные ювелирные изделия, украшали их сканью* и зерню**, применяли чернь и позолоту. Нов-

---

* *Скань* — вид ювелирной техники. Ажурные или напаянные на металлический фон узоры из тонкой золотой, серебряной или медной проволоки. То же, что филигрань.

** *Зернь* — мелкие золотые или серебряные шарики (диаметром от 0,4 мм), которые напаяются в ювелирных изделиях на орнамент из филигрании.

городские сапоги, пояса, конскую упряжь, глиняную посуду охотно покупали русские и заморские гости.

Для развития ремесел требовалось сырье, которого не было в новгородских землях. Приходилось осваивать новые территории. Через дремучие чащи, топи и болота прокладывали пути в дальние края отважные землепроходцы — новгородские ушкуйники. На лодках особой конструкции — ушкуях — молодые, удалые, жадные до подвигов горожане добирались до самых глухих, отдаленных уголков. Владения Новгорода простирались до Урала и Северного Ледовитого океана, и везде, где оказывались землепроходцы, появлялись поселения: ряды, рядки, починки, как их называли в писцовых книгах XVI—XVII вв. Новгородцы строили жилища, крепости, храмы. Они несли в новые края свое мастерство, свои сложившиеся строительные традиции, которые оказались так живучи на всем Русском Севере.

Сравнивая северные избы с описаниями новгородских жилищ в исторических документах, с изображениями на планах, иконах, гравюрах, сверяясь с данными, полученными археологами можно сделать вывод, что в архитектуре северного жилища XIX столетия очень много общего с древними новгородскими постройками. Да и сами понятия «изба», «клеть», «сени» были известны древним новгородцам.

Уже более 50 лет в Новгороде работают археологи. Из года в год, каждый сезон они ведут раскопки, и новгородская почва щедро одаривает исследователей. Дело в том, что Новгород расположен на возвышенности, покрытой слоем водонепроницаемой глины и поэтому новгородская земля обладает повышенной влажностью. В ней без доступа воздуха отлично сохраняется древесина. За свою более чем одиннадцативековую историю Новгород сумел нарастить огромный культурный слой, достигающий местами 8 метров.

Каждому веку соответствует свой культурный слой,

содержащий части предметов и целые предметы — свидетельства жизни и деятельности людей: негоревшие в бесчисленных пожарах строительные конструкции, развалы печей, посуду, утварь, изделия ремесленников и даже письма новгородцев, писанные на березовой коре — бересте. К настоящему времени найдено более 600 таких писем-грамот. Они раскрыли нам удивительные вещи. Оказалось, что даже простолюдины владели грамотой и посылали свои письма далеко за пределы новгородских земель. Кто только не писал на бересте: бояре и священники, крестьяне и приказчики, мужчины и женщины, дети — и те писали письма! Одни в них жаловались на самоуправство приказчика, другие приглашали родственников в гости, добивались уплаты штрафов и возвращения долгов, объяснялись в любви. Несколько грамот рассказывают, как 700 лет назад мальчик Онфим обучался грамоте: царапал на бересте буквы, слоги, слова, а когда учение надоедало, рисовал человечков, коней и чудищ.

Благодаря работе археологов мы сегодня имеем четкое представление о, казалось бы, навеки утраченном облике древнего города — деревянного города. Густые смешанные леса с преобладанием дуба и ели, очевидно, предопределили выбор строительного материала в то время. Двадцать семь пород дерева: сосна, ель, можжевельник, дуб, клен, ясень, береза, липа и другие шли в дело. Деревянными были дома и хозяйственные постройки. Деревянными были посуда, утварь, орудия труда и игрушки. Знаменитая тринадцатиглавая София, первый здесь христианский храм, в 989 г. также была построена из мощных дубовых бревен. Из дерева ладили водопровод, мосты и мостовые.

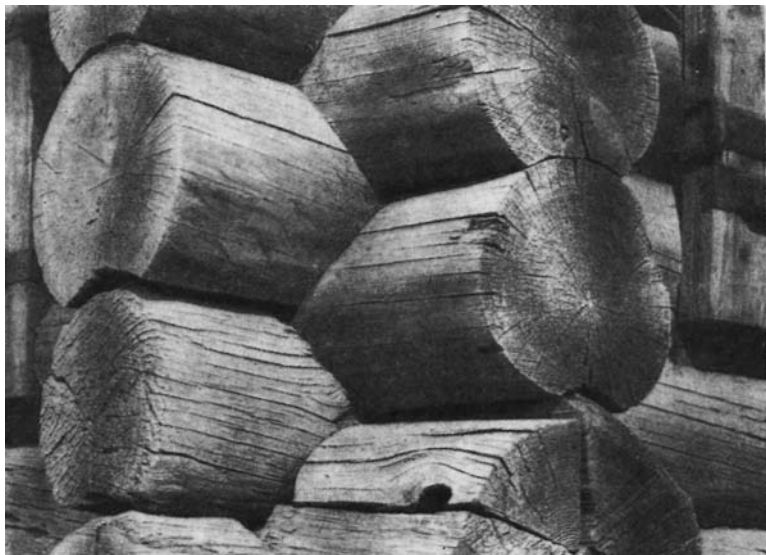
Мостовые на улицах Новгорода появились уже в X в., т. е. на два столетия раньше, чем в Париже, и на пять веков раньше, чем в Лондоне. Археологи на древней Великой улице расчистили 30 ярусов деревянных мостовых X—XV вв. Такое огромное количество настилов было

обусловлено все той же повышенной влажностью почвы. Уложат новгородцы на длинные лаги поперек сосновые плахи — вот и готова мостовая. Но прошло два-три десятка лет, уровень почвы поднимался и грязь начинала заливать мостовую. Горожане были вынуждены поверх еще не изношенной мостовой укладывать новый настил. Так и дошло до 30 этажей мостовой.

Археологами раскопано более 2100 деревянных срубов, из которых составлялись целые усадьбы. Они насчитывали иногда до 12 отдельно стоящих построек и занимали по площади от 1200 до 2000 квадратных метров. Усадьба от усадьбы отделялась бревенчатым частоколом. Каждая усадьба включала господские хоромы, дома челяди, ремесленные мастерские, помещения для скота, поварню, баню. Все дома были сделаны из хорошего крепкого леса, крыши покрыты тесом. Хоромы чаще всего были двухэтажные. Нижний этаж не отапливался и служил кладовой.

Специалисты установили, какие были планы жилища и других строений, а также некоторые конструктивные и декоративные детали. И теперь можно сказать, что отдельные строительные формы исчезли бесследно, но очень многие дошли до наших дней.

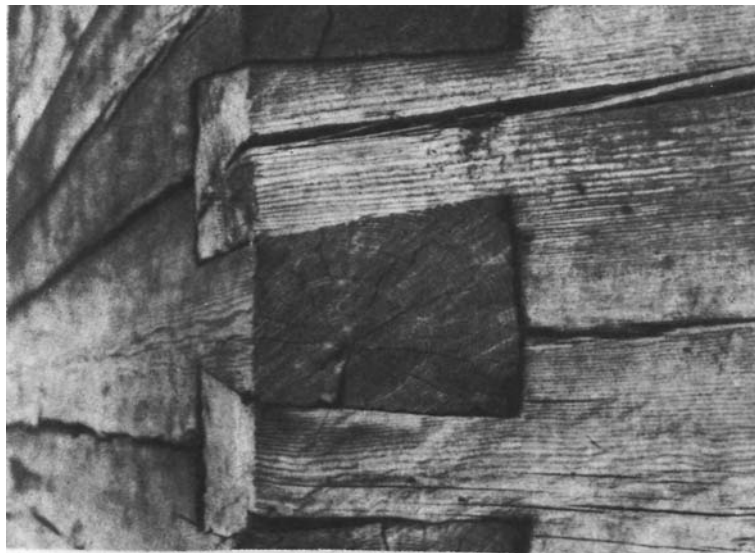
С X в., например, сохранилась связь бревен рубкой (врубкой) «в обло». Как известно, конструктивную основу русского деревянного здания составляет сруб, сложенный из венцов. Четыре бревна, уложенные горизонтально в квадрат или прямоугольник и по углам связанные врубками, образуют венец. Чтобы связь была плотнее, в каждом венце делают продольный паз, тогда бревно плотно садится на другое. Венец укладывается на венец — вырастает сруб. Избы обычно рубили «в обло», т. е. с выпуском концов бревен за пределы плоскости стены, концы бревен при этом оставались круглыми. «Облый» значит «круглый», отсюда и название связи сруба — «в обло». Этот вид связи называли еще рубкой «в чашу», так как

Связка венцов сруба «в обло», или «с остатком».

в каждом бревне вырубалась чаша — углубление, в которое укладывалось бревно следующего венца. Если концы бревен стесаны, то говорят, что постройка рублена «в лапу». Эту рубку применяли, когда требовалось придать зданию округлую форму и в ряде других случаев.

С X столетия существует и самцовая кровля с теми же деталями: потоками, курицами, шеломом. Крыша такой конструкции — двускатная. Два фронтона из рубленых бревен продолжают стены, сужаясь кверху треугольниками. Бревна этих треугольников называют самцами. Самцовые фронтоны соединяются длинными бревнами — слегами, которые образуют скаты крыши. По всей длине крыши в слеге с интервалами в метр-полтора врубают деревянные крюки из молодых елей — курицы (они дейст-

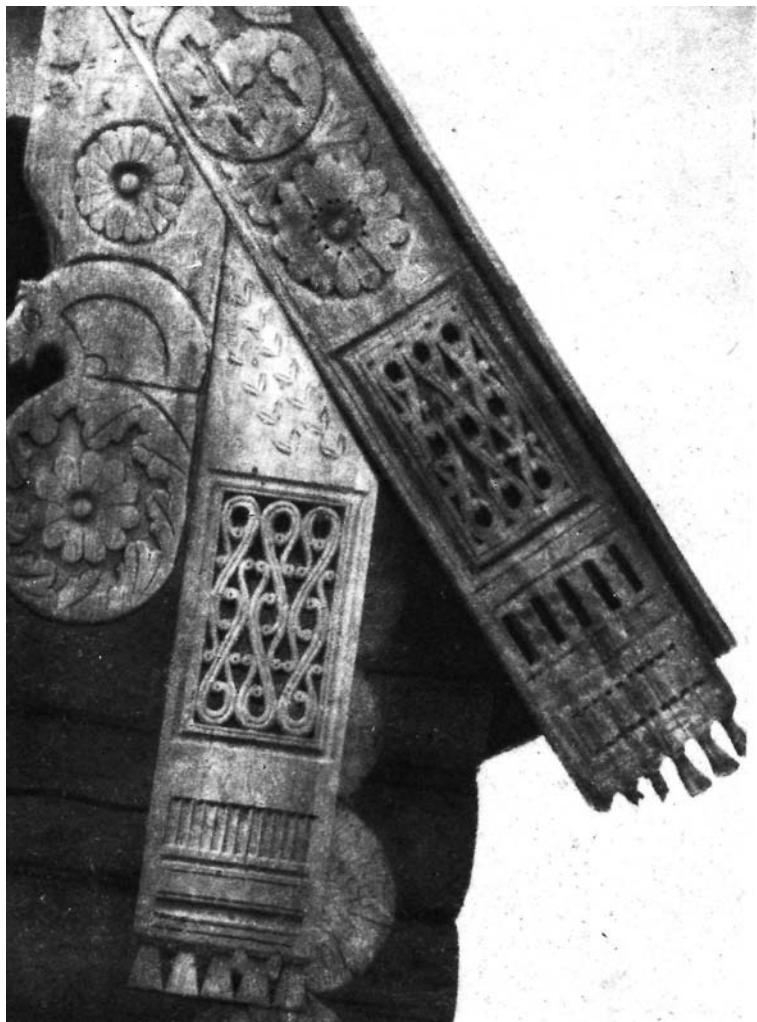
Рубка «в лапу».

вительно напоминают каких-то птиц). На эти крюки укладывают желоба — потоки. Они служат для отведения воды и для поддержания теса, которым покрывают скаты крыши. Стык тесин по верху закрепляют бревном с пазом в нижней части. Его насаживают сверху на тесины так, что они не шелохнутся. Такое бревно называют охлупнем, шеломом или коньковой слегой. Самцовые кровли называют еще кровлями «по потокам и курицам»; они, как правило, безгвоздевые.

Как и в поздних крестьянских избах Русского Севера, новгородцы ставили печь чаще всего слева от входа.

Раскопки показали также, что местное население было наделено большим художественным вкусом. Многие предметы утилитарного назначения украшены причудливой

Фрагмент причелины.

резьбой. Найдены фрагменты причелин — досок, прикрывающих торцы слег, с изящной порезкой по нижним краям. Сохранились дубовые колонны здания с изображением фантастических зверей.

Все это позволяет говорить о высокой строительной культуре новгородских плотников и живучести архитектурно-строительных традиций прошлого.

Новгородские плотники, или, как их часто называли, рубленники, топорники, славились своим мастерством уже в XI столетии. Они так умели сплачивать (отсюда и плотник), или связывать, бревна в срубы, что даже лезвие ножа не проходило между ними. В каждом венце надо было сделать пазы, врубки, потайные зубья, притесать одно бревно к другому. И все это делалось в основном топором, долотом, теслом, скобелем и другим нехитрым инструментом. Ошкуривали бревно, к примеру, стругом или долгим скобелем, представляющим собой дугообразное лезвие с двумя ручками. Им было удобно сдирать кору. Лес валили древесечным топором с узким лезвием. Плотничий топор имел широкое овальное лезвие. Тесины зачищали потесом — топором, имевшим широкое лезвие с односторонним срезом. Плотник топором мог сделать практически все. Недаром говорилось: «Дай крестьянину топор, и он починит даже часы». Была и вот такая присказка: «Жил я, живал, на босу ногу топор обувал, топоричем подпоясывался».

Плотничать в давние времена умел каждый мужчина, но искусным мастером становился далеко не каждый. Как и любое другое ремесло, строительное дело требовало больших знаний, опыта и таланта. Обычно строительством занимались артели плотников. В Новгороде их называли плотницкими дружинами. Дружина в XV столетии, как известно из документов, состояла из 6 главных мастеров и 10 подсобных рабочих. Артели переходили с места на место, и новгородские строительные традиции и приемы распространялись далеко за пределами Новгорода.

При строительстве любого здания зодчий ориентировался на лучшие известные ему постройки. Человек творческого склада привнес в строительство что-то свое, и, если это новое строение удавалось, на него равнялись другие мастера. Традиции и строительные приемы сохранялись, приспособлялись к новым условиям, развивались, так как они были жизненно необходимы.

Новгородские плотники сохранили давние строительные приемы и навыки по сей день. Не случайно их приглашают на восстановление самых сложных памятников народного зодчества в других городах: Ни одно строение, перевезенное в Новгородский музей деревянного зодчества не сохранилось в своем первоначальном виде. Потребовалось изучение самих памятников, архивных документов, чертежей и уж потом восстановление зданий. Под руководством архитектора Л. Е. Красноречьева плотники-реставраторы Е. А. Стрижов, Г. П. Липатов, А. А. Карташов, М. А. Дмитриев и другие дали новую жизнь памятникам народной архитектуры, собранным в музее «Витославицы».

Еще в XII столетии вблизи Новгорода существовало село с таким названием, а сегодня на его месте возникло новое село-музей старинных построек с тем же звучным именем — Витославицы. Исполком Новгородского городского Совета депутатов трудящихся выделил около 50 гектаров земли на окраине города, где и разместился музей под открытым небом. С севера и запада к участку подходит озеро Мячино, с востока он ограничен рекой Волхов, с южной стороны проходит шоссе, за ним раскинулся парк, разбитый в честь 1100-летия Новгорода. Территория заповедника огорожена легким тыном из наклонно поставленных жердей — косой изгородью.

Сейчас в Витославицах собрано около 20 памятников деревянной архитектуры. А совсем недавно считали, что в Новгородской области таковых не найти. Во время Великой Отечественной войны новгородская земля пылала от

фашистских снарядов и бомб. Где уж было уцелеть деревянным постройкам, если каменные рухнули, не выдержали натиска вражеской артиллерии. И тем не менее деревянные памятники народного зодчества в области нашлись, чудом сохранились, чтобы поведать нам, как замечательно было все, что создавал человек, каким мастеровитым строителем и талантливым художником он был.

В 1959 г. архитектор Леонид Егорович Красноречьев начал обследование памятников деревянной архитектуры области. Он исколесил и исходил по дорогам новгородской земли сотни километров, побывал в самых отдаленных ее уголках. Итог был потрясающим. Оказалось, памятники народной архитектуры есть, и не просто памятники, а шедевры. Только не все их видели, а Красноречьев сумел разглядеть в уродливых строениях древние здания. Деревянные дива были скрыты поздними «одеждами», которые предстояло снять и восстановить постройки в их изначальном виде.

Поиски экспонатов продолжаются и сегодня. Вот, к примеру, в 1978 г. небольшая экспедиция, — нет, пожалуй, это громко сказано, — просто группа энтузиастов в составе Л. Е. Красноречьева, его жены Натальи Михайловны, директора музея Людмилы Андреевны Филипповой и ее дочери Галины, побывала в Рёконьской пустоши. Когда-то там спрятанный за болотами стоял монастырь. От него уцелела лишь могучая Троицкая церковь. Ее зарисовали, сделали обмеры, а уж потом, спустя некоторое время, прибыли рабочие и разобрали постройку. А как перевезти? Ведь кругом болота. Ни одна машина доехать до монастыря не могла. На помощь пришли вертолетчики, но и им было непросто. Один рейс оказался неудачным — оборвался трос и ноша упала в трясины. Леонид Егорович оросился искать потерянные бревна, надо было торопиться. Болото шипело и всхлипывало под ногами, угрожая каждую минуту навсегда скрыть в

своим чреве не только старую древесину, но и человека. Дело осложнялось тем, что вертолет не мог зависнуть над этим местом — мешали деревца. Пришлось Леониду Егоровичу вместе с плотниками рубить их на болоте. Наконец, все было сделано, бревна увязаны, подняты в воздух и благополучно доставлены в Витославицы. Сегодня памятник восстановлен и радует глаз своими пропорциями.

Сборка и реставрация первого экспоната музея — Успенской церкви из села Курицко — началась летом 1964 г. Ее поставили на берегу Мячино. Она и прежде стояла на берегу, но другого, легендарного Ильмень-озера. Церковь была построена в 1595 г., что подтверждено специальным анализом в лаборатории Института археологии Академии наук СССР. Это тип распространенного на Руси шатрового храма. В основе его лежит четырехстенный сруб — четверик, на него поставлен восьмигранный — восьмерик, а венчает сооружение семнадцатиметровый шатер с главкой. Шатер — это суживающийся кверху восьмигранник. В старину было принято считать: чем выше здание, тем красивее. Шатер способствовал тому, что постройки становились устремленными вверх, легкими и изящными.

По традиции с востока к церкви примыкает сруб алтарной апсиды. С трех сторон здание окружено низкими прирубами: галереями и приделом. Церковь почти лишена декора. Ее украшают лишь причелины да резные концы досок на кровле.

За свою жизнь строение не единожды переезжало. За это время его перестроили, разобрали галереи, обшили тесом, окрасили масляной краской, прорубили новые окна, тесовые кровли заменили металлическими. Было время, когда его хотели разобрать вовсе. К 1965 г. церковь была в таком состоянии, что даже опытные реставраторы сомневались в возможности ее спасти. Под руководством доктора архитектуры А. В. Ополовникова и архитекто-

Успенская церковь из с. Курицко, 1595 г.

ра Л. Е. Красноречьева реставраторы совершили чудо, которым мы теперь можем полюбоваться — стоит лишь приехать в Витославицы.

Самым древним и наиболее значительным памятником в музее является церковь Рождества богородицы из села Передки. Первое упоминание о ней в церковных документах относится к 1539 г. Это также шатровая церковь, но восьмерик здесь поставлен на крестообразное осно-

вание. Такие крестчатые срубы, когда к четверику прирубали срубы меньших размеров — прирубы, открытые в сторону четверика, позволяли увеличить вместимость церкви, делали ее более просторной.

Особенностью этого строения является то, что углы крестчатого сруба не прямые, а тупые, благодаря чему достигается зрительное увеличение внутренних помещений. Стены как бы раздвинуты от центра. К тому же это пример весьма экономичного решения постройки подобного типа.

Над северным и южным прирубам, крытыми на два ската, установлены небольшие восьмерички с шатрами. Все кровли этого здания тесовые, за исключением центрального шатра и глав, обшитых осиновым лемехом — небольшими фигурными по очертанию дощечками, напоминающими лемех плуга. Лемех, или чешуя, вытесывался обычно из осины. Чешуя из этой породы древесины способна отражать цвет неба. То она золотистая, как закат, то серебристая, как северные облака. Порой кажется, что главы церкви растворяются в этих облаках.

Здание с трех сторон окружено галереей, которая как бы висит над землей на уровне четырех метров. Ее поддерживают большие балки, или, по-иному, выпуски, помочи, консоли. На таких галереях народ ожидал начала службы. К галерее-гульбищу ведет широкое трехходовное, или, как бы мы сказали сегодня, трехмаршевое, крыльцо.

Разновеликие объемы, своеобразная их компоновка придают особую живописность этому памятнику архитектуры, который является и одним из самых крупных в музее. Его высота более 30 метров. Как и курицкая, эта церковь неоднократно подвергалась значительным переделкам. В 1699 г. ее разбирали и собирали вновь, изменив отдельные формы. Этому памятнику также грозила гибель, и только в музее был воссоздан его первоначальный облик.

Привлекают внимание на музейной улице крестьянские избы. Русская изба стала для нас такой привычной, традиционной формой народного жилища, что мы почти не задумываемся над тем, что повторяемость ее форм подсказана многовековой житейской мудростью. Русские рубленники выработали наиболее экономичную и удобную в условиях северной природы конструкцию жилого дома и технику строительства, свойственную только русскому деревянному зодчеству. Прохладная в летний зной и теплая в зимнюю стужу, изба в основе состоит из трех частей: теплой избы, сеней и холодной клетки. Новгородская изба стоит на высоком подклете, или, как здесь говорят, на подызбице.

Перед нами дом из деревни Рышево, построенный в XIX в. С двух сторон его протянулась галерея, или прикролек. Она как бы делит здание на две части и по высоте доходит до уровня окон. Крышу галереи поддерживают столбики с балясинами. Такая галерея защищает нижнюю часть сруба от дождя, в ненастье под прикролеком сушат белье, летом там можно отдохнуть в тени.

Над крышей этого дома взметнулась деревянная стилизованная фигурка птицы. Над крышами других домов возносятся гордые головы коней. Для славян-язычников конь был символом добра, богатства, счастья. К тому же конь — постоянный спутник крестьянина, потому так часто во все времена помещали образ коня над избами.

От конька вниз свешивается резное деревянное полотенце, а торцы слег прикрыты причелинами. Фронтон избы украшен нарядным декоративным балконом. Окна обрамлены пышными наличниками. Плотники явно позаимствовали из каменного зодчества завитки-волюты, но сделали это так талантливо, что они не кажутся инородными телами на бревенчатом фасаде избы.

Избы представляет собой одну большую комнату, значительную часть которой занимает русская печь.

Небольшое пространство между печью и окном отделено дощатой переборкой. Это своеобразная кухня, или бабий кут. Здесь на залавке (нечто среднее между кухонным столом и лавкой) хозяйка готовила пищу. На полках расставлена посуда, на полу стоит большой чан с водой. На лавке — миска с яйцами, на стене висит связка золотистого лука. Перед печью — помело, ухват, лопата, которой сажали в печь хлеб для выпечки.

Хлеб был незаменимым продуктом питания, поскольку он содержит почти все необходимые человеку питательные вещества. Доставался он нелегко, но если был хлеб, была и жизнь. Вспомните знаменитого Робинзона Крузо, который познал на собственном опыте цену хлеба. Он изумился, как это люди не задумываются над тем, какое множество работ надо произвести, чтобы вырастить, сохранить, собрать урожай, смолоть муку и выпечь обыкновенную буханку хлеба.

В дореволюционной деревне каждая семья выпекала для себя хлеб самостоятельно. Вот как описывает Евгений Носов в повести «Усвятские шлемоносцы» радостный момент рождения хлеба: «С легким шуршанием хлебы один за другим слетали с лопаты на выскобленную столешницу, и сначала кухня, затем горница и все закутки в избе начинали наполняться теплой житной сытостью, которая потом проливалась в сени, заполняя собой двор и волнами катилась по улице. Возбужденные хлебным запахом воробьи облепляли крышу, к сениям сбивались куры, топтались у порога, пытливо заглядывая в дверь, и все тянула воздух влажно вздымавшимися ноздрями, принюхивалась сквозь воротные щели запертая в хлеву корова.

А тем временем мать, омочив в свежей, только что черпнутой колодезной воде гусиный окрылок, взмахивала им над хлебами, кропила широким крестом, и те, без остатка вбирая в себя влагу, раздобрело вздыхали побархатевшими округлостями и начинали ответно благоухать, как бы

дыша в расслабляющей истоме и успокоении. Потом каравай задерживали чистым суровьем и оставляли так до конца дня остывать и тем дозревать каждой порой до потребной готовности».

Издравле на Руси к хлебу было отношение благоговейное и бережное. Резал каравай самый уважаемый член семьи: отец, мать, старший из детей. Резал стоя, ломти отрезал старательно, чтобы ни одна крошка не упала. Уронивши кусок, следовало его тут же поднять и поцеловать. Нельзя было сказать о хлебе худое слово.

Со временем хлеб стал не только пищей, но и святыней, олицетворением жизни на земле. Он до сих пор ставится выше всяких богатств. Дорогих гостей, как и в былые времена, мы встречаем хлебом-солью, тем самым выражая свое гостеприимство, расположение и пожелание полного благополучия.

При небольших размерах русская изба всегда кажется просторной. В этом проявилось умение разместить все необходимое, не загромождая помещения. Разместить так, что в избе ничего не заденешь, не опрокинешь, любую вещь найдешь с закрытыми глазами. Стол, лавки, полки да полати — вот почти все убранство избы, и этого было вполне достаточно.

У окна, поближе к свету, стоит прялка, а рядом подвешена к потолку колыбель — зыбка. Прядет женщина пряжу и покачивает время от времени зыбку, дитя и не плачет. В доме все сверкает чистотой: свежевывмытые до белизны полы, домотканые половички, ситцевые занавески на окнах. Кажется, что это жилая изба и хозяйева где-то рядом, они лишь вышли на минутку.

Хозяйственный двор рышевской избы двухэтажный. На втором этаже сегодня размещена выставка «орудия обработки льна». Издавна новгородская земля слыла краем льна, или северного шелка, что идет на полотно, батист, кружева... Лен любит нежаркое лето, обилие влаги, длинный летний день, подзолистые почвы Новгородчины. Трудно

себе представить эти места без зеленых полей с голубыми цветочками.

Вырастить лен — еще полдела. Его надо обработать. Это было весьма трудной работой, преимущественно женской. А вот и основные орудия обработки сырья: вальки, мялки, трепала...

Созревший лен дергали или теребили, сушили и обмолачивали вальками. Обмолоченные стебли вымачивали в бочках, низинах или ямах-мочильнях, чтобы вышли все клейкие вещества. Затем лен сушили и мяли на льномялках. При этом отделялась твердая основа — кострика от волокон. Освобождали лен от кострики деревянными лопаточками-трепалами. Дальше надо было расчесать волокна в одном направлении. Делали это деревянными гребнями, щетками со свиной щетиной или металлическими зубьями. И уж только потом из кудели пряли пряжу и ткали холсты.

В настоящее время обширные пространства в Новгородской области заняты под посевами льна-долгунца. Это одна из наиболее трудоемких культур, но применение машин: льнокомбайнов, льнотеребилок, льноподборщиков-молотилок, льнорасстилочных машин и внедрение передовой технологии позволяют значительно снизить затраты труда в льноводстве.

Все избы в Витославицах кажутся жилыми. У хозяйственных дворов выложены поленницы дров, огороды обнесены частоколом из тонких жердей и засажены овощами. Ухоженные огороды и палисадники придают усадьбам еще большую достоверность и ощущение подлинного крестьянского хозяйства. На грядах плети огурцов и тыквы, цветут подсолнухи.

Для удобства полива овощей и для того чтобы не разводить грязь на улице, у колодца-журавля установлен деревянный лоток в виде продолговатого корытца. Одним концом он выходит на улицу, другим, с уклоном, — в огород. Ополоснули ведро и воду слили в лоток — вот вам и драгоценная влага для огурчиков и капусты.

В этом музее чувствуешь себя скорее гостем, нежели экскурсантом. Ты, твой отец, дед, прадед могли жить точно в такой избе, загонять скот в такие же хлева, носить тугие мешки с зерном в подобный амбар, а по осени убирать репу и морковь с такого же огорода и хранить урожай в подполе избы.

Осенью здесь алеют молодые рябины. Их так много в заповеднике! А под старыми деревьями встречаются крепыши-подберезовики. Гуляя по территории парка-заповедника среди совсем молодых и двухсот-трехсотлетних дубов, выходим к озеру. День пасмурный, и вода кажется студеной, но современные отважные рыбаки — в воде. В высоких резиновых сапогах, они часами стоят в озере, ожидая удачи.

Рядом с ними на берегу давняя рыбацкая сойма — еще один памятник прошлого. Уже с X в. встречаются на Севере упоминания о речных и озерных одномачтовых парусных судах — соймах. Соймы были распространены на Онежском, Ладожском и других северных озерах и реках. Длина сойм доходила до 26 метров, а грузоподъемность от 10 до 100 тонн. Это судно было передано в музей в 1973 г. колхозом имени В. И. Ленина Старорусского района. До недавнего времени ильменские рыбаки выходили на промысел на таких соймах. Предполагают, что соймы древних новгородцев мало чем отличались от этой.

Мимо рыбацкой соймы по тропинке направимся к выходу. Мы прощаемся с Витославицами — одним из лучших музеев деревянного зодчества. В нем как-то очень убедительно все памятники народной архитектуры оказались на своем месте, разве что ветряк вырвался из общего ансамбля и почему-то примостился под самыми стенами Юрьева монастыря, также памятника архитектуры, но каменной.

СЕВЕРНЫЕ ЗВОНЫ

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?

Ф. Тютчев

Русский Север занимает особое место в истории нашей культуры. Его сравнивают с гигантским хранилищем памятников народного творчества. И это не случайно. Именно здесь сохранилось более всего великолепных памятников деревянного зодчества, уцелели замечательные произведения древнерусской живописи и декоративно-прикладного искусства. Именно здесь были записаны знаменитые русские былины, родившиеся еще в Киевской Руси, сохранились обычаи, обряды, предания глубокой старины, давным-давно забытые в других местах России. Именно здесь удалось собрать целые библиотеки рукописных и печатных книг, некогда принадлежащих крестьянам.

Почему же Север оказался такой неиссякаемой кладовой русского искусства? Этому способствовали определенные исторические и географические условия. В составе Московского государства край занимал важнейшее в экономическом отношении место. Особенно усилилась его роль с началом торговли с Англией и основанием в 1584 г. города в устье Северной Двины. Он был назван Новохолмогорами, а в 1613 г. переименован в город Архангельский. До основания Петербурга он почти 200 лет был единственным морским портом, через который велась торговля с иностранцами. Через Архангельск же прибывали в Россию иностранные дипломаты, специалисты и артисты, которых выписывали для работы русские государи.

Огромная территория, укрывшаяся от мира лесами и болотами, не знала ордынского ига, не было здесь и крепостного права. Суровый и неприветливый к чужим, Русский Север давал пристанище и спасал тех, кто бежал от ига завоевателей, княжеского произвола, крепостной неволи и

преследований церкви. Эти непокорные люди приносили с собой рукописи, книги, иконы, а также строительные традиции, житейские обычаи. Закаленные в постоянной борьбе с природой, вольнолюбивые и независимые северяне в своем творчестве продолжали хранить заветы отцов и дедов. Некогда шумный, многолюдный, деловой и торговый, Архангельск, а вместе с ним и весь северный край с основанием Петербурга оказался в стороне от главных путей политического, культурного и хозяйственного развития государства и превратился в тихую, отсталую провинцию. Было время, когда о Севере почти забыли.

С конца прошлого столетия началось как бы второе открытие этого сказочного края. Русский Север посетили и полюбили Грабарь, Билибин, Васнецов, Коровин, Нестеров, Рерих и многие другие художники, ученые, писатели, музыканты. Они рассказали о суровой и самобытной земле, показали разливы ее рек, перламутровое небо, рыбацкие карбасы, одинокие часовни.

Очевидно, и многие, из нас «осваивали» Русский Север еще в детстве по билибинским иллюстрациям к русским народным сказкам. Нас манили дивные города с крыльцами и переходами в буйстве красок и цветов, островерхими храмами. По синю морю, по волнам, словно птицы, летели ладьи, по темным дремучим лесам рыскали серые волки, в тени деревьев прятались избушки на курьих ножках.

Много лет спустя мне посчастливилось убедиться в том, что все это было не сказкой, не вымыслом, а реальной жизнью. Я побывала в музее-заповеднике народного зодчества в Малых Корелах, что под Архангельском. Едва я ступила в ворота — сразу попала в далекое прошлое, в мир отважных поморов, охотников, лесорубов, землепашцев, плотников и поэтов, в мир, открытый мне волшебником Билибиным.

Музей раскинулся на двух лесистых холмах. Здесь собраны все типы деревянных построек, встречающихся на

Севере, поэтому музей под открытым небом по праву можно назвать энциклопедией русской народной архитектуры.

Первый экспонат — мельница из деревни Бор — появился в 1968 г., а уже в 1973 г. музей был открыт для посетителей. Формирование его продолжается и сегодня. В нем насчитывается более 60 различных строений, а будет их свыше сотни.

Парк-музей делится на шесть секторов — по числу культурно-этнографических зон Архангельской области: Каргопольско-Онежский, Северодвинский, Пинежский, Мезенский, Поморский и Важский. Создатели музея-заповедника постарались отвести место и расположить деревню каждого сектора с учетом природных условий той или иной зоны. Так, Мезенский сектор расположен над обрывом к реке Корелке. Дома стоят цепочкой вдоль берега — так их ставили на Мезени, где было мало свободных, пригодных для обработки земель, поэтому и прижимались к берегу, к самому обрыву, чтобы не занимать хорошую землю под жилье. Река подмывала берега, приходилось бороться за каждый клочок земли. И здесь в заповеднике обрыв укреплен бревенчатыми срубами, как это делали в мезенских деревнях.

Со временем получится шесть типичных деревень Российского Севера. При общности народной архитектуры в главном в каждом регионе были отличия в деталях, в художественном оформлении зданий, т. е. был свой «почерк». Региональный принцип построения музея под открытым небом наглядно демонстрирует характерные особенности каждой этнической зоны.

Внутри сектора-деревни памятник архитектуры показывают не сам по себе, а в комплексе, где учитывается общая планировка, вписываемость в ландшафт, взаимное соотношение памятников, набор построек крестьянской усадьбы. Каждый дом имеет огороженный двор, в нем, помимо построек, собран хозяйственный инвентарь, сложены поленницы дров, вырыты колодцы. Таким

образом, создается впечатление полной исторической достоверности северной деревни.

Заповедник воссоздает не только архитектурный облик сел, но и картину жизненного уклада крестьян в старину. Все предметы, «населяющие» избы, сработаны с большим художественным вкусом. Потребность в красоте всегда жила в северянах. Они заботились о красоте не меньше, чем о хлебе насущном. Взгляните на прекрасные прялки, ковши, вальки для стирки белья! Они с успехом выполняли бы свое назначение и без яркой нарядной росписи и резьбы, но наши деды знали, как важно, чтобы дивное узорочье обыденных вещей ласкало глаз, веселило душу, радовало человека.

Знакомство с народным зодчеством и декоративно-прикладным искусством помогает понять, в каком неразрывном единстве, в какой органической связи с ними были искусство слова и народная музыкальная культура. Фольклорные праздники, языком которых заговорил музей в Малых Корелах, яркое тому подтверждение.

Безудержно веселыми бывали народные праздники на Руси: с колокольным звоном, песнями, плясками, хороводами, катанием на тройках. В музее народного зодчества возродили давние традиции. Он стал пропагандистом фольклорных произведений. Здесь, *лак* нельзя лучше, проявляется единство места и действия, что так характерно для старинных народных празднеств. Сюда приезжают песенницы из Каргополя, Мезени, Архангельска. Среди старинных построек они чувствуют себя особенно уютно. Слушая песни, наслаждаешься гармонией народной музыки и слова. Каждая песня — это радость и боль, это труд, это жизнь наших дедов и прадедов.

Мерные басовитые удары колокола созывают народ на праздник. Эхом большому колоколу откликаются малые, вступая с трех колоколен в перекличку. Веселые, озорные перезвоны открывают современный фольклорный праздник.

С давних времен голос колокола сопровождал весь жизненный путь человека. Он созывал новгородцев и псковичей на вече, предупреждал о появлении врага и звал на бой. Загорелась где-то изба — опять же особый колокольный звон призывает на помощь. Если ты заблудился в непогоду, колокольный звон выведет тебя к жилью. Маленькие колокольцы были спутниками ямщиков в их нелегкой службе. Привязывали колокольчики на шею скоту, чтобы не потерялся, и сегодня в иных местах можно увидеть буренку, которая, позвякивая колокольчиком, щиплет траву на лугу. Колокольный звон использует и церковь, отмечая начало богослужения, его ответственные моменты и конец службы.

За удивительную мобилизующую силу колоколов к ним привыкли относиться, как к живым людям, и наказывали их, если считали виновными, тоже как «простых смертных». Например, колокол, который созвал народ на бунт в Угличе после гибели царевича Дмитрия, отправили в ссылку в Тобольск. Екатерина II приказала вырвать язык у набатного колокола Московского Кремля за его призыв к восстанию 1771 г., известному под названием «чумной бунт».

О колоколах складывали легенды. Рассказывают, что после покорения Новгорода великий князь московский повелел снять и перевезти в столицу вечевой колокол, который три с половиной столетия звучал над вольным городом. Но колокол не захотел покидать родной земли. Когда его привязанным к саням везли через горушки Валдайской возвышенности, он высоко подпрыгнул, упал и разбился на множество валдайских колокольчиков. Тысячами отголосков донесся до нас их звон.

Отливали колокола с большой любовью, вкладывая в них всю душу, украшали искусно выполненными орнаментами, клеймами и надписями. Один мастер стремился превзойти другого. В России был отлит самый большой в мире колокол — Царь-колокол весом 200 тонн.

Колокола отливали из колокольной бронзы, в состав которой входили медь, серебро, олово. От соотношения компонентов, размеров и формы колокола зависели чистота и сила звука. Количество колоколов на звоннице могло быть самым различным: и один, и два, и несколько десятков.

Определенным жизненным ситуациям соответствовал свой звон: будничный, торжественный, красный, плясовой, с малиновым перезвоном. Достигалось это подбором колоколов и талантом звонаря. Звонить в колокола не просто. Вести мелодию несколькими разноголосыми колоколами может только человек с хорошим музыкальным слухом. Во все колокола звонили в большие праздники и особо торжественные дни. Таким звоном встречали победителей, возвращавшихся из похода. Сегодня же мы скажем: «Звонить во все колокола», — и сразу всем ясно, что речь идет о чрезвычайно важном, о чем нельзя молчать. А на пасхальной неделе на колокольную подымался звонить всякий, кто пожелает. И тогда с них раздавались «Камаринская», «Во саду ли в огороде», плясовые припевки и другие совсем не церковные мелодии.

Искусство звона в наши дни почти утрачено. Не много осталось в живых стариков-звонарей, да и те уж давно не звонят. Уже более ста лет назад Владимир Даль отмечал, что искусство это заброшено.

Сотрудники Архангельского музея-заповедника и профессионалы-музыканты из Архангельского музыкального училища не дали погибнуть этой ветви старинной музыкальной культуры и возродили северные колокольные звоны. Они так и назвали экспозицию колоколов — «Северные звоны».

Двадцать три колокола московского, петербургского, ярославского, харьковского и местного литья, а также голландской работы подвесили на трех колокольных музеев. Молодые музыканты-звонари после упорных трудов в совершенстве овладели этим искусством и теперь по

воскресным дням плывут над Северной Двиной мелодичные звоны.

Колокольный звон ведет за собой, и незаметно оказываешься у самой большой и красивой звонницы. Она стоит на вершине холма, могучая и стройная. Ее построили еще в XVI в. в деревне с необычным названием Кулига-Дракованово. Звонница — древнейший из экспонатов музея — представляет собой высокую башню с открытым ярусом звона, завершенную шатром. Каркас колокольни состоит из 17 вертикально стоящих столбов: шестнадцать стоят по периметру, а один — в центре. Эти столбы с внешней стороны до яруса звона защищены восьмигранным срубом. Восьмерик начинается не от земли, а поставлен на своеобразное основание — четверик, — которое придает колокольне большую устойчивость и зрительно связывает ее с землей. Шатровое покрытие стропильной конструкции опирается на обвязочную балку столбов каркаса и на центральный столб. Открытые части столбов украшены резьбой в виде овальных дыnek и -жгутов.

Колокольня своим видом напоминает сторожевые башни древнерусских деревянных крепостей. И это не случайно. Известно, что в давние времена колокольни, помимо своего основного назначения, служили еще и наблюдательными вышками. Поднявшись на звонницу из Кулиги-Дракованова, убеждаешься, как далеко просматривается вся округа.

Широко разлилась Северная Двина. Со времен Ивана Грозного по этой реке в главный и единственный в то время морской порт Архангельск сплавляли лес, шли суда со смолой, солью, рудой и другими богатствами Руси. Вдоль реки селились люди, они жили рекой и лесом. Вот и сейчас видно с высоты колокольни несколько деревенок заповедника. Над ними то здесь, то там высятся церкви и колокольни; особую живописность пейзажу придают ветряные мельницы, овеянные студенными вет-

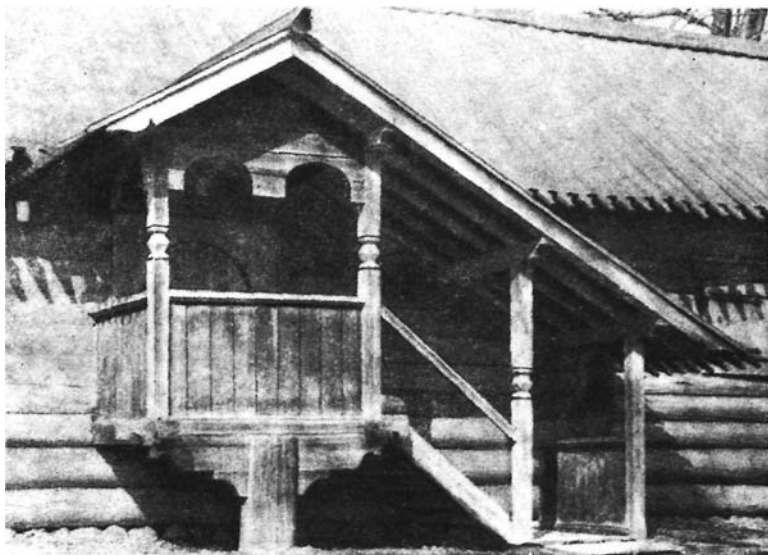
рами. Но больше всего в заповеднике крестьянских изб. Словом «изба» первоначально называли отапливаемое помещение с печью, или «истобкой», в отличие от неотапливаемого, называемого клетью.

Северные избы высокие, часто в два этажа, солидные, простые, прочные, удобные для жизни. Все здесь продумано, ничего не упущено. Избы поднимаются над землей на высоком подклете — этаже хозяйственного назначения. Так теплее, не занесет снегом, и кладовая прямо под полом. Крыши, словно козырьки, нависают над стенами и тем самым предохраняют их от дождя и снега. Хозяйственный двор и жилье — под одной крышей, поэтому в суровую северную зиму нет нужды лишней раз выходить на улицу. Почти все работы по дому и уход за скотиной можно вести, не выходя из помещения.

Самым распространенным и самым древним на Севере был тип жилища, известный как изба-брус. Такая изба перевезена в музей из деревни Гарь. Здесь все помещения — жилые и хозяйственные — выстраиваются друг за другом по продольной оси. Блок строений действительно напоминает длинный брус. Изба предельно проста и цельна. Жилой этаж в три окна, а подклет глухой, т. е. без окон. С внутренней стороны бревна гладко затесаны на высоту человеческого роста. Потолок и пол сделаны из колотых пластин. Бревна раскалывали с помощью клиньев, затем скол протесывали топором и получали пластину, или плаху. Поперек избы проходит балка-матица, на которую опираются потолочины, или плахи потолка. Обстановка, кроме стола, традиционно врублена в стены.

На доме минимум украшений: резные причелины и водометы, конек да дымник.

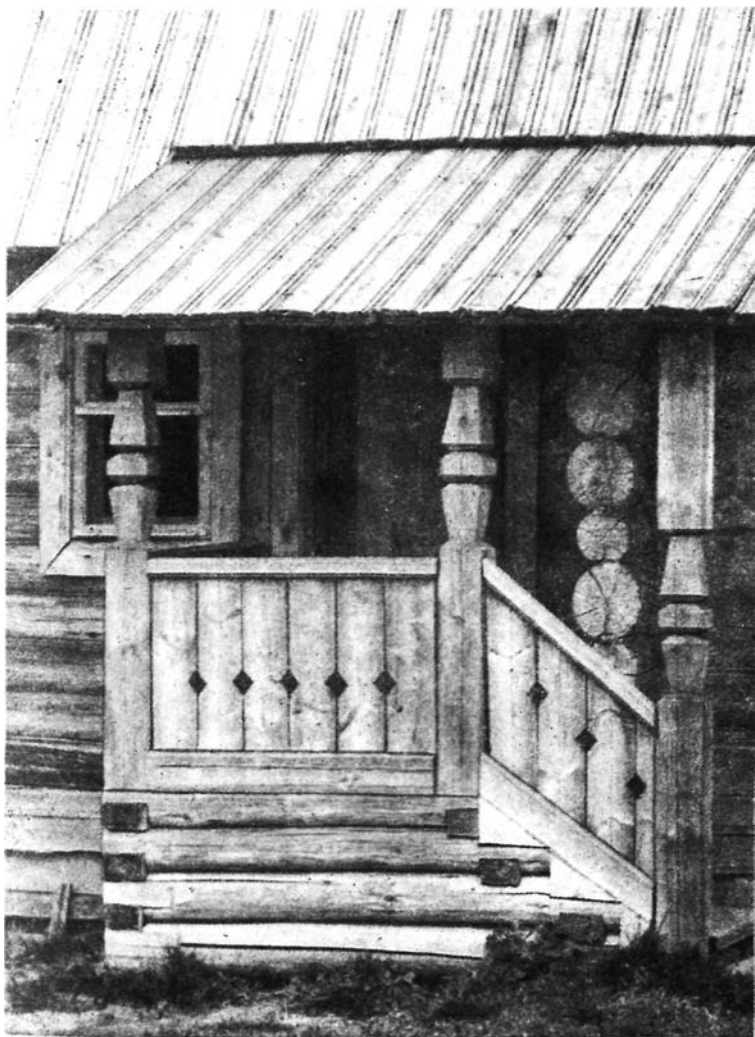
В музее показаны также более совершенные и более приспособленные для жизни дома, такие, как дом-пятистенок, дом-шестистенок. В них уже не одна, а две теплые комнаты, разделенные рубленой стеной. В доме-шестистенке между комнатами имеется заулок, или холодное

Крыльцо «об одном столбе».

помещение, между двумя срубам, которое использовалось как чулан или сени.

Почти все избы имеют крыльца на одном, двух или четырех столбах, перекрытые высокими шатровыми или двускатными крышами, с витыми колонками и резными причелинами. Одни проще, другие пышнее, но все непременно приветливые и уютные. Они словно приглашают войти в дом. Крыльцо не просто отмечало вход, связывало наружное пространство с внутренним, но и было местом, где происходили церемонии встреч и проводов гостей. Именно на крыльце гостю вручали хлеб-соль. Учитывая это назначение, крыльцо украшалось особенно тщательно и искусно. Оно становилось главным элементом художественной композиции бокового фасада.

Такие крыльца любили в средней полосе России.

В одних строениях музея воссозданы старинные интерьеры, в других устраивают выставки, например «Лен на Севере», «Современное народное искусство Севера», «Традиционные сухопутные средства передвижения». Эта выставка экспонируется на гумне с овинами в Каргопольско-Онежском секторе. Здесь можно увидеть охотничьи лыжи, сани-розвальни*, сани-пошевни**, одноколные легкие телеги, одноколки с волочагами. Это такие двухколесные телеги, к которым сзади прикреплены два бревна. Они волочились по земле за телегой, а при подъеме в гору, при остановке упирались в почву, и одноколка не скатывалась вниз. В каждом экспонате народная смекалка, выдумка и художественный вкус, особенно ярко проявившийся в украшении самой приметной части упряжи — дуги. Они очень разные: расписные и резные, с медными бляхами и колокольчиками.

На территории музея так много замечательного и интересного, что обо всем не расскажешь. Надо самому приехать и увидеть все своими глазами.

Север по сей день поражает нас шедеврами деревянного зодчества. Здесь и сегодня творят замечательные плотники-художники, процветают древние ремесла: чернение по серебру, плетение кружев, резьба по кости и дереву. Север очаровывает нас разливами полноводных рек, спокойной гладью озер, его смолистыми лесами.

В Малых Корелах приятно побродить среди изб, амбаров, мельниц, часовен, по деревянным лестничкам преодолеть глубокий овраг и подняться на второй холм, посидеть на огромном бревне-скамье и полюбоваться жемчужными летними вечерами над Северной Двиной, подышать свежим воздухом, подумать, помолчать.

---

* *Сани-розвальни* — крестьянские низкие и широкие сани без сиденья с расходящимися врозь от передка боками.

** *Сани-пошевни* — широкая зимняя повозка на полозьях с сиденьем.

ТОПОРНАЯ РАБОТА

Коль помянуть кого хотим мы
не добром,
Честим его дела: топорная работа...
Но есть в Кижях собор. Он срублен
топором,
И меркнет перед ним любая позолота.

Н. Рыленков

Когда-то, еще во времена язычества, остров Кижы был местом молений и игрищ. Его так и называли: «кижат», что значит «остров игрищ». Почему древние выбрали для святилища именно этот, один из 1650 островов Онежского озера, небольшой, километра четыре в длину и менее километра в ширину, остров, сказать трудно, но людей тянуло туда всегда. Со временем там образовалось довольно крупное поселение: Спасский Кижский погост.

Мы привыкли погостом называть сельское кладбище с церковью. Но это уже более позднее значение слова. Погост происходит от слова «гость» и означает постоянный двор, где останавливались гости, или торговые люди. В X в. погостами называли места торжищ. В таком населенном пункте ставили церковь, и он приобретал значение церковного прихода, а зачастую становился еще и административным центром для многих близлежащих сел и деревень.

На Кижском погосте всегда было многолюдно. Бывало, не найти места для лодок у причала. С других островов приплывали сюда то на крестины, то на венчание, то на отпевание усопших. Все «мирские» дела вершились тут же: в трапезной церкви происходили судебные разбирательства, опрашивались под присягой крестьяне по разного рода делам, заключались всевозможные частные сделки, обнародовались указы властей, собирались крестьянские сходы. А по праздникам на площади перед

храмом устраивались народные гуляния и ярмарки.

Центром Кижского погоста были две церкви и колокольня. Этот редчайшей красоты ансамбль сохранился до наших дней. Слава о нем так велика, что в Кижы едут люди со всего света. С ранней весны до поздней осени быстроходные «Кометы» без усталы снуют по маршруту Петрозаводск — Кижы — Петрозаводск. И так каждый день с утра до вечера. Зимой же для туристов организуют обзорные экскурсии на самолетах.

Остров открывается сразу. Он словно град Китеж поднимается из воды. Мы видим его причудливые силуэты; приближаясь, различаем нарядные дома, ветряк с распахнутыми крыльями, церкви, часовни, амбары. Перевезенные сюда из глухих уголков Карелии, здания создали исторический фон для архитектурного ансамбля Кижского погоста и одновременно стали экспонатами музея народного зодчества, который начали создавать на острове с 1951 г.

Доминирует над градом Преображенская церковь, по высоте она равна современному двенадцатиэтажному дому. В основе архитектурной композиции церкви лежит восьмерик с четырьмя прямоугольными прирубами, на который поставлены еще два последовательно уменьшающихся восьмерика. К восточному прирубу примыкает алтарь, а к западному — трапезная с двумаршевым крыльцом. Восьмерики и прирубы завершаются фигурными «бочками», на которые поставлены в пять ярусов главки разной величины. С какой бы стороны мы ни смотрели на здание, мы видим одинаковые фасады: все те же островерхие бочкообразные покрытия и остроконечные главки. Будто наперегонки, они устремляются ввысь к самой большой центральной, двадцать второй по счету главе. Многоглавие храма создает сказочно-феерическую картину.

«Купола, купола... Это множество куполов поначалу ошеломляет. Порой, особенно на зорях, кажется, что

церковь — не создание рук человеческих, а чудо природы, невиданный цветок или волшебное дерево, возросшее в этом суровом северном крае. Это — широкая, привольная песня во славу человека, могущества его рук и разума»* — так написал о церкви руководитель научной реставрации памятника, проведенной в 50-х годах, доктор архитектуры Александр Викторович Ополовников.

По преданию, храм был воздвигнут в честь побед русских войск над шведами в Северной войне. На Руси было принято ставить церкви как памятники победы. Так, в честь взятия Казани на Красной площади в Москве возвели Покровский собор, всемирно известный теперь как храм Василия Блаженного. Каждая деталь в нем ликует и поет о победе. Так и здесь, среди озерных вод, в 1714 г. поднялось небывалой красоты здание. Оно строилось как летний храм. Службы в нем велись лишь по особо торжественным случаям.

Храм вобрал в себя все лучшее, что было накоплено к этому времени русским деревянным зодчеством. Существует легенда, по которой строитель церкви мастер Нестор якобы сказал: «...не было и не будет такой», да с этими словами забросил в озеро свой топор, чтобы не повторить где-либо подобное чудо. Это, конечно, легенда. Безусловно то, что это произведение народной архитектуры — плод коллективного труда, и просто не верится, что оно сотворено практически одним топором.

Прошли столетия, много бурь и событий пронеслось над Кижским погостом, не все сохранилось, но некоторые строения выстояли, и сегодня они уже памятники архитектуры. Нас восхищает их красота и совершенство, и мы меньше всего думаем об их былом культовом назначении. Для нас все они, как и Преображенская церковь, храмы-памятники.

---

* Ополовников А. В. Киж. М., 1976, с. 44.

Во второй половине XIX в. Преображенскую церковь ремонтировали и исказили ее образ до неузнаваемости. Бревчатый сруб обшили тесом и окрасили масляной краской, деревянные кровли заменили металлическими, растесали окна, крыльцо «украсили» уродливыми балясинами.

Вторым рождением памятника можно считать 1949—1959 гг., когда реставраторы освободили его от многочисленных и чуждых наслоений и воссоздали церковь в ее первозданном виде.

Потребовалось вытесать топором 30 тысяч лемешин, чтобы покрыть, как и встарь, осиновым лемехом все главки, шейки и бочки покрытий. Под чешую лемеха положили слой бересты, чтобы влага не проникала внутрь. Плотники так умели делать покрытия, придавать такие очертания конструкциям, что ни одна капля дождя не задерживалась на них. Дождевые капли катились с лемешины на лемешину, с уступа на уступ, с полицы на водотечник, не попадая в помещение. И венцы сруба подгоняли так плотно, что вода не проникала в швы. Для этого каждый венец имел небольшой напуск. Нужно было прорубить бороздку со скосом на лицевую сторону по всей длине бревна. Это трудоемкая работа, но в исключительных случаях — а строительство Преображенской церкви было именно таким случаем — этим приемом пользовались.

Срок жизни деревянного здания не долог. Изба служит обычно двум-трем поколениям, но при хорошем лесе, при надежной защите сруба от грунтовых и талых вод, при своевременном ремонте изба может простоять и до ста лет. Церковь живет подольше, бывает, что при благоприятных условиях она достигает и четырехсотлетнего возраста, но это большая редкость. Век деревянных построек зависит от многих факторов. Солнце, ветер, перепады температур, дожди и снег, грунтовые воды, химическое загрязнение воздуха, внутренний микроклимат — все это сокращает жизнь строения.

300 лет назад плотник, очевидно, не знал, что в гниении венцов сруба повинны домовые грибы и другие дерево-разрушающие микроорганизмы и насекомые. Это сегодня специалисты обнаружили в Кижях более 50 микроорганизмов, разрушающих памятники архитектуры. Но строитель уже тогда по опыту знал: чем суше древесина, тем долговечнее будет строение. Он хорошо знал, что лучше срубить дерево поздней осенью или зимой, тогда древесина наиболее сухая.

Для постройки Преображенской церкви валили кондовую мелкослойную сосну на одном из островов и еще два года выдерживали, чтобы как следует высохла. Дерево не пилили, а рубили топором, так как давно известно, что от ударов топора волокна древесины уплотняются и меньше впитывают влагу, чего не скажешь о распиленной древесине. Такое дерево так и «тянет» воду и, конечно же, загнивает быстрее. Из многих пород дерева плотник обычно выбирал наиболее стойкие к загниванию: дуб, лиственницу, сосну. Заметил в свое время мастер, что осина обладает замечательным свойством отталкивать воду. Так и пошло — из века в век лемех для покрытий делали из осины.

Подметил еще плотник, что застойный воздух — большой враг деревянной постройки, поэтому и устраивал он в подклетах и на чердаках небольшие оконца — продухи. И никогда мастер не обшивал сруб тесом, а вот позднее, в XIX столетии, стало модным придавать деревянным зданиям вид каменных, для чего одевали их в тесовые одежды. Но при плохом уходе между срубом и тесовой обшивкой в застойном воздухе особенно активно размножались всевозможные древоточцы и грибы. Здания начинали разрушаться на глазах. Реставраторы меняют сгнившие бревна. Но часто мы не сразу видим результаты деятельности микроорганизмов, так как они; делают свое гнусное дело в глубине бревна, а когда разрушение становится заметным, спасти древесину уже невозможно.

Как же помочь деревянным постройкам? Как продлить их жизнь на новом месте в условиях музея под открытым небом? На помощь пришла химия.

Существуют специальные препараты, которые убивают вредные бактерии, находящиеся в древесине, закрывают доступ новым и защищают здания от влаги и огня. Но не все антисептики могут применяться при консервации древесины. Они должны обладать высокой токсичностью по отношению к грибам и насекомым. Необходимо, чтобы токсичность сохранялась длительное время, чтобы антисептики не ухудшали физико-химические свойства древесины и, наконец, не оказывали вредного влияния на здоровье людей. Чаще всего применяют фтористые и кремнефтористые препараты, диффузионные пасты на их основе и ряд других антисептиков.

Способов «лечения» древесины названными препаратами несколько. Можно разобрать здание по бревнышку, заменить поврежденные части, причем свежую древесину с помощью специальных составов необходимо предварительно состарить, чтобы она не выделялась по цвету. Бревна из древней постройки в этом случае можно пропитать раствором антисептика в ваннах и снова собрать. Такой способ консервации доступен при перевозке памятника архитектуры в музей, когда неизбежна его разборка.

Если же здание разбирать нежелательно или невозможно, его опрыскивают раствором антисептика, обмазывают древесину диффузионными пастами, но надежность названных способов недостаточна, так, как они сводятся к поверхностной обработке.

Сотрудники Сенежской лаборатории консервирования древесины применяют так называемый панельный способ. Здание по частям покрывают защитной оболочкой-панелью. Между ней и бревнами сверху вниз циркулирует раствор антисептика, который способен бороться со 150 видами грибковых микробов. Получается нечто вроде ванны, но без разборки здания. В зависимости от необ-

ходимой глубины пропитки, свойств, состояния древесины и температуры воздуха процесс длится от 10 до 30 дней.

Покровская церковь и колокольня ансамбля были «пробальзамированы» способом панельной пропитки и получили паспорта на 50 лет.

Ленинградские специалисты предложили способ фумигации — эффективный способ обработки древесины парами бромистого метила. Пары более подвижны, они быстрее и глубже проникают и стерилизуют конструкции. Бромистый метил признан лучшим фумигантом (веществом, отравляющим парами или газами), поскольку легче других проникает в древесину, обладает фунгицидными и инсектицидными свойствами, т. е. токсичен как для грибов, так и для насекомых. Он легко выветривается из помещения и не портит вещей, находящихся в нем.

Фумигация проводится под синтетической пленкой, здание как бы одевают в рубашку из пленки. «Рубашка» для кижских экспонатов представляла гигантский шатер. Его клеили пять дней. Перекидной полог площадью 900 квадратных метров и два торцовых полотнища по 250 квадратных метров каждое. Шатер накидывали поочередно на строения, края его присыпали песком для герметичности и затем пускали из баллонов газ.

Всего две недели летом 1980 г. понадобилось, чтобы обработать все избы, часовню, ветряную мельницу, бани, ригу и амбар музея. Оставался самый сложный и ответственный экспонат — двадцатидвухглавая Преображенская церковь. Она требовала не только фумигации, но и серьезной реставрации. Со временем здание дало значительный, до 60 сантиметров от вертикали, крен, и его необходимо было устранить. Это очень сложная задача.

Учеными предлагались различные проекты продления жизни памятника архитектуры. По одному из них здание с помощью системы домкратов принимает вертикальное положение. Чтобы оно не покосилось в дальнейшем, изнутри устанавливается металлический каркас. Он не будет

заметен, так как низ его скроет иконостас, а большая часть каркаса будет находиться в чердачных помещениях.

Другое предложение — оторвать здание от земли и повесить его на специальных внутренних силовых лесах. Затем постепенно, начиная снизу, поярусно перебрать его. Одновременно произвести химическую защиту и замену обветшавших венцов.

После тщательного изучения памятника специалистами было принято второе предложение. Летом 1982 г. приступили к этой сложнейшей операции по спасению жемчужины народного зодчества XVIII в.

Рядом с нарядной Преображенской церковью стоит более скромная Покровская, построенная на 50 лет позднее. Она не пытается соперничать со своей соседкой, а лишь вторит ее песне своим уникальным многоглавием. Девять ее куполов строгих и утонченных пропорций поставлены не прямо на крышу, а на небольшие восьмерики, покрытые зубчатыми тесовыми дощечками, словно перистыми воротничками вокруг шеек глав.

Очень украшает глухие бревенчатые стены сруба пояс из резных треугольных фронтонов. Плотник догадался скрыть за ними наклонные доски. Они приняли на себя часть осадков и стали по лоткам отводить их в сторону.

Колокольня погоста — самое молодое здание, построенное в 1874 г. Она своей простотой подчеркивает живописность старых церквей. Законченность архитектурному ансамблю придает новая бревенчатая рубленая ограда. Она сработана по образцу уцелевшей на Водлозерском Ильинском погосте. Мы не знаем, какой была ограда Кижского погоста, но она могла быть именно такой. Выполнена она в лучших традициях древнерусского деревянного зодчества. Здесь нет никакой стилизации.

Такие великолепные и сложные по исполнению церкви, как Преображенская и Покровская, появились на Руси не сразу. Первые христианские храмы напоминали избы.

Церковь Лазаря из Муромского монастыря. XIV в.

Их называли «клецкими» (клетскими), от слова «клеть», которая составляла основу избы. В музее-заповеднике можно увидеть одну из самых древних клетских построек — церковь Лазаря. По преданию, она построена в конце XIV в. новгородским монахом Лазарем в основанном им Муромском монастыре, на юго-восточном берегу Онежского озера. Столь почтенный, шестисотлетний возраст церкви специалисты объясняют тем, что она стояла на сухом песчаном грунте. Он слабо увлажнялся летом и не промерзал зимой, так что «поле деятельности» микроорганизмов было ограничено.

На острове Киж и близлежащих островах сохранилось несколько дивных, различных по композиции и декоративному убранству привлекательных и живописных часовен.

Их называют «кижским ожерельем». Некоторые из них можно увидеть с борта «Кометы»: вдруг неожиданно возникает изящный контур часовни; не успеешь насладиться зрелищем, а ее уже нет, скрылась в зелени елей. Онежские мастера так выбирали места для своих строений, так органично вписывали их в окружающий ландшафт, что встреча с памятниками «кижского ожерелья» запоминается надолго.

Остаются в памяти и огромные дома, нет, не дома — дворцы онежских крестьян, хотя это и звучит парадоксально. Дома, как и везде на Севере, гигантских размеров. Они также поставлены на высокий подклет или имеют два жилых этажа. Хозяйственные помещения и двор здесь под одной крышей с избой.

Вот двухэтажный дом с балконами из деревни Ошевево. В нем три избы, горница, светелка, кладовки, сени, сарай, четыре хлева-поскотницы и крытый двор объединены в общий сруб. Его объем 2,5 тысячи кубометров. Сравните: объем однокомнатной квартиры в среднем 100 кубических метров. Весь сруб перекрыт общей двускатной кровлей, но скаты не равны: один крутой и короткий, другой пологий и длинный. Конек крыши проходит не над серединой всего здания, а по центру жилой части, поэтому боковые фасады имеют своеобразные асимметричные очертания. Жилая часть дома обращена к озеру, а хозяйственная, под пологой крышей, смотрит на огороды.

Такой тип избы называют кошелем. Он отдаленно напоминает берестяную котомку — кошель, в которую можно много всего положить. Вот и в этом доме размещено все, что необходимо в крестьянской жизни большой, из двадцати двух человек, семьи.

Местные избы отличает пышное декоративное убранство. Очень выразительны балконы и светелки, наличники со ставнями, декоративные висячие галереи-гульбища, опоясывающие дома на уровне окон. Они словно ажурная проश्ва на глади бревенчатой стены. Когда-то такие

гульбища были необходимы для закрывания ставней, но со временем в моду вошли занавески и ставни оказались ненужными. На некоторых домах ставни превратились в декоративный элемент, а на иных окнах их вовсе нет. А раз отсутствуют ставни, отпала необходимость устраивать обходные галереи. Но они так полюбилися жителям Заонежья, что отказаться от них было не в силах. Галереи по-прежнему украшали избы карельских деревень. Глядя на них, вспоминаешь слова К. Паустовского: «Избы все в кружевах, как в полушалках».

На резных деревянных полотенцах, свисающих с крыш, обязательно есть символ солнца, доставшийся онежским крестьянам с языческих времен. Вырезали солнышко, чтобы оно чаще заглядывало в избу, чтобы всегда было тепло и сытно в доме. Понятно, это лишь традиция, а чтобы действительно было тепло и сытно, крестьянину необходимо было много трудиться. Орудия труда, различную утварь можно увидеть в сарае, расположенном над хозяйственным двором дома из Ошевнева. Здесь и бороны, и мотовило, и ручная мельница, и льнотеребилка, и рыбацкие сети, и сани, и деревянные корыта для стирки белья, и многое другое. Все эти вещи сделаны с большим вкусом, несмотря на их утилитарность и обыденность. Даже такое приспособление, как вешало, вызывает наше восхищение.

Погода в Карелии неустойчивая, часто лето прохладное, с обильными дождями, поэтому крестьянину пришлось подумать над тем, как в ненастное лето высушить снопы хлеба, заготовить на зиму сено. И он придумал вешала — своеобразные стенки из жердей, на поперечины которых навешивали снопы, а уж потом досушивали их перед обмолотом в риге с каменкой. Это строение ставили в стороне от жилья из-за возможности возникновения пожара. По этой же причине на удалении от дома, но непременно перед окнами (чтобы не забрался кто!) размещали амбары.

А у самой воды — банька, рядом на берегу крутоносая лодка-кижанка. Она играла немаловажную роль в хозяйстве. Легкая, прочная, устойчивая на воде в любую погоду, кижанка помогала прокормиться семье, ведь своего хлеба на неурожайных землях Карелии хватало лишь на четыре месяца. Надо было заниматься различными ремеслами, промыслами и рыболовством в первую очередь.

Музей-заповедник в Кижях по ценности своих памятников не имеет себе равных, но сказочный остров продолжает пополняться экспонатами. Вновь застучали топоры в деревеньке Ямка, она с незапамятных времен была на острове. Восстановлены ее собственные избы и перевезенные с других островов.

Создан архитектурный комплекс деревни Пудожской, закладываются фундаменты поселения вепсов. Оригинальные постройки этой небольшой народности, скрытые до сегодняшнего дня болотами, обретут в музее новую жизнь.

ОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Не привыкайте к чудесам, —
Дивитесь им, дивитесь!

В. Ш е ф н е р

Своим происхождением Коломенское обязано жителям разоренной ханом Батыем Коломны. Они основали новое поселение вблизи Москвы на высоком берегу реки. И стали их называть коломенскими, букву «н» в середине слова чаще всего не проговаривали, и таким образом село стало Коломенским.

Есть и другое объяснение этого названия. Считают, что Коломенское происходит от «коло», что означало «окруж-

ность», «около», — вокруг, окрест, неподалеку. Стало быть, «Коломенское» значит «расположенное около, вблизи Москвы».

История села давняя и богатая событиями, она неразрывно связана со столицей. В 1380 г. великий князь Дмитрий Донской, возвращаясь с Куликова поля, останавливался в Коломенском, и село радовалось победе русского оружия вместе с Москвой. Вместе с ней село страдало от вражеских набегов. Три недели стоял здесь лагерем золотоордынский хан Едигей в 1408 г. и ушел лишь после того, как получил богатый откуп москвичей.

В начале XVII в. Коломенское стало свидетелем крупных антиправительственных выступлений. В нем был лагерь восставших крестьян во главе с И. И. Болотниковым. Сюда же в 1662 г. шла московская беднота искать у царя управы на ненавистных бояр и требовать отмены медных денег, а нашла для себя избиение, пытки, виселицы. Тем же, кому была оставлена жизнь, выжгли каленым железом на лице букву «Б», что значило «бунтовщик». Это событие вошло в историю как «медный бунт».

Обо всех событиях могли бы поведать старожилы Коломенского — дубы, если бы они умели говорить. Считается, что деревьям по 600—800 лет. Значит, эти ветераны помнят Дмитрия Донского, Ивана Грозного а при Петре I они были уже совсем взрослыми дубами. Как сообщалось в ноябрьском выпуске сборника «Старые годы» за 1913 г., под одним из дубов Никита Зотов обучал в летнее время грамоте юного Петра I. Сейчас деревья совсем состарились. Их увечья, нанесенные молниями и непогодой, дупла пришлось закрыть специальными металлическими накладками. И все же каждую весну они радуют нас появлением молодых зеленых листочков.

С «легкой руки» отца Петра I, царя Алексея Михайловича, пошло, говорят, выражение «коломенская верста». Царь по дороге в свою вотчину распорядился установить высокие, заметные верстовые столбы, к тому же постав-

ленные друг от друга более чем на версту. Так и стали называть длинную версту коломенской.

В XVI—XVII столетиях село превратилось в излюбленную загородную резиденцию московских царей, и это сразу сказалось на его застройке. В 1532 г. на высоком берегу Москвы-реки-был построен великолепный храм Вознесения, очень напоминающий своим шатровым завершением деревянные церкви.

Этот храм был самой высокой постройкой не только ансамбля, но и Москвы того времени. Стройный столп взметнулся ввысь на 62 метра. Шедевр мирового зодчества, он сочетает в себе монументальность и динамичность. На высокое, крещатое основание церкви поставлен восьмигранный объем, переходящий в шатер. Здесь один объем вырастает из другого, являясь его логическим продолжением. Узкие окна, лопатки (выступающие плоскости стены) по углам здания, ярусы килевидных кокошников еще более подчеркивают движение вверх. Чтобы полнее прочувствовать архитектурное величие этого здания, задержитесь на несколько мгновений под аркой усадебных ворот. Возможно, с этой точки любовался храмом французский композитор Гектор Берлиоз в 1868 г., после чего он написал: «Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенском... Я видел стремление ввысь, и я долго стоял ошеломленный».

В XVII столетии в Коломенском строится целый дворцовый комплекс. Сохранились двое ворот в царскую усадьбу, Водовзводная башня, Приказные, Полковничьи палаты и другие здания, в которых размещается экспозиция Государственного музея-заповедника XVI—XVII вв. «Коломенское». Здесь можно увидеть полную обстановку Приказной палаты, где осуществлялось все делопроизводство и управление хозяйством усадьбы. В залах музея представлено оружие, воинские доспехи, напоминающие о событиях Крестьянской войны XVII в. Великолепная коллекция из-

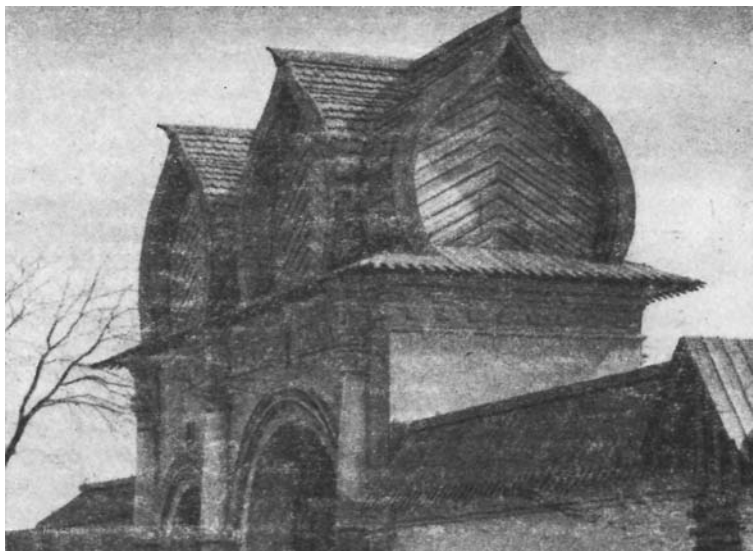
разцов раскрывает весь путь развития этого ремесла и искусства. А какие тут собрания древнерусской живописи, резьбы по дереву, литья, часовых механизмов! Но, пожалуй, самым завораживающим экспонатом является модель деревянного дворца, построенного в Коломенском в 1671 г.

Царь Алексей Михайлович задумал построить в усадьбе пышный дворец на удивление людям. Приготовления к строительству начались в 1666 г. Весь год валили лес и подвозили его в Коломенское. Руководили работами плотничий староста Сенька Петров и стрелецкий голова Иван Михайлов. К строительству были привлечены самые опытные, самые талантливые зодчие.

Дворец состоял из множества срубов. В зависимости от назначения и расположения в комплексе, постройки назывались клетями, подклетями, теремами, горницами, сенями, присениями, комнатами, вышками, повалушами, чердаками. Каждая клеть отличалась по высоте и имела свою кровлю в виде палатки, колпака, шатра, бочки, крещатой бочки. Такие разнообразные покрытия придавали дворцу какой-то особый сказочный вид. Все хоромы живописно соединялись между собой переходами и террасами-гульбищами. Во дворце насчитывалось около 250 помещений, щедро украшенных резьбой по дереву, росписями и позолотой. Изготовили все наружные и внутренние украшения мастера Давыд Павлов, Андрей Иванов, Герасим Окулов и Федор Николаев под руководством искусного резчика Арсения.

У ворот, ведущих ко дворцу, по рассказам очевидцев, стояли деревянные львы, одетые в овчинные шкуры. Часовой мастер Петр Высоцкий научил их вращать глазами и время от времени издавать страшное рычание, разместив внутри львов специальные механизмы.

Своей грандиозностью и красотой царские хоромы поражали воображение не только соотечественников, но и иностранцев. Дворец называли не иначе как «осьмым чу-

Покрытие «крещатой бочкой». Восстановлено по образцу XVII в.

дом света». Особенно хорош дворец был вечером в лучах заходящего солнца, когда слюдяные окошки сверкали разноцветными огнями.

Коломенский дворец явился венцом плотницкого искусства и соединил в себе все, что выработал русский национальный гений в области деревянного зодчества. Но, к большому сожалению, этот шедевр не сохранился до наших дней. К концу XVIII в. все строения комплекса требовали ремонта. Подсчитали, что понадобится 48 461 рубль. Сумма немалая, но если учесть, что ежегодно иа подарки фаворитам Екатерина II тратила в несколько раз больше государственных денег, то сумма уже не будет казаться такой устрашающей. Тем не менее таких денег в казне не нашлось. По приказу императрицы хоромы разобрали до последнего бревна. В XIX в. по сохранившимся чертежам

и гравюрам изготовили модель дворца в масштабе 1:40. Ее-то и можно увидеть в музее в Коломенском.

Стоишь в восхищении перед макетом и видишь даже не дворец, а дивный город в царстве «славного Салтана» из знаменитой сказки А. С. Пушкина и понимаешь, как много мы потеряли с гибелью такого дворца. А сколько еще не менее прекрасных деревянных зданий было построено по всей Руси великой, о которых мы ничего не знаем!

Время безжалостно разрушает памятники деревянного зодчества. Как же сохранить их на века, чтобы они не исчезли бесследно? Чтобы не только мы, но и наши дети, внуки и правнуки могли восхищаться и гордиться строительным гением наших предков, могли учиться у них.

Идея сохранения памятников народной архитектуры не нова. Впервые ее высказал швейцарский ученый Чарльз де Бонстеттен почти 200 лет назад. Мысль очень понравилась, но дальше разговоров дело не пошло. Понадобилось сто лет, чтобы люди осознали всю важность идеи сохранения памятников народного зодчества и с конца прошлого столетия по сей день во многих странах мира появляются все новые и новые музеи архитектуры под открытым небом. В 1872 г. в Стокгольме был основан первый в Европе этнографический музей. В 1901 г. появился музей под Копенгагеном, в 1902 г. — в окрестностях Осло. Так в скандинавских странах впервые в мире возник новый тип музеев — под открытым небом.

Мировую известность получил парк-музей Скансен в Стокгольме. При организации его решались проблемы физического сохранения народной архитектуры и возможно более полного показа и популяризации богатств народной культуры. Был принят принцип свободной, живописно-пейзажной планировки музейной территории. На 30 гектарах разместили 250 старинных деревянных построек. Это и крестьянские усадьбы с жилыми домами, конюшнями, коровниками, овчарнями, кладовыми, сараями, банями, колодцами. Это и установленные поодаль от жилых ансам-

Хозяйственная постройка XVII в.

блей мельницы, смолокурни, кузницы, сезонные избышки косарей, лесорубов, рыбаков. В таком парке-музее посетители не только знакомятся с историей и культурой своей страны, но имеют возможность отдохнуть и развлечься. Скансенами стали называть подобные музеи и в других странах.

В 1927 г. заслуженный деятель искусств РСФСР, архитектор-реставратор П. Д. Барановский предложил создать в селе Коломенском Музейный городок народной архитектуры СССР. Для этого необходимо было свезти со всего Советского Союза деревянные постройки самого разного назначения. Сейчас их в музее-заповеднике «Коломенское» всего четыре. Но каких!

Как-то Петр Дмитриевич Барановский отправился в подмосковное село Преображенское. Давно нет такого се-

Единственное украшение здания — заостренные концы тесин кровли.

ла, его вобрала в себя столица, лишь станция московского метрополитена своим названием напоминает о нем. Там, на берегу запруженной речки Хапиловки, он обнаружил старую постройку, по его предположениям, входившую в состав Преображенского дворца Петра I. В этом строении могла быть медоварня, где «сытились» меда — популярные на Руси напитки, которые различались по способу приготовления и приправам. Путешественники-иностранцы единодушно отзывались о наших медах, как о замечательных напитках.

Найденная П. Д. Барановским медоварня оказалась единственной постройкой деревянной Москвы, уцелевшей с той далекой поры. Постепенно из века в век Москва деревянная превращалась в каменную. Дерево недолговечно:

отслужит свое деревянный дом, глядишь — на его месте уже каменный. Частые пожары также приводили к тому, что деревянных строений становилось все меньше и меньше. После пожара 1737 г. вышел правительственный указ, запрещающий строить в Москве деревянные здания.

И вот эта постройка прошла через века, выстояла во всех испытаниях. Конечно, время не пощадило ее. Почти

Надвратная башня из Николо-Карельского монастыря. Конец XVII в.

полвека мы видели лишь две ее стены, сложенные из брусьев красноватого оттенка, две другие были защиты досками. Но в 1979 г. было закончено воссоздание уникального строения. Для этого из костромских лесов привезли огромные бревна. Из них предстояло изготовить брусья, причем по-старому, т. е. бревна нужно было не распиливать, а расклинивать на всю длину. Мало того, брусья необходимо было «состарить», чтобы они не очень отличались от старых. Сделали это с помощью специальной тонировки. Покрытие из теса с заостренными концами придало старинному строению законченный вид.

В 1932 г. в Коломенское перевезли надвратную башню с примыкающими пряслами рубленой

Домик Петра I из Ново-Двинской крепости. Начало XVIII в.

стены из Николо-Карельского монастыря с берегов Северной Двины. Башня была сработана в 1691—1692 гг. Облик ее характерен для башен порубежных укреплений Беломорья. В основании лежит четырехгранный сруб, или четверик. Он переходит в восьмигранный объем — восьмерик, перекрытый тесовым шатром. Завершает сооружение дозорная вышка, что создает полное впечатление боевой башни. Но это чисто внешний эффект. К концу XVII столетия монастыри-крепости уже не играли существенного военного значения, поэтому и эта башня не приспособлена для ведения обороны. А подвал, или облам, напоминающий навесные бойницы, служит лишь как опора для стропильных «ног» тесового шатра. Подражание оборонительному укреплению здесь просто дань традиции.

Следом за карельской башней, в 1934 г., в Коломенское переехал домик Петра I. Это уже четвертое его переселение и, надеемся, последнее. В 1701 г. в 19 километрах от Архангельска, в устье Северной Двины, начались работы по сооружению Ново-Двинской крепости, которая предназначалась для защиты от возможного на-

Крыльцо домика Петра I.

падения шведов. Петр I самолично наблюдал за строительством и жил напротив крепости на острове Марков в небольшом, специально для него построенном домике.

В 1710 г. дом был поврежден во время ледохода, затем остров стало заливать водой и жилище Петра перенесли к летним воротам крепости. Там в доме некоторое время жили служилые люди, но в 1761 г. было решено сохранить его для потомства и больше не заселять. Время шло, памятник ветшал, хоть и установили над ним деревянный навес. Надо было спасти дом-памятник. С этой целью его перенесли в Архангельск и укрыли в каменном футляре. А дальше — переезд и реставрация на московской земле.

Дом состоит из двух срубов, соединенных холодными

сенями с прирубом. Изумительное крыльцо «об одном столбе» придает зданию особое очарование. По архивным материалам из вещей петровского времени в доме воссоздана обстановка светлицы, почивальни, чуланца и денщицкой.

До начала Великой Отечественной войны в музее «Коломенское» сумели установить всего три памятника древней архитектуры. Возобновились работы только в 1958 г., когда перевезли угловую крепостную башню Братского острога из далекой Сибири. Построенная в 1652 г. четырехугольная мощная башня с пологим четырехскатным покрытием завершается крохотной башенкой-смотрильней. Крыша предохраняла от дождя и снега внутреннюю конструкцию башни, а также «мост», т. е. бревенчатый настил, по которому передвигались защитники крепости, ведя верхний бой. На мост и в смотрильню ведет наружная лестница. В стенах имеются бойницы. Это по сути дела «волоковые» оконца с задвигающимися ставеньками. Во время последней реставрации памятника его дополнили тыном из заостренных кверху бревен. Это создало более яркий, достоверный и запоминающийся образ.

Хоть и был Братский острог небольшим, всего четыре башни по углам крепости возвышались над тыном, веришь, глядя на эту башню, что укрепления острога были надежными и неприступными. При этом следует помнить, что местные племена в то время были плохо вооружены и огнестрельным оружием практически еще не владели.

До наших дней дошли две башни Братского острога. При строительстве ГЭС одна из них была перевезена из зоны затопления в город Братск, вторая переехала в музей «Коломенское».

В первом этаже башни восстановлен интерьер помещения, в котором жили казаки во второй половине XVII в. Лавки, стол да сундуки — вот и вся мебель. В сундуках хранили меха, одежду, продукты. Здесь можно увидеть

конское седло, посуду, туеса из бересты, деревянную машину для лущения кедровых орехов, оружие. Все это подлинные вещи, собранные в Сибири во время экспедиций. Они отражают быт населения этого края в XVII—XIX столетиях. Долгие годы они служили людям, пока не стали экспонатами музея.

Из интереснейшего литературного произведения XVII в. — «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» — мы узнаем, что опальный протопол, возглавивший раскол в русской православной церкви, был заточен в 1654 г. в одну из башен Братского острога. Кто знает, может быть, наша башня была той самой суровой темницей, где томился мятежный духом Аввакум?

Формирование музея так и осталось незавершенным. Оказалось слишком сложно создать на территории столицы такой грандиозный музей памятников деревянного зодчества всего Советского Союза. Но свою роль первого в нашей стране музея народной архитектуры под открытым небом Коломенский музей выполнил. Он послужил прообразом для многих подобных музеев в различных уголках нашей Родины.

В ближайшие годы в Коломенском все же появятся новоселы-экспонаты: старинные избы из подмосковных сел, конюшня, ямская изба, каретный сарай и другие типичные для русской деревни строения. Дело в том, что в Коломенском намечено разместить архитектурно-этнографический музей Подмосковья, экспозиция которого будет называться «Быт русской деревни».

НА СТРАЖЕ РОДИНЫ

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

А. С. Пушкин

Шел 1551 год. Всю зиму звонко стучали топоры в бору под Угличем. Валили вековой лес, со стоном падали стройные сосны и еще долго трепетали шапки хвои на белом снегу. Тут же рубили срубы крепостных стен, ставили высокие башни. Ставили и снова разбирали, предварительно переметив все венцы.

После неудачного похода и штурма столицы Казанского ханства Иван IV принял решение построить на Волге укрепленный город — опорный пункт для овладения непокорной Казанью. И сделать это надо было так, чтобы хан ни о чем не догадался.

К весне крепость была готова, а построена она была за тысячу километров от того места, где ей надлежало стать твердыней. По бревнышку перенесли ее на берег Волги. Когда река вскрылась ото льда, из стеновых бревен связали плоты, погрузили все детали сооружений, на плоты же сели стрельцы.

В конце апреля по большой воде этот караван отправился вниз по Волге и 21 мая пристал к высокому холму в устье Свияги. Здесь его уже поджидали работники. Они помогли выгрузиться на берег, а на другой день воины отложили свои пищали, взяли в руки лопаты и топоры и, не мешкая, принялись выравнивать склоны Круглой горы и «складывать» город.

Под боком у Казанского хана, всего в 30 километрах, с невероятной быстротой поднялась мощная крепость. Стены ее по периметру равнялись двум с половиной километрам. Они несколько уступали по протяженности стенам Московского Кремля, но были в полтора

раза длиннее Казанских. 18 дозорных башен, как часовые, возвышались над городом. Были построены жилые дома, амбары, церковь. И все это за четыре недели! До той поры дело неслыханное. Правда, такое сборное строительство зачастую применялось в жилищном строительстве тех лет. Иностранцы-путешественники свидетельствовали, что в XVII в. на московском рынке, известном под названием «Скородом», продавались избы в разобранном виде. Дом легко и скоро мог собрать любой мужчина. Теперь таким образом собрали целую крепость.

Всего при сборке укрепленного городка, как подсчитали сегодня, было использовано 27,8 тысячи кубометров леса и засыпано в укрепления около 100 тысяч кубометров земли и камня. Невольно возникает вопрос: сколько же человек было занято на строительстве? Точного ответа мы не имеем. В письменных источниках упоминаются «500 детей боярских», но историки склонны считать, что вместе со стрельцами возводили этот чудогород около пяти тысяч человек.

В летописи о Свияжске, так стали именовать крепость, сказано: «город деревян ...хитр сотворен». В крепости засели русские войска, а спустя год они штурмом взяли Казань. И снова мастера проявили находчивость и смекалку. В укромном месте они срубили тринадцатиметровую башню и незаметно в разобранном виде, т. е. бревна, подтянули к Арским воротам Казани. В одну ночь башня была собрана, а утром меткий огонь пушкарей открыл путь стрельцам. Казань пала. Волга по всему течению стала русской рекой. Русь ликовала.

Свияжск как крепость утратил свое значение, но долго еще оставался образцом великолепного военно-оборонительного укрепления.

В старину вся Русь была покрыта деревянными крепостями. Их строили на перекрестках сухопутных и водных дорог, они обороняли крупные поселения и прикры-

вали границы. Для своего времени это были грозные сооружения — «сторожи» государства. Из летописей мы знаем, что в IX в. уже существовали такие деревянные крепости, как Новгород, Полоцк, Ростов Великий и Другие. В XVI столетии рубежи государства охраняли Ливны, Елец, Кромы, Оскол, Белгород. Тогда же возводилось много каменных и кирпичных оборонительных укреплений.

Из «Повести временных лет» известно о конфликте княгини Ольги с древлянами, которые в 945 г. убили ее мужа, киевского князя Игоря. Ольга жестоко мстила: одних велела закопать живыми в землю, других — сжечь в бане, третьих — напоить допьяна и порубить. Наконец она подошла со своей дружиной к городу Искоростеню, где был убит ее муж. Население укрылось за бревенчатыми стенами и накрепко затворило ворота. Началась осада. Все лето не могла Ольга взять город и лишь хитрость помогла овладеть им. Княгиня попросила у жителей в качестве дани по 3 голубя и 3 воробья с каждого двора, обещая за это снять осаду. Получив птиц, она приказала привязать к ним куски тлеющей пакли. Когда птиц выпустили, они полетели назад в город к своим гнездам и одновременно подожгли все дома в нем. Город был вынужден сдаться.

Какими же были укрепления Искоростеня и других древних городов? О многих из них мы знаем лишь по упоминаниям в летописях. Время уничтожило все, даже местонахождение той или иной крепости не всегда удается установить. Москве в этом отношении повезло. Археологические находки позволяют сказать, что уже в XI в. над Москвой-рекой стояла крепость. Она была совсем маленькой: шагов триста в длину и чуть меньше в ширину. На высоком насыпном валу стояла стена — частокол из толстых бревен. Перед валом с наружной стороны проходил глубокий ров. Башен в первом Московском Кремле, очевидно, еще не было.

Фрагмент тына из заостренных бревен.

их высоту, найти форму и связать их с собором, теремами. Все сооружение должно было отвечать требованиям военно-оборонительного дела и создавать ансамбль.

На первых порах «крепость» и «город» были понятия равнозначные. Без города не было крепости, без крепости не было города.

Стены нового московского города состояли из деревянных срубов — заборол, или забрал, заполненных землей и камнями. Такое устройство стен было распространено на Руси повсеместно. Вспомните в «Слове о полку Игореве»:

Ярославна рано плачет
В Путивле на забрале...

В следующем столетии, в 1156 г., князь Юрий Долгорукий приказал рубить новый город. Надо сказать, что городом тогда называли обнесенное городьбой, или стеной, поселение. «Все то, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют город», — объяснил в начале XVI столетия иностранец Сигизмунд Герберштейн русское слово «город».

Мастеров, умеющих возводить стены, называли горододельцами. Они должны были быть искусными инженерами и архитекторами, должны были уметь разместить башни, учесть

Ворота защищали рубленые башни. Правда, в то время слова «башня» еще не употребляли. Оно происходит от татарского «баш» — «голова» и вошло в русскую речь в XVI столетии. А до той поры в обиходе были слова «вежа», «стрельница», «костер». Эти термины довольно точно отражали характер крепостного сооружения. С него вели обстрел неприятеля, поэтому и стрельница. На самом верху сооружения находился дозорный, он заранее ведал, знал о приближении врага — отсюда и вежа. Заметив недруга, он разводил на специальной площадке костер, который служил сигналом бедствия для всего окрестного населения. Вот вам и название дозорной вышки — костер.

Из письменных источников мы знаем, что во многих крепостях стены и башни из дерева покрывали слоем глиняной обмазки. Например, о веже города Холма в летописи 1259 г. записано, что она «убелена яко сыр, светящися на всей стороны». Глиной были обмазаны стены тверского кремля. Летописец отметил, что в 1369 г. срубили город и сразу же «глиной помазали».

Обмазка в некоторой степени предохраняла деревянные конструкции от поджогов неприятеля и защищала от огня во время пожаров. Однако эти меры не спасали деревянные крепости от разрушения.

Древние укрепления Москвы верой и правдой прослужили около 200 лет. Время, вражеские набеги, пожары оставили на крепости свой губительный след, требовался значительный ремонт стен и башен. Великий князь Иван Калита подумал и повелел в 1339 г. рубить новый город из крепчайшего дуба. Но новый кремль, как, впрочем, и многие другие деревянные крепости, с изобретением пушек и широким применением артиллерии пришлось заменить каменным, так как бревенчатые стены и башни плохо противостояли пушечным ядрам.

К счастью, погибли не все деревянные крепости. В Сибири в разных местах уцелело несколько острож-

Сторожевая башня из Братского острога XVII в.

ных башен: Братского, Илимского, Якутского и Вельского острогов. Сейчас лишь Вельская башня осталась на своем месте, остальные перенесены в музеи под открытым небом. Сторожевая башня Илимского острога переехала в Иркутск, одна башня Братского острога — в Москву, вторая экспонируется в Братске, а Якутская башня-ветеран совершила путешествие в пределах своего города.

Сохранившиеся башни — это всего лишь фрагменты крепостей, но и они представляют для нас величайшую ценность. Все они построены в разные годы XVII столетия и тем не менее дают представление о характере укреплений более ранних времен, так как во многом возводились по типу древнерусских.

Как известно, активное освоение Сибири русскими началось в XVII в. Первыми еще в XIV столетии проникли в земли, лежащие за Уральским хребтом, новгородцы. Они бесстрашно и дерзко на своих суденышках бороздили Северный Ледовитый океан, открывали новые земли и привозили домой наряду с достоверными фантастические рассказы о населяющих их людях. Выходило, что земли эти богаты соболями и оленями, а живут там странные люди: одни поедают друг друга, другие — полуживотные, полулюди, у третьих — рты на темени. Но даже такие нелепые слухи о чудовищах не могли остановить землепроходцев. Их влекла таинственная, завораживающая Сибирь, их манили ее богатства и вольная жизнь.

Принято считать, что открытие новых земель шло «соболиной тропой», т. е. носило экономический характер. Но не только корысти ради отправлялись отважные казаки в неведомые края, все дальше от Москвы, навстречу солнцу. Жажда открытий, стремление понять, что же это такое — огромная и неизведанная Сибирь, помогали преодолевать трудный и опасный путь. Приходилось идти по порожистым рекам, где на некоторых участках не пройти ни под парусом, ни на веслах. Тогда люди выходили и в ледяной воде тянули бечевой плоскодонные суда — кочи. Мужиков заедал гнус, мучил голод, они замерзали в сибирских снегах, но упорно шли дальше.

В 1581 г. в Сибирь отправился со своей дружиной Ермак. Именно с этого похода начинается период освоения и преобразования Сибири казаками, крестьянами, передовыми русскими людьми. Год от года все больше «охочих» людей уходило на поиски новых земель.

В 1619 г. побывал в Сибири отряд почти легендарного Пянды (иногда встречается другое написание имени — Пенда). Долгое время о нем знали лишь по преданиям, а совсем недавно были найдены документы, подтверждающие старинные сказания. Теперь мы с полным основанием можем считать Пянду и его казаков первооткрывателями Лены и Восточной Сибири.

Спустя 13 лет, в 1632 г., енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов с отрядом в 30 человек спустился вниз по Лене и основал Ленский острог, названный позднее Якутским. Вокруг него на значительном расстоянии вскоре было создано много острогов, острожков, зимовий. Они ставились на наиболее важных в стратегическом отношении местах и создавали целую систему укреплений. Самым простым было зимовье. Это несколько изб и амбаров, окруженных тыном или острогом из вертикально стоящих заостренных «на иглу» сверху бревен. Более мощная крепость называлась, как и ограда, острогом. Здесь уже непременно присутствовали сторожевые башни, а стены могли быть рублеными.

Постепенно надобность в оборонительных сооружениях отпала и некоторые из них превратились в тюремные остроги.

Якутский острог занимал особое место среди крепостей Сибири, так как он был центром огромной территории, базой для походов русских на крайний Северо-Восток, на Охотское побережье и на Амур. Острог, основанный Петром Бекетовым, просуществовал всего 10 лет. Он располагался в 70 километрах от современного Якутска на правом берегу реки. Место это оказалось неудачным: низкий берег весной затапливало водой, и тогда крепость перенесли на левый берег выше по течению.

Новый острог состоял из двух крепостных стен: внешней и внутренней, усиленных восемью массивными рублеными башнями, две из которых были проездными. В строительстве этой крепости принимали участие профессио-

нальные строители и военные под руководством воеводы Приклонского. Дошедшую до наших дней воротную, или проездную, башню срубили 40 служилых казаков под наблюдением боярского сына Алексея Бедарева в 1643 г.

Квадратный в плане сруб из крупного отборного леса под крутой четырехскатной кровлей вырастает над землей на 16,5 метра. С внутренней и внешней стороны над воротами, по обычаю тех лет, на выпускных бревнах устроены крытый балкон и часовня. Башня разделена бревенчатыми настилами на ярусы, с которых можно вести верхний и средний бой, для чего в стенах со всех сторон имеются бойницы. Нижний ярус предназначался для пушек и хранения боевой снасти. В сторожевой вышке, венчающей башню, днем и ночью находились караульные.

Одна от другой башни острога стояли на расстоянии полета пули из пищали, и, таким образом, из бойниц простреливалось все пространство вокруг острога. Являясь основным элементом любой крепости, башни были связаны между собой переходами по стенам.

Стены длиной по периметру в 512 метров и высотой в 30 венцов, т. е. более 6 метров были рублены тарасами. Они имели вид двух стенок, связанных между собой через 6—8 метров поперечными стенами. Образовавшиеся клетки заполняли землей и камнями. Обычно такую стену пушечные ядра не пробивали. Они входили через первый ряд бревен и застревали в земле.

Обходная галерея, устроенная по верху стен, имела парапет и была перекрыта двускатной крышей. На галерее располагались казаки и орудия. Они могли свободно передвигаться под прикрытием парапета и вести обстрел неприятеля. Пол галереи был устроен так, что он несколько выступал, нависал над стенами. В нем были оставлены щели-стрельницы, через которые можно было вылить на головы осаждавших горячую смолу или кипяток.

Глядя на эту старую башню, нетрудно представить себе всю крепость. Угрюмая громада Якутского острога с ко-

лоссальными башнями, очевидно, была созвучна окружающей ее суровой природе и соответствовала назначению: защитить, укрыть от неприятеля, выстоять.

Внутри крепости находилась резиденция воевод, арестантский двор, пороховой погреб, амбары для хранения «соболоиной казны», амбары для соли и хлеба и двор «для приезду иноземцев». И это не случайно, ведь через Якутск стало проходить все сообщение с северо-востоком Азии и побережьем Тихого океана, с Северо-Западной Америкой. По Охотскому и Аянскому трактам, начинавшимся в Якутске, пролегал путь многочисленных отрядов. По ним передвигались экспедиции, купцы, промышленники, чиновники, путешественники. Из Якутска вышли в поход Семен Дежнев, Василий Поярков, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов и многие другие. Вышли, чтобы обессмертить себя величайшими открытиями. Взгляните на карту, и вы увидите их имена. Вот город Хабаровск, вот Берингово море, а это мыс Дежнева.

Но якутской земле было суждено стать еще на многие годы местом ссылки политических заключенных. В Вилюйском остроге в 1872—1883 гг. содержался Н. Г. Чернышевский, в слободе Амга отбывал ссылку В. Г. Короленко, в якутской ссылке находились революционеры И. В. Бабушкин, И. И. Радченко, В. П. Ногин, Е. М. Ярославский и другие. Так заселяли этот суровый край.

Якутск принадлежит к числу немногих городов Земли с перепадом температур, превышающих 100 градусов. В 1684 г. воевода Якутска Матвей Кровков писал царю о том, что «колодезя» в городе сделать никак нельзя. Земля оттаивает летом всего на полтора аршина, или на один метр, а дальше — вечная мерзлота. Однако это не мешает росту растений, и в этих местах возможно земледелие, что доказали русские поселенцы. Они много сделали для развития здесь хлебопашества и огородничества.

Шли годы. Ссылных все чаще отправляли в самую глубинку, а Якутский острог постепенно приходил в запустение. К началу нашего века еще сохранились три башни внутренней крепости, соединенные между собой стенами, и одна башня внешних укреплений. Но якутский губернатор не раз обращался к правительству с просьбой разрешить продать башни на снос. Он считал, что они не имеют никакой ценности, кроме как дрова. К тому же, по его мнению, они портят вид города и опасны в пожарном отношении.

В 1904 г. Археологическая комиссия предложила губернатору произвести обмеры и сделать модель крепостных сооружений. По получении модели был сделан вывод о том, что Якутский острог является единственным, уникальным образцом деревянных крепостей XVII в. не только в России, но и во всем мире. Однако и эта оценка не спасла положения. К настоящему времени уцелела лишь одна башня. Ее перенесли к зданию Якутского краеведческого музея, экспонатом которого она теперь стала.

Сохранившиеся крепостные сооружения свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве народных зодчих. Они раскрывают приемы фортификационного искусства тех далеких дней, когда деревянные остроги-крепости были надежным щитом Родины.

В ДОЛИНЕ ИСТРЫ

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

А. С. Пушкин

На высоком холме, утопая в зелени деревьев, вздымается огромный шатер с золотой главой. Это церковь Воскресения бывшего Новоиерусалимского монастыря. Белоснежные стены и башни окружают постройки монастыря и подходят к самому обрыву над Истрой. С давних времен пришло к нам название реки. «Истра» значит «светлая, сверкающая река».

Но в середине XVII столетия на короткое время Истра становится Иорданом. Произошло это по воле патриарха Руси Никона, который задумал создать под Москвой новый центр православия подобно палестинскому в Иерусалиме. Он, конечно, понимал, что перенести в Россию палестинские святыни невозможно, но воссоздать их копии было в руках владыки. Никон решил повторить в камне основные иерусалимские постройки: собор Воскресения с подземной церковью и ротондой, в которой должна находиться копия часовни с «телом господним», башни иерусалимской стены, скит и все остальное.

Патриарх в мечтах уже видел готовым великолепный монастырский ансамбль, видел, как сотни, тысячи паломников со всех концов страны и даже со всего света стекаются к новому Иерусалиму, «третьему Риму». Слышал Никон и звон благородного металла в карманах богомольцев, знал, что все их деньги осядут в и без того богатой патриаршей казне.

В 1656 г. приступили к воплощению идеи в жизнь. Решили назвать монастырь Воскресенским Новоиерусалимским. Тогда-то река Истра стала Иорданом, безымянный ручей превратился в Кедронский поток, окрестные холмы именовались теперь горами Фавор, Елеонской и Голгофой с Гефсиманским садом.

Однако центром православия монастырю стать не удалось. Никон рассорился с царем, самовольно оставил патриаршью кафедру и в 1667 г. был осужден церковным собором к ссылке в Ферапонтов монастырь. Идею создания нового центра православия собор признал кощунственной, поэтому второе название Воскресенского монастыря — Новоиерусалимский — исчезло из официальных документов. Монастырь стал Воскресенским, а холмы, ручьи, река и роща обрели свои родные имена.

Больше нет Гефсиманского сада, теперь это нижний парк, где Никон построил для себя уединенное жилище — скит. Он стоит и сейчас на берегу реки и напоминает ско-

рее садово-парковую постройку, нежели суровое пристанище монаха. Скит обрамлен полукругом из берез и лип, переходящих постепенно в рощу.

Сегодня на 15 гектарах этой самой рощи создан при областном краеведческом музее архитектурно-этнографический филиал деревянного зодчества.

Несколько лет искусствоведы и архитекторы П. П. Пинчуков, И. Г. Семенова и Б. П. Зайцев исследовали Подмосковье. Против ожидания было выявлено множество памятников народного зодчества, счет им ведется уже не на десятки, а на сотни, и, безусловно, не все они станут экспонатами музея.

Давно было известно, что архитектура Москвы и Подмосковья, как каменная, так и деревянная, многими нитями связана с архитектурой периферийных районов русской земли. Всегда в Москву приглашали строить самых лучших и опытных зодчих. Они приходили со своими традициями, вкусами, мастерством. Все это проявлялось в архитектуре московских зданий. Известно, что народная архитектура Подмосковья, как нигде в другом месте, испытала на себе влияние культуры огромного города. Эти специфические особенности очень ярко стали видны в результате проведенного московскими специалистами обследования области.

Сохранившиеся памятники показали также, что архитектура северных районов Московской области тяготеет к северным типам жилищ. Здесь преобладает тип дворов, построенных «брусом», встречаются также дома типа «кошель». Усадьбы южных районов меньших размеров, и хозяйственные постройки обязательно стоят отдельно от изб. Кровли, как правило, четырехскатные, «колпаком», что весьма характерно для южных зон страны. В восточных районах усадьбы в плане имеют вид буквы «П», о них говорят, что они построены «покоем». На западе области встречаются самые разные планировочные решения усадеб, а вот покрытия изб чаще всего трехскатные.

Летом 1981 г. были закончены работы по созданию первой очереди музея. Специалисты восстановили четыре памятника народного зодчества. Почти все постройки имели большие повреждения древесины, многие части зданий пришлось менять, и тем не менее реставраторам удалось сохранить до 30% подлинных деталей.

Так было и с ветряной мельницей. Она родом с тверских полей, из села Кочемлева. Это единственный памятник конца XIX в., перевезенный не из Московской области, а из Калининской. Прежде ветряк стоял на высоком холме, ветер отдавал ему часть своей силы, мельница оживала и сразу к ней спешили люди: катились по дороге телеги, мужики несли тугие мешки с зерном. Внутри пахло мукой, в сторонке толпились крестьяне, дожидаясь своей очереди. А если ветра не было, все затихало. Уходили люди, замирали крылья ветряка, не скрипели деревянные шестеренки.

Проезжая по Волоколамскому шоссе у города Истры, я не раз наблюдала за лицами спутников. Вот показалась среди зеленой травы-муравы старая мельница с приветливо распахнутыми крыльями-руками, и сразу же проясняются, добреют лица людей.

А. В. Ополовников называет ветряные мельницы кладезем строительной премудрости и смекалки деревенских механиков. И действительно, каким опытом и знаниями нужно было обладать, чтобы сделать крылья и корпус мельницы способными выдерживать огромной силы напор ветра! Все в этих мельницах рублено и тесано топором из дерева, лишь жернова каменные.

Ветер вращает лопасти крыльев и вместе с ними вращается горизонтальный вал, соединенный с вертикальной осью жернова при помощи двух расположенных под прямым углом деревянных колес-шестеренок. Но ветер, как известно, переменчив, поэтому в мельницах предусмотрено устройство для поворота их «на ветер».

По конструкции ветряные мельницы условно подраз-

Ветряк. XIX в.

деляли на мельницы-столбовки и мельницы-шатровки. Мельницы-столбовки более ранние по происхождению. Чтобы улавливать ветер, мельник с помощью бревна-воротила или бревенчатой вилки поворачивал всю конструкцию мельницы целиком вокруг осевого столба, подставляя ее «лицо» и лопасти тугим воздушным струям. Этот столб глубоко врывали в землю и для прочности обстраивали бревенчатым пирамидальным срубом — костром, или ряжем, иногда — деревянной избушкой.

Мельница из села Кочемлева относится к типу шатровок. У них в погоне за ветром вращается лишь верхушка, в которой расположены горизонтальный вал с шестерней и снаружи крылья. Все остальное оборудование размещено в амбаре, который неподвижно стоит на земле. Мельничный амбар — это восьмигранный сруб с наклоном стен кверху. Он напоминает по форме шатровое завершение церквей и сторожевых башен, отсюда и название мельницы — шатровка. Завершение ветряков могло быть каким угодно и никак не влияло на их название. В ветряке из Кочемлева восьмигранный шатер обстроен четырехстенным срубом, в одной части которого производили помол муки, другая использовалась как складское помещение.

Напротив старой мельницы на противоположном берегу Истры стоят ветряки XX в. Они не очень похожи на своих прародителей, но это тоже ветряные двигатели, правда, производят они не муку, а электричество. Столетиями крылья ветряков накручивали свой опыт, чтобы сегодня человек мог дополнить его знаниями и создать современный ветроагрегат.

Сейчас ветроэнергетика переживает вторую молодость, ведь ветер — неисчерпаемый источник энергии. Уже создано целое семейство ветродвигателей. Они могут поднимать с глубины воду, подавать ее на поля и пастбища, отапливать и снабжать горячей водой жилища, опреснять морскую воду и многое другое. Если же нет

ветра, двигатели могут работать на заранее накопленной ими в аккумуляторах энергии.

В РСФСР уже действуют сотни ветряков, а в перспективе их будет много больше. На Таймыре шутят: из 365 дней в году у них ветер дует 367 дней. Причем скорость его бывает свыше 45 метров в секунду. Ветроэнергетические агрегаты, установленные на Таймыре, дают дешевую электроэнергию для питания системы диспетчерского управления, телемеханики и радиорелейных станций самой северной в мире трассы газопровода Мессоха — Норильск.

Возрождение ветряных мельниц наблюдается не только в нашей стране, но и за рубежом. По количеству ветродвигателей опередила всех Австралия. Много маленьких ветряков работает в Японии. Их устанавливают на крышах многоквартирных домов, и они начинают вращать лопасти при малейшем дуновении ветра. При самом слабом ветре энергии хватает на приготовление чая и бритье.

В Чехословакии разработали ветроэлектростанции мощностью 200, 500 и 1000 ватт. Активно используют энергию ветра в Голландии. По оценке экспертов, там к 2000 г. около 20% энергопотребления будет удовлетворяться за счет ветра.

Однако давайте от старой мельницы пройдем через душистый луг к воротам крестьянского двора, что переехал из подмосковной деревни Выхино, ныне ставшей частью города Люберцы. Усадьба датируется началом XIX в. При разборке дома под его левым столбом был обнаружен «закладной пятак», его положили по старинному обычаю для богатства. На пятаке указан год 1827, что подтверждает время строительства дома.

Рядом с воротами возвышается мощный рубленый фронтон избы. Конечно, это не северная изба в два этажа, да оно и понятно: в центральных районах России раньше, чем на Севере, стали жить небольшими семьями, состоящими в основном из мужа, жены и детей;

потому и дворы здесь ставили гораздо меньших размеров.

В центре фасада дома — одно косячатое окно со ставнями, а по бокам от него расположены два волоковых оконца. Для освещения чердака на фронтоне также имеется окошко без каких-либо украшений.

Волоковые окна прорубали между двумя горизонтальными бревнами сруба на половину их толщины. С внутренней стороны они задвигались, или заволакивались, специальной доской, поэтому и называются волоковыми. Такие окна давали мало света, чтобы улучшить освещенность избы, в центре прорубали косячатое окно. Оно значительно больше по размерам, оконный проем сделан в нескольких рядах бревен. Чтобы связь сруба была прочной, в проем вставлены брусья, или гладкие косяки, отсюда и название — косячатые окна. И уже к косякам крепились рамы.

Уютное очарование строгой постройке придают резные причелины и полотенце под шеломом. На избе восстановлено двухслойное тесовое покрытие. В прошлом доски вытесывали топором из целого бревна, поэтому их и называли тесом. Процесс изготовления теса был трудоемким и дорогостоящим. Тесины, как правило, имели толщину 7—8 см, а ширина колебалась от 25 до 40 см. С одного конца она была уже, а с другого шире, как и само бревно, из которого была вытесана. Тесины плотно подгоняли друг к другу, а стыки закрывали неширокими досками-шеломками. Для лучшего отвода дождя тесины делали слегка вогнутыми, и влага, не задерживаясь, стекала вниз в водотечник. Дом, крытый тесом, считался богатым.

Уж ты, Ваня, не форси,
Нос высоко не носи;
Не води-ка, Ваня, носом —
Не покрыта крыша тесом,

пели в старину разборчивые невесты.

Усадьба из Выхина построена «покоем», при такой планировке к торцу избы примыкают хозяйственные постройки, затем они выстраиваются перпендикулярно дому и, наконец, разворачиваются и идут параллельно ему. К улице обращена открытая часть буквы «П». Ворота соединяют ее концы и замыкают прямоугольник плана. При подобном расположении построек в середине оказывается «мокрый» двор, и, чтобы попасть в житницу, хлев, омшаник*, конюшню или сарай, нужно пройти через хотя и неширокий, но все же открытый двор. В ненастье это, как известно, не самое приятное дело.

Жилой дом довольно просторный. Рассказывают, что он одно время использовался хозяином как заезжий, или постоялый, двор. Вероятно, так оно и было, тем более что деревня лежала на старом Рязанском тракте, весьма оживленном, а проблема гостиниц была актуальной и в XIX столетии. В доме воссоздана обстановка крестьянской заезжей избы. В теплой части, естественно, жили хозяева, а в холодной горнице на широких лавках с затейливой резьбой по опущке, т. е. по доске, пришитой к краю лавки и свешивающейся вниз, могли передохнуть постояльцы. В небольшой клетке между сенями и избой стоит стол с самоваром, где удобно было выпить горячего чаю с дороги, пока лошади отдыхали в стойлах двора.

Неудалеке от усадьбы стоит миниатюрная часовенка из Сокольников, что близ Мелихова в Чеховском районе. Ее невысокий восьмерик рублен «в лапу» и перекрыт шатром, переходящим в круглый барабан с чешуйчатой из лемеха главкой. Полицы шатрового покрытия нависают над стенами, предохраняя их от сырости, и создают богатую игру света и тени на гранях часовни.

Впервые полицы применили при устройстве покрытий на крепостных башнях. Как известно, в любой башне на

---

* *Омшаник* — помещение для содержания пчел зимой.

самом верху имелись бойницы. Покрытие башни должно было защищать ее от осадков и не мешать стрельбе. Шатровое завершение было всем хорошо, но его нижняя часть нависала над бойницами и сковывала действия стрелков. Этот недостаток оказалось легко устранить, стоило лишь слегка преломить нижнюю часть крутой кровли, сделать ее пологой. В результате бойницы полностью открылись, сруб во время дождя оставался сухим, а облик башни несколько утратил в суровости и стал более живописным. В дальнейшем полицы стали применять также на культовых постройках.

Часовня из Сокольников, сработанная еще в XVII столетии, сгорела в 1976 г., и то, что мы видим, — реконструкция, выполненная архитектором Д. Я. Старчевским. Уже в XIX в. строение утратило свой первоначальный вид. Тогда часовню обшили тесом, крышу покрыли железом, на четырех из восьми граней достроили фронтоны. В ходе реконструкции все наслоения были устранены. Подобные часовни в прошлом ставили везде: внутри деревни, за околицей, при дороге, у реки, в поле или лесу.

Чуть дальше из гущи высоких деревьев выступает на поляну деревянная церковь. Родилась она более трехсот лет назад, в 1674 г., в селе Семеновское Пушкинского района. По конструкции это восьмерик на четверике. Высокий сруб-четверик, словно крепостная башня, немного расширяется кверху, образуя повал. За счет постепенного выпуска венцов создается красивый и плавный изгиб стены. Над четвериком — крохотный восьмерик.

Углы четверика рублены «в обло» с выпуском концов, а углы пятигранной апсиды и восьмерика связаны врубкой «в лапу». С трех сторон здание окружает галерея-гульбище, устроенная на консольных бревнах. Облик постройки смягчен скупым, неброским декором резных столбов крыльца и галереи, подзоров, украшенных сквозным прорезным узором, пикообразными полицами и лемеховой главой.

По одномаршевому крыльцу, перекрытому пологой кровлей на четырех столбах, войдем в помещение. Дерево долго держит запахи леса и до сих пор здесь стоит аромат смолистой хвои: реставрация проводилась совсем недавно. Солнечный свет льется из квадратных косячатых окон. Снопы света падают на широкие доски-пластины пола, на мощный осевой столб, уходящий ввысь, на стенды, размещенные вдоль стен. Лучи играют на поверхностях небольших, словно игрушечных, церквушек. Это макеты деревянных памятников народного зодчества XVIII—XIX вв., выполненные жителем города Красногорска К. М. Милютиным. Здесь миниатюрные копии строений из Загорского, Ногинского, Шаховского, Талдомского и Чеховского районов Московской области. Эта небольшая экспозиция производит неизгладимое впечатление.

НА КУРЬИХ НОЖКАХ

Но сегодня,
как и вчера, —
на плечах
эту землю держат
и несут на себе
мастера!

Р. Рождественский

Кому не известно стихотворение Н. А. Некрасова «Дедушка Мазай и зайцы»? Вот что писал в нем поэт об одной из деревенок Костромской низины:

Вся она тонет в зеленых садах,
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода поднимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция).

Преображенская церковь на сваях из с. Спас-Вежи.
Первая половина XVII в.

Таких маленьких Венеции, как деревни Жарки, Вежи, которые вынуждены были, спасаясь от половодья, поднимать дома на сваях, уже нет. Теперь на их месте плещутся волны искусственного моря. С созданием Горьковского водохранилища в низовьях левого притока Волги и заболоченной низины возник обширный Костромской залив. А постройки, имеющие историческую и культурную ценность, в середине 50-х годов вывезли из района затопления на территорию бывшего Ипатьевского монастыря, где было решено организовать музей деревянного зодчества.

Первой в 1956 г. прибыла в музей клетская церковь Спаса Преображения из села Спас-Вежи. Она была по-

строена в 1713 г. и за долгую жизнь так изменилась и состарилась, что потребовалась большая работа по ее реставрации. Под руководством архитектора Б. Гнедовского храм был восстановлен. Сейчас он пленяет нас необычайно выразительным изящным силуэтом.

Здание состоит из трех срубов разной высоты. Каждый из них под отдельной очень крутой двускатной кровлей. Над центральным, самым высоким срубом на тонкой шее поднялась луковичная главка (по форме напоминает луковицу), обшитая серебристым осиновым лемехом. Двадцать четыре дубовые сваи несут на себе этот храм. Он как бы шагает на тонких ногах по зеленому лугу, а в пору весеннего разлива его сравнивали с кораблем, плывущим по волнам.

Преображенская церковь не единственная свайная постройка, перевезенная в музей. У самой дамбы, у воды, словно «избушки на курьих ножках», стоят деревянные баньки на столбах. Эти уютные избушки, такие скромные и непритязательные, были вывезены из деревни Жарки. Подобные бани на сваях в середине XIX столетия стояли во многих деревнях Костромской низины. Их ставили подальше от изб, вблизи реки. В иной деревне бывало и несколько десятков банек.

Как утилитарные постройки, бани имеют простые, лаконичные формы. Это небольшие клетки, рубленные «в обло» с выпуском концов бревен. Срубы покрыты двускатной кровлей. С одной стороны на выпускных бревнах — помосты с лестницами, соединяющими бани с землей. Обычно бани стояли на четырех или шести столбах, высота которых зависела от уровня воды в половодье и от архитектурных пропорций самого сруба.

При конструкции бани на сваях почва под ней быстро просыхала и легко было заменить сгнивший столб. Такие бани можно строить даже на болоте. В сухих местах срубы бань ставили на четырех больших камнях или прямо на землю.

«Черная» баня на сваях. XIX в.

Каждая банька состояла из двух помещений: предбанника и мыльни, отделенных бревенчатой перегородкой с дверью. В мыльне мылись и парились, а в предбаннике раздевались, отдыхали, пили квас.

Бани чаще всего топили по-черному, дым выходил через небольшие отверстия в верхней части избушки. В одном углу устраивали печь-каменку. Она представляла собой груды камней на невысоком срубе с топочным отверстием, выложенным сводом. Когда топили каменку, огонь струился между камнями и раскалял их докрасна. Рядом ставили ушат с холодной водой, опускали в него камни и таким образом нагревали воду. Расплескивая ее на камни, получали пар.

Попариться взбирались по приступкам на широкий

«Черная» баня на сваях. XIX в.

полок. Его устраивали вдоль одной из стен, у каменки. Вдоль другой стены стояла лавка для мытья, у самой двери — бочка с холодной водой, ковши, шайки, веники.

Впервые на Руси бани упоминаются в летописи XI в. Были распространены как индивидуальные, так и общественные бани-мыльни. На старых планах Москвы XVI—XVII вв. изображено довольно много общественных бань. Это деревянные срубы с плоскими или двускатными кровлями. Рядом высокие шесты «журавцов» («журавлей»), подававших воду из колодцев или реки. Специальный работник, именуемый водоливом, деревянным ведром с помощью «журавля» поднимал воду на необходимую высоту. Там переливал ее в деревянный желоб, и вода устремлялась к чану, установленному внутри бани.

Индивидуальные бани крестьяне ставили обычно прямо на своей усадьбе. Одни — подальше от дома, другие — под одной крышей с избой на хозяйственном дворе. Это зависело от местных традиций. В некоторых областях вообще обходились без бани, ее заменяла русская печь. Наверное, вам покажется странным такой способ мыться и париться. Я также была удивлена и не верила, что это возможно, пока сама не испытала подобную парную в деревне Будимирово Калининской области.

Спустя несколько часов после того как истопили печь, хозяйка вычистила печной под* от золы, постелила на него соломы и приказала — полезай! Боясь испачкаться в саже, я осторожно на животе вползла в жаркое чрево печи. В ней можно спокойно сидеть и даже похлестаться березовым веничком — места вполне достаточно. Никакой копоти, сажа держится только в том месте, где выходит дым. Напарившись, обливаться холодной водой приходилось выбегать во двор, чтобы не заливать избу. Это маленькое неудобство даже забавляло. Что и говорить, настоящая баня лучше, но и печь может ее заменить с успехом.

По свидетельству иноземного путешественника Рейтенфельса москвитяне в XVII столетии посещали баню после завершения всех дел, как правило, раз, а иные даже два-три раза в неделю.

Надо сказать, что иностранцев восхищала русская баня. В 1791 г. в Москве вышла книга Антонио Нуньес Рибера Санчеса «О парных российских банях, поелику споспешествуют они здравия...». Ее автор испанский врач. Он много лет жил в России и мог считать себя специалистом в банном вопросе. Книга имела большой успех, особенно в Западной Европе. Подобные бани после этого

---

* *Печной под* — горизонтальная поверхность в печи, на которую кладется топливо.

начали строить во Франции, Германии, Англии, Голландии и других странах.

Известно, что на Руси парились до изнеможения, до стона хлестались березовым или дубовым веничком, а потом выбегали на воздух. Летом окунались в пруд или речку, а зимой катались по снегу или обливались холодной водой.

Отмытые, распаренные, в чистых рубахах, бодрые и довольные возвращались мужики из банек, стоящих на отлете, в свои избы.

За многовековую историю русская баня почти не изменилась, настолько все в ней рационально. Как и встарь, попариться мы взбираемся на деревянный полок. Чтобы пар был «вкусным», знатоки поддают на камни воду с добавлением мяты, липового цвета, хвои, ромашки, крапивы, меда, кваса и других «отдушек». Словом, кому что нравится. И, как прежде, в бане не обойтись без веника, чтобы помассировать как следует тело.

Баню на Руси любили и ценили, особенно за ее лечебные свойства. Еще в давние времена заметили, что, попарившись, человек избавляется от многих хворей: от простуды, лишнего веса и других недугов. Отношение к бане выразилось в поговорках. Их множество: «Пар костей не ломит», «Баня мать вторая», «Баня парит, баня правит», «Коли б не баня, все б мы пропали», «Баня без пару, что щи без навару».

А еще прежде говаривали: «Баня все грехи смое». В это свято верил царь Алексей Михайлович. В 1672 г. в селе Преображенском под Москвой была построена Комедийная хоромина — театр и дано первое представление. Как известно, церковь подобного рода развлечения не одобряла, видела в них бесовское начало и объявляла театральные действия греховным делом. Царь же, напротив, был в восторге от театра и заставлял играть для себя по несколько пьес в день, но после каждого спектакля шел в баню, чтобы очиститься от греха.

В наше время наукой доказано благотворное влияние парной на организм человека. Систематические, один раз в неделю, посещения бани отлично закаляют организм, повышают его защитные силы. Тому, кто хоть раз побывал в бане, знакомо ощущение необыкновенной легкости и бодрости после «парилки». Вот что пишет о русской бане поэт С. Островой в стихотворении «Моя поликлиника»:

Ну а чтобы совсем не стариться,
Чтобы силой не обнищать,
В баньке русской люблю попариться.
Чтобы начал полок трещать.
Чтобы веник меня охаживал,
Чтоб ходил по спине парок,
Все бы хворости выпроваживал,
Гнал их запросто за порог.

Доктора считают, что практически всем здоровым людям баня пойдет на пользу. Однако при некоторых заболеваниях тепловые процедуры противопоказаны. Поэтому, прежде чем отправиться в первый раз в парную, необходимо посоветоваться с врачом.

Организаторы Костромского музея под открытым небом создали на берегу Волги собирательный образ села прошлого века. Вдоль улицы встали крестьянские дворы. Дом из деревни Аристиха напоминает нам о вековых могучих костромских лесах: стены избы рублены из бревен, диаметр которых более полуметра. На фасад от земли до конька понадобилось всего лишь 17 бревен.

Наиболее распространенной породой дерева была сосна, из которой сложена эта изба. Росли вдоль Волги и Костромки также и дубы. Веками вода подмывала берега, и зеленые великаны метровой толщины оказались погребенными под слоем песка и глины. Время и условия хранения сделали древесину черной и прочной как камень. Так возникли залежи мореного дуба, редкого отде-

лочного материала. В 30-е годы его использовали для отделки некоторых станций московского метрополитена.

Лес давал человеку жильё, пищу, тепло. Недаром в пословице говорится: «Возле леса жить — голода не видеть». Действительно, лес помогал прокормиться, поскольку позволял заниматься многими ремеслами, связанными с обработкой древесины. Так, из наружной части коры березы — бересты — выделывали туеса, кораба, лукошки, обувь, сумки. В древности на бересте писали письма и грамоты.

Березовая кора привлекала мастеров народного искусства своей ослепительной белизной. С обратной стороны она желтоватая, бархатистая, очень похожая на хорошо выделанную замшу. При обработке береста сохраняет мягкость, бархатистость, гибкость и удивительную прочность, что позволяет делать из нее сосуды для жидкостей. Когда-то в них хранили молоко, мед и другие продукты.

Изделия из бересты часто декорировали той же берестой. Например, цилиндрический туесок окаймляли по верхнему краю берестяной накладкой с мелкими зубчиками. Береста хорошо воспринимает тиснение и этот способ украшения также широко использовался народными умельцами. Получались как бы гравированные рисунки на бересте. В Архангельской и Вологодской областях берестяные изделия расписывали красками, изображали цветы, ветки, птиц. Результатом стали высокохудожественные произведения народного искусства, которые до сих пор занимают достойное место в музеях. В наше время изделия из бересты утратили свое утилитарное назначение. Теперь они выполняют в основном декоративную функцию, стали предметами украшения, способными, как по волшебству, оживить комнату, внести в дом улыбку.

Замечательные вещи умеет делать из лычек бересты жительница Костромы В. Е. Шантырева. На выставке ее

работ забавные игрушки, сувенирные лапотки, хлебницы, тарелки, коробки, шкатулки, корзиночки. Все это неизменно вызывает восхищение посетителей. Выставка развернута в летней горнице избы, построенной в первой половине XIX столетия в деревне Вашкино.

По фасаду дома расположены три окна. Одно косячатое в центре, а по бокам — маленькие волоковые оконца. Почти все избы Верхнего Поволжья имели в прошлом такой вид. Окно в центре, по своим пропорциям близкое к квадрату, обрамленное наличниками со ставнями, получило еще одно имя — красное, т. е. красивое.

В другой избе воссоздана обстановка жилища ремесленника-гончара. Слева от входа, как водится, — большая русская печь, за ней место хозяйки — своеобразная кухня. Место хозяина справа от входа, где стоит его гончарный круг. Здесь в ловких руках мастера простая глина превращалась в замечательную посуду. Вот она стоит рядом на полках и лавках вдоль стен.

Выставка гончарных изделий, организованная в горнице этой избы, знакомит нас с одним из древнейших ремесел. Едва научился человек пользоваться огнем, он сразу придумал глиняный горшок. Издревле на Руси в обыкновенном глиняном горшке готовили вкусные каши. А какое топлёное молоко с толстой золотистой пенкой получается в такой посуде, неказистой на вид! По форме и размерам встречаются горшки самые разные: с ручками и без них, кринки, кувшины, или, как их называли встарь, «кукшины», бутылки-кубышки, жбаны, корчаги.

Часто такую посуду делали внутри обливной. Снаружи ее расписывали, а иногда ложили, да так, что поверхность приобретала ровный металлический блеск. Изумительную посуду из черной глины выделывают и в наши дни умельцы села Казаринова Горьковской области. Она похожа на металлическую и даже звенит. Но самое главное, в ней долго не портятся продукты и она не держит запаха.

Горшки использовались не только для приготовления

пищи, но и для хранения всевозможных продуктов. Так, иногда в больших корчагах держали зерно, живописцы хранили краски в глиняных кувшинах. Любили в старину прятать денежные сбережения в кубышку, т. е. глиняный горшок с высоким узким горлышком, удобный для хранения монет. Археологи по сей день находят клады разных эпох в глиняных кубышках. При проходке первой очереди московского метро на проспекте Маркса в двух древних колодцах нашли 13 кувшинов, в которых когда-то носили воду. А в колодце недалеко от Покровских ворот был найден кувшин вместимостью более 10 литров!

Не все знают, что в Древней Руси была у горшка и иная служба. Использовали его строители для усиления звука в каменных церквах и называли такой горшок голосником. Возможно, вам приходилось видеть круглые отверстия на внутренних стенах и сводах старых храмов — это и есть голосники. Обычный горшок вставляли в стену так, что его горлышко было обращено в помещение, благодаря этому уничтожалось отражение звука от сводов. Звук становился более чистым, можно было разобрать каждое слово, произнесенное даже не в полный голос.

Гончарное искусство не забыто и в наши дни: возрождаются давние традиции, разрабатываются новые виды эмалей и глазурей, новые приемы украшения изделий. Произведения декоративно-прикладного искусства из керамики мы встречаем не только на выставках. Интерьеры наших квартир, магазинов, учреждений часто украшают изделия народных промыслов — глиняные горшки. А если мы зайдем в кафе, то фирменное блюдо нам подадут в глиняном горшочке.

Ежегодно в один из июньских дней каждый может побывать на традиционном празднике ремесел у стен бывшего Ипатьевского монастыря. Уже с раннего утра начинают здесь собираться костромичи и гости из других городов. Они с нетерпением ждут рождения замысла-

тых глиняных горшков, искусных поделок из бересты, узорчатых кружевных салфеток. Вот что написал журналист Е. Сырцов, наблюдавший работу гончара: «Кувшин рождался из ничего. Истинное матерство, как известно, всегда незаметно. Легчайшее касание рук, безостановочное движение круга... Вот поднялись, сузились бортики, образовали чашу и перехват горловины. Вертится гончарный круг. Что-то там тихонько трогают руки, на твоих глазах возникает красота. Гармония линий, изгибов, форм. Мастер подводит под доньшко проволоку, и кувшин сам подскакивает к нему в руки».

На этом красочном празднике то тут, то там мелькают синие, желтые, красные сарафаны. Это женщины собираются водить хороводы на лугу. А рядом уже прошли рядами косцы и показали древнее умение — косьбу.

Отшумит праздник и вновь начнется размеренная жизнь музея. Будут приходить экскурсионные группы и отдельные посетители. Они непременно остановятся перед усадьбой из деревни Мухино Вохомского района, которая выделяется среди других прежде всего своими размерами. Курная изба и хозяйственные постройки огорожены бревенчатым забором с массивными воротами. Дом представляет собой древнейший тип народного жилища, называемый избой-двойней. В ней два сруба стоят рядом, тесно прижавшись один к другому, и имеют одну общую крышу. В таком доме уже не одна, а две теплые комнаты. К избе с торца примыкает крытый хозяйственный двор с широким пологим взвозом, по которому въезжали на сеновал груженные подводы.

Несколько поодаль от жилья построена житница. Это невысокий сруб без окон. В нем в сусеках хранилось жито — немолотое зерно ржи, овса, ячменя, гречи. В некоторых областях так называли и яровую пшеницу. Прежде чем зерно попадет в житницу, снопы надо было высушить и обмолотить. Сушили их в овинах.

Овин, перевезенный в музей из деревни Пустынь

Костромского района, отличается красивыми пропорциями и силуэтом далеко выступающей кровли, которая защищает от дождя бревенчатый помост перед входом на второй этаж. Помост держится на консольных бревнах. К этому своеобразному балкону подъезжали груженные телеги и прямо с них снопы забрасывали в открытую дверь второго этажа овина. Там их «садили», т. е. устанавливали в бабки для просушки. Пол был сделан из жердей с просветами, через которые поступал нагретый воздух от печи, расположенной в первом этаже. Печь топилась по-черному, дым выходил в открытую дверь и волоковые окна. К основному срубу овина как бы прилепился сбоку еще невысокий срубик. Там хранились орудия молотбы и дрова.

Раз в музейном селе имеются закрома для хранения зерна, то должны быть и мельницы. Одна совсем рядом, надо лишь перейти улицу, пройти по широкому, что могут разбегаться телеги, мосту, и тут, на берегу пруда — водяная мельница из деревни Ньююг Шарьинского района.

Из деревень Разливное, Германов Починок и Малое Токарево приехали ветряки. Особенно интересна мельница из Малого Токарева. Плотник, построивший этот ветряк в прошлом веке, был, безусловно, художником. Он постарался сработать его как можно более привлекательным и нарядным. Красив размах крыльев, радуют глаз колонки, поддерживающие «вынос» избушки. Они украшены неброской, но эффектной резьбой.

Костромские зодчие всегда славились своим искусством. В старинной легенде рассказывается, как плотники смастерили преудивительную модель храма для своего удельного князя. Забава была так хороша, что ее хранили как большую ценность и передавали из поколения в поколение, пока не подарили гостям-иностранцам в знак особого к ним уважения.

Среди плотников Костромского края в особом почете были мастера из древнего города Галича. В XVIII столе-

Трехъярусная часовня. XVIII в.

тии, когда развивались отхожие промыслы, галицкие плотники строили по всей России. Петр I, прослышав об искусных мастерах, специальным указом повелел спелел городу отрядить плотников на строительство новой столицы. Недаром говорили: «Галицкий топор Петербург построил».

К сегодняшнему дню на 20 гектарах прибрежной полосы собрано более трех десятков памятников деревянной архитектуры. Когда-то здесь протекала речка Игуменка, теперь на ее месте заросшие ивняком и камышами неглубокие пруды.

Вокруг них и разместились все постройки. Деревянные мостки связывают их в единое целое.

Костромской музей под открытым небом так хорошо передает атмосферу старой русской деревни, что послужил историческим фоном при съемках летом 1980 г. фильма «Юность Петра», поставленного режиссером С. Герасимовым.

А. В. Ополовников написал об этом замечательном музее: «Причудливые контуры темных церквей, ветряной мельницы и других старинных деревянных построек, обступивших белые стены и башни монастыря, придают панораме города какую-то особую прелесть, выходящую за рамки привычной повседневности и уводящую в потаенные глубины человеческого сердца».

КАК БЕЛКА В КОЛЕСЕ

Колодец вырыт был давно,
Все камнем выложено дно,
А по бокам, пахуч и груб,
Сработан плотниками сруб.

В. Солоухин

Мягко шуршат шины по асфальту, гул двигателя сливается со свистом ветра, мелькают, вытянувшись в одну линию, населенные пункты, поля, леса. Мы спешим в Суздаль. Всего около четырех часов понадобилось маленькому «Москвичу», чтобы преодолеть разделяющие Суздаль и Москву 220 километров. Путешественнику Древней Руси такая скорость показалась бы просто фантастической, да и дорога непостижимо хорошей.

В XII в. она пролежала примерно там, где теперь шоссе. По ней в то время мчались на лошадях из Киева гонцы великого князя с наказами наместнику, сам наместник отправлялся с отчетом в столичный град; случилось, и великие князя наезжали в свои дальние владения. Когда Суздаль стал столицей Ростово-Суздальского княжества, заспешили в город купцы, послы, служилый люд. Потянулись богомольцы: Суздаль всегда привлекал их своими церквями и монастырями.

С XVI столетия этот тракт получил печальную известность этапного пути, по которому в неведомую и страшную Сибирь уходили на каторгу. Дорога помнит А. Н. Радищева, Н. Г. Чернышевского, М. В. Петрашевского и многих других. Как опасных политических преступников под усиленной охраной провезли по ней декабристов. В народе дорогу называли «Владимиркой» и говорили, как о живой: плачет, стонет, терпит.

При прокладке дорог в Древней Руси обычно выбирали наиболее короткий-и удобный путь. Если надо было пересекать реку — искали броды, через глубокие реки и

ручьи наводили мосты. На топких местах устраивали из хвороста и тонких жердей гати. По необходимости прорубали леса, пни не выкорчевывали, они торчали из земли и сильно затрудняли проезд. Так и ехали «через пень-колову». В непогоду дороги превращались в месиво грязи. Какие уж тут скорости, да еще при одной или трех лошадиных силах!

Главные дороги на Руси называли трактами. Они отличались от всех прочих тем, что вдоль них стояли полосатые верстовые столбы и через определенные расстояния были устроены почтовые станции — ямы. В начале XVIII столетия кое-где грунтовые тракты стали укреплять бревенчатыми настилами и только в самом конце XVIII — начале XIX в. появляются шоссейные дороги.

Сегодня по Владимирскому шоссе без конца идут машины, часть из них устремляется в Суздаль. В 1967 г. он объявлен туристским центром и городом-заповедником. Тысячи паломников — любителей старины, древней архитектуры, искусства останавливаются на Поклонной горе, откуда открывается панорама старинного города.

Когда я впервые увидела ее, то задохнулась от восторга: так поразил меня этот небольшой городок. Все в нем было необыкновенно: множество старинных церквей и монастырей, крохотные домики, по окна вросшие в землю (теперь здесь, конечно, таких не встретишь). Но самое сильное впечатление произвела на меня скромная деревянная церковь. Она стояла в глубине кремлевского двора и казалась такой трогательной и беззащитной, что слезы подступали к горлу. Церковка тосковала здесь в окружении кирпича и камня. Хотелось подойти к ней и утешить, дотронуться рукой до слегка шероховатой древесины, ощутить ее живое тепло и дыхание.

Это была церковь Николая Чудотворца, которую в 1960 г. перевезли из села Глотова Юрьевского района. Здесь она была восстановлена архитектором М. М. Шароновым. Построена же она была в 1766 г. и по своим архи-

тектурным формам представляет древнейший, так называемый клетский тип храма. Поднятая на высоком подклете, окруженная галереей, с пристроенной с восточной стороны граненой апсидой, с чешуйчатой главкой, церковь в свое время горделиво выделялась среди рядовой застройки села. Как самое высокое строение, она была композиционным центром Глотова.

Но я узнала об этом уже после посещения Суздаля, а тогда стояла завороженная ее красотой. И как приятно было спустя несколько лет прочитать в газетах о том, что церковь Николы положила начало новому музею деревянного зодчества и крестьянского быта. Место для него выделили напротив кремля за речкой Каменкой. В музее собрано около двадцати памятников народного деревянного зодчества. И теперь глотовской церкви не так скучно, хоть и стоит она по-прежнему в кремле одиноко, но уже может видеть и переговариваться через речку со своими товарками: многоярусной Преображенской и Воскресенской деревянными церквями, построенными также в XVIII столетии. Часто на Руси возводили рядом два храма: один летний — просторный и второй теплый — поменьше. Придерживаясь этой традиции, организаторы музея поставили эти два церковных здания в паре.

Летняя церковь Преображения перевезена из села Козлятьева. По типу она представляет собой восьмерик на четверике. Здесь три восьмерика, убывающих по размерам, поставлены на основание — четверик. Завершается сооружение луковичной главкой. По бокам с севера и юга к храму пристроены два придела, а с запада и востока — прирубы трапезной и алтаря. Бочечные кровли прирубов значительно обогатили силуэт здания. Конструкция его рациональна, а пирамидальная композиция гармонична.

Рядом стоит зимняя Воскресенская церковь из села Потакина. Она меньших размеров; все ее части: алтарь, собственно храм, трапезная, колокольня, крыльцо — вы-

Воскресенская церковь из с. Потакина. Вторая половина XVIII в.

тянуты по одной оси. О таких церквах говорили, что они построены «кораблем».

Музей запроектирован так, что не минуешь ни одно строение и после осмотра культовых построек оказываешься у крестьянских домов. Все избы на музейной улице имеют много общего, они характерны для центральных районов России.

Сокращение лесных массивов сказалось на повышении цен на древесину, а это, в свою очередь, повлекло изменения в размерах и конструкции изб. Дома, в отличие от северных, намного меньше. Высокий подклет чаще всего заменен здесь кирпичным фундаментом, который иногда обшивали досками. Традиционная северная самцовая крыша была заменена более дешевой стропильной конструкцией. При этом требовалось несколько наклонных поддерживающих балок, на которые укладывали настил из жердей. Треугольную стену под крышей, или фронтон, делали теперь не из толстых и дорогих бревен, а из досок. Места соединения рубленой стены с дощатым фронтоном закрыли карнизными, или лобовыми, досками, которые вместе с причелинами пышно декорировали глухой рельефной резьбой.

У ворот дома из села Илькино Меленковского района Владимирской области нас встречает хозяйка в праздничном костюме крестьянки XIX в. Входишь и попадаешь сначала в открытый, «мокрый», а затем в крытый двор. Как и в любом крестьянском хозяйстве, здесь хранятся дрова, телега, лежат колеса и различный сельскохозяйственный инвентарь. По ступенькам поднимаемся в сени. Тут стоит бочка для воды, висят плетеные корзины, коробка, грабли и другие необходимые в хозяйстве вещи.

В избе также все традиционно: вдоль стен встроенные лавки с красивым рисунком подзора. Выше — надлавочники, или полки для различной утвари и посуды, стенной шкаф для тарелок, полати. Все — только самое необходимое, простое, скромное. Это жилище середняка.

Дом зажиточного крестьянина из села Лог двухэтажный, на кирпичном фундаменте. Он рублен из толстых, до полуметра в диаметре, бревен. Карниз, причелины, полотенца, наличники и ставни изобилуют нарядной корабельной резьбой. Крутая кровля переходит с одной стороны дома в пологое покрытие хозяйственного двора.

В этом доме нижний этаж использовался как ткацкая мастерская, или, как ее здесь называют, ткацкая светелка. В старину не было избы, где бы не стоял ткацкий стан, не было женщины, которая не умела бы прясть и ткать. Отбеленное солнцем льняное полотно шло на повседневные нужды, оно же служило основой и для более сложных рукоделий — набойки, вышивки, узорного ткачества. К XIX в. тканье из домашнего занятия давно уже превратилось в ремесло, а материи изготовлялись и для продажи на рынке. В этой светелке хозяин использовал наемный труд. Женщины работали на трех ткацких станах. Они выделявали полосатые половички, такие, как расстелены на полу в жилых комнатах, ткали ткани. Из этих домотканых материй шиты праздничные одежды, в которых встречают гостей хозяйки домов-музеев. Очень эффектны синие сарафаны с красной каймой, белые сорочки и красные головные уборы.

В интерьере избы, в декоративном убранстве дома снаружи уже чувствуется влияние города и тех изменений в укладе, которые произошли в русской деревне в эпоху капитализма. Карниз дома напоминает карнизы городских каменных зданий, в избе появилась деревянная резная кровать с высоко взбитыми подушками — признак достатка хозяина дома. Все остальное как и в знакомой уже нам избе из села Илькино, но только богаче и пышнее.

Есть в музее под открытым небом еще две крылатые мельницы. Эти ветряки представляют собой соединение низких четвериков с высокими суживающимися восьмериками, крытыми низкими шатрами. Рядом с мельница-

ми установлены овины и амбары. Таким образом, в музее выделена как бы промышленно-хозяйственная зона.

Деревня не была бы деревней, если бы в ней не было колодца. Здесь он особенный. Под навесом — огромное, едва ли не с избу величиной, колесо. Надпись перед ним гласит: «Колодец ступальный. XIX в.». Он перевезен из деревни Кольцово Селивановского района. Водоносные пласты в тех местах залегают очень глубоко, поэтому приходилось устраивать такое сооружение, которое обеспечивало бы за один раз подъем большого количества воды.

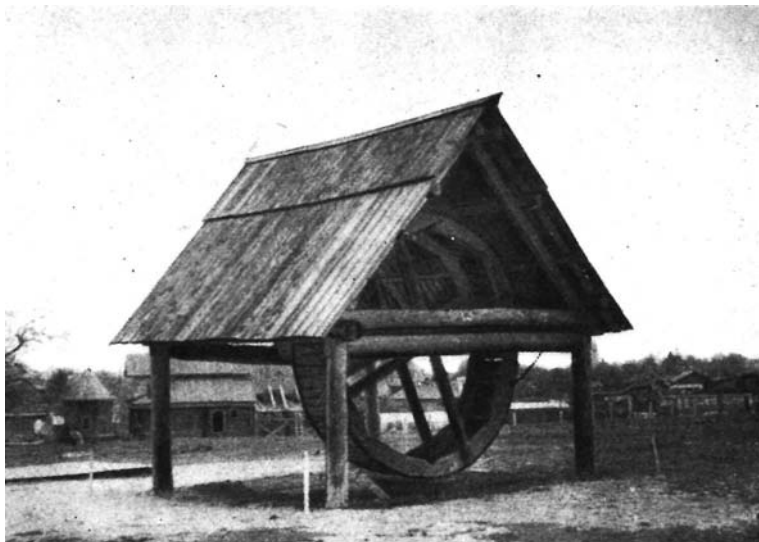
Ворот ступального колодца устроен так, что с внутренней стороны он имеет вид желоба с поперечно набитыми дощечками, своеобразными ступеньками. Человек или даже двое входили внутрь колеса и шагали по ступенькам-поперечинам, колесо начинало вращаться и поднимать на веревке или цепи наполненную водой пятиведерную бадью. Вот и вертелся человек как белка в колесе, добывая воду.

Известный журналист Василий Песков как-то увидел в музее подобный колодец. Он был настолько поражен этим сооружением, что отправился искать, не найдется ли где сегодня действующий колодец такого типа. И нашел, в Горьковской области. «Мужицкая техника», оказывается, продолжает служить людям. С легкостью поднимают воду из ступального колодца даже старики и дети.

Однако ступальный колодец является редкостью, повсеместно же в деревнях России распространены колодцы с журавлями, воротами и барабанами с ручкой. Несмотря на то что почти везде теперь есть водопровод, колодцы все еще в большой чести. Вспомните, какая вкусная вода из колодца: пьешь — не напьешься! И тем не менее колодцы — это день вчерашний.

Мастеров-колодезников становится все меньше и меньше, а дело это очень непростое. Во-первых, необ-

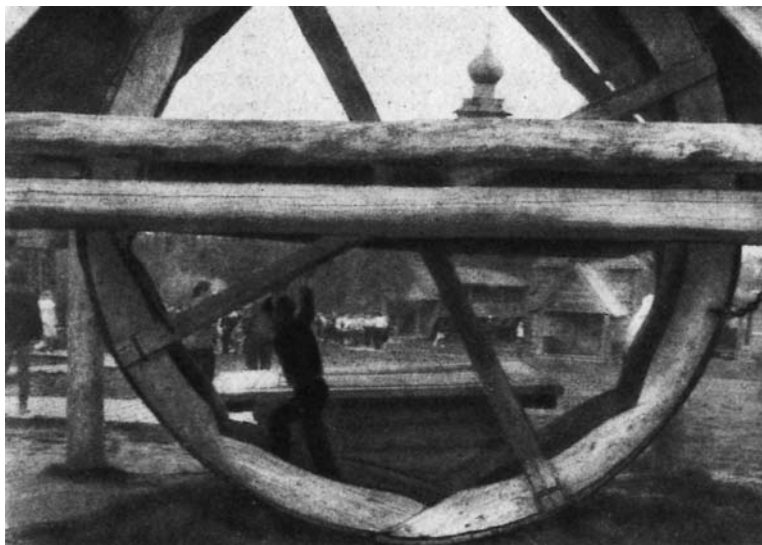

Ступальный колодец. XIX в.

ходимо найти воду, и не просто найти, а чтобы была пригодной для питья. Во-вторых, вырыть яму, иногда довольно глубокую. Кроме того, что это тяжело физически, еще и опасно: не ровен час — обвалится и засыплет землей. В-третьих, хорошо сладить сруб, чтобы долго стоял без ремонта и не портил вкуса воды. В-четвертых, поставить самое целесообразное устройство для подъема воды. И, наконец, сделать колодец красивым, чтобы радовал глаз. Ведь вся деревня собирается у колодца, да и прохожий остановится испить водицы.

Колодцы были известны на Руси давно. Летопись за 997 г. упоминает о том, что при осаде Киева печенегами в нем были устроены два колодца. Самыми древними были колодцы, в которых яма укреплялась долбленным

Ступальное колесо.

стволом дерева — колодой, отсюда и название «колодец». Воду из них поднимали на веревке узкой деревянной бадьей. Судя по рисункам художников XVIII столетия, очень распространен был подъем воды «журавлями». К вертикальному столбу, обычно с развилкой в верхней части, крепилась деревянными спицами стрела. К ней подвешивали бадью, а другой конец уравнивали грузом. Крестьяне придавали ему эстетичную форму: одни вырезали из дерева фигурки птиц, другие вытачивали шары, цилиндры, конусы, третьи привязывали камень. Верхний конец столба также украшали, создавая иной раз многоярусную сложную композицию.

Строительство колодца начиналось с выбора места. Важно было не ошибиться, где копать, чтобы труд не

пропал даром. Мастера-колодезники хорошо знали грунт, и это помогало им. Если шла глина — близко воды не жди. Если встречался черный ил, смешанный с песком, лучше перейти на новое место. Здесь вода могла быть рядом, но она невкусная, тяжелая. А в колодце, пробитом в камнях, вода всегда мягкая и вкусная.

Разведку на воду отдельные умельцы вели с помощью лозы ивы или орешника. Для этого обламывали ветку с развилинкой, брали оба конца в руки так, чтобы третий, острый угол был обращен кверху, и начинали искать. Там, где лоза в руках склонится верхним концом вниз, рыли землю и, как правило, не ошибались. Подобным образом еще много столетий назад искали воду и руду в Индии, Вавилоне, Франции. И в наши дни иногда выручает ивовый прутик или металлическая рамка, заменяющая его. В 1944 г. советские войска вели бои на вражеской территории, многие колодцы оказались отравленными. Полковник Советской Армии, будущий академик Г. Богомолов обучил солдат находить воду древним способом. Не одному воину спасло тогда жизнь это нехитрое приспособление.

Были и другие способы определения водяной жилы в данном месте. Можно было выкопать неглубокую ямку, поставить в нее вверх дном стакан и оставить так на ночь. Утром смотрели: если стакан запотел изнутри, значит вода близко.

Считалось, что лучше всего копать колодцы зимой, тогда вода уходит глубоко под землю и не мешает добраться до основной жилы. Когда доходили до воды, на дно колодца ставили ящик с крупным песком. Уже в далеком прошлом знали, что песок очищает воду, отделяя от нее механические примеси. Надо сказать, что очистка воды песчаными фильтрами применяется и в наше время на крупных водопроводных станциях.

Стены шахты колодца укрепляли деревянным срубом. Рубили его прежде, чем начинали копать яму. Готовый

сруб метили и разбирали, оставляя несколько венцов высотой 50—60 сантиметров. Эту часть сруба устанавливали на месте будущего колодца и начинали выбирать из середины и под ним грунт. По мере опускания сруба его постепенно наращивали, пока не доходили до воды. Иногда сначала вырывали яму и в ней собирали сруб, а пространство между стенками шахты и сруба засыпали землей.

Лучшим считался осиновый сруб. Неплох был и дубовый, но вода в таком колодце становилась темной и горькой и обретала нормальный цвет и вкус только года через два. Для подводной части сруба использовали также вяз или ольху. Надводную часть можно собрать из сосны. Если же сосновый сруб опустить в воду, в ней появятся золотые блестки и она будет пахнуть смолой, что не всем по вкусу.

ЩЕДРОСТЬ ЛЕСА

Только жаль, что матушка-природа
За себя не может постоять.

Я. Вохменцев

При обилии дерева на Руси его всегда применяли для строительства и других целей очень рационально, с учетом свойств и качеств древесины. К примеру, дуб не боится воды. Поэтому из него делали срубы колодцев, сваи под здания. Всемирно известная колокольня «Иван Великий» Московского Кремля уже более 500 лет стоит на дубовых сваях. Петр I строил корабли русского флота также из дуба и сосны.

Сосна была и остается самой распространенной древесной породой на территории РСФСР. Высокая, гладкоствольная, смолистая, она широко применялась в строительстве всевозможных сооружений.

По своим качествам близка сосне лиственница. Она более устойчива к сырости, поэтому из нее старались сложить хотя бы нижние венцы, если не было возможности построить из этого дерева здание целиком.

Ель хуже других древесных пород сопротивляется влаге, ее предпочитали использовать для внутренней отделки. Из-за удивительных «музыкальных способностей» ель применяли для изготовления скрипок, гитар и других музыкальных инструментов.

Осина наиболее известна как порода, дающая лучший лемех для покрытий, не поддающийся ни дождям, ни ветрам, ни зною. Осина, обветренная, омытая дождями, обретает вид благородного серебра, и народ умело использовал это качество дерева. Терпеливо топором вытесывалась замечательная кровля, похожая на кольчугу. Но из осины также рубили срубы, делали столы, лавки, полаты, настиляли полы, гнули ободья для колес.

Липа особенно хороша для столярных и мебельных работ. Белая, легкая, мягкая древесина липы при высыхании не коробится и не трескается. Она не крошится и легко режется вдоль и поперек волокон. Лучшего материала для резьбы не сыскать. Золотым веком для липы были XVII и XVIII столетия, когда церкви, дворцы знати, мебель великолепно декорировали изумительными по мастерству резными орнаментами.

А простой народ ценил липу за то, что она его обувала. Не было лучше обуви, чем лапти. В пору пахоты, сенокоса, уборки крестьянин в поле от зари до зари. В любых сапогах ноги к вечеру просто «гудят». Ничего подобного не происходило, если на ногах были лапти: легкие, удобные, непромокаемые. Одно плохо — непрочные. Идет крестьянин в город, непременно несет в руках запасные лапти. За год крестьянин изнашивал более 20 пар лаптей. Чтобы сплести пару, требовалось ободрать кору с 4—5 молодых лип. Плели лапти долгими зимними вечерами. Некоторые плели и на продажу. Продавая их,

торговки зазывали: «Моими лаптями хоть щи хлебай» — стало быть, гарантировали водонепроницаемость. Или: «Гуляй, Матвей, не желей лаптей, батька лыка надерет — лапти новые сплетет».

Из липовой коры также делали рогожи, кули, веревки, мочала. О липе еще можно говорить как о дереве-лекаре. В народной медицине широко применяли липовый чай из цветов и целебный липовый мед.

Но, пожалуй, больше всего на Руси любили березу. «Во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла» — прекрасный песенный сувенир оставили нам наши предки. Этот образ и поныне находит отклик в русской душе.

В рязанской стороне загадывали загадку: «Стоит дерево, цветом зелено, а в этом дереве четыре угодыя: первое — большим исцеление; второе, от теми свет; третье, дряхлых, хилых пеленанье; а четвертое, людям колодец?». Ответ простой — обыкновенная белоствольная красавица береза. Пошли в баню попариться да хворь изгнать и прихватили с собой березовый веник — вот и исцеление больному. Вечером запалили лучину — избавились от тьмы. Тепло в доме также от березовых дровишек. Треснутые глиняные горшки связывали или пеленали берестой и они служили еще долгое время. А жажду утоляли березовым соком. Древесина березы также широко применялась в строительстве и декоративном искусстве.

Россию часто называли лесной страной, и это не случайно. Леса покрывали ее огромные пространства. Лес давал не только дешевую древесину. Он в широком смысле был кормильцем и поильцем. Охотника он кормил «звериным промыслом», земледельца — лесными угодыями и бортничеством, ремесленника — различными ремеслами, связанными с использованием дерева.

Наблюдая за жизнью леса, человек подмечал изменения природы, которые происходят в связи со сменой времен года. Начало полевых работ он определял по набуханию почек, появлению листы, цветению. По

приметам он знал, когда надо косить, убирать хлеба и овощи.

Лес укрывал от врагов, для чего из поваленных деревьев устраивали засеки, из дерева возводили стены и башни крепостей и острогов. Из глубины веков дошел до нас такой случай: в 1175 г. во время княжеских междоусобиц из Москвы и Владимира навстречу друг другу вышли два войска. Но сражения не произошло, так как воины заблудились в лесных чащах и разминулись.

Но с той поры много воды утекло. Постепенно леса отступали перед огнем и топором человека. Для расширения пахотных земель, развития промышленности человек уничтожал большие лесные массивы. Богатства природы казались неисчерпаемыми, лесам конца и краю нет, оком не охватишь. И не сразу люди поняли, что природная кладовая может иссякнуть и что ее необходимо беречь и восполнять. Все в природе взаимосвязано и ничто не проходит бесследно. Уничтожали леса — понижался уровень грунтовых вод, мелели реки, снижалось плодородие земель, вымирали отдельные виды животных. В конечном счете хуже становилось людям.

Сегодня уже доказано, что лес поддерживает кислородный баланс, улучшает климат, влияя на распределение осадков, влажность и температуру воздуха, защищает от ветра. Лес непосредственно воздействует на здоровье человека: он убивает болезнетворные микробы и ионизирует воздух.

Угроза истребления лесов в центральных районах России стала ощущаться уже к середине XVII столетия, когда леса в значительной мере были «повысечены» и пожжены на поташное производство. Поташ (щелочная соль) необходим в мыловарении, стекольном и других производствах, его получали из древесной золы. В начале XVIII в. правительство, обеспокоенное беспорядочными заготовками древесины для строительства Санкт-Петербурга и флота, приняло ряд мер по сохра-

нению лесов в северной и средней полосах России. В 1703 г. Петр I подписал указ «о бережении» лесов на Двине у Архангельска. Известно, что Петр I много делал для развития промышленного производства. Он лично наблюдал за работой Липецкого завода и железных рудников, но когда через 16 лет работы предприятия лесов в округе заметно поубавилось, Петр, опасаясь за судьбу окрестных лесов, отдал приказ об «истреблении» большей части липецких домен. По этой же причине последовал еще один царский указ о ликвидации всех металлургических и стекольных заводов на 200 верст вокруг Москвы.

За полтора столетия до появления заповедников в других странах, 18 апреля 1703 г., Петр I учредил Измайловский лесной заповедник под Москвой. В некоторых лесных массивах была запрещена рубка деревьев, а отдельные виды были взяты под личный контроль царя как фонд адмиралтейства. Не разрешалось рубить толстые дубы, клены, ели. Был даже установлен штраф в размере 15 рублей за самовольную порубку одного дуба, тогда это были очень большие деньги. Кроме того, к порубщику применяли и такие «воспитательные» меры, как кнут и «рваные ноздри».

Вместе с запретами порубки с конца XVIII в. для воспроизводства леса начали проводить, преимущественно в южных районах России, лесопосадки. Однако с развитием капитализма все более усиливалось хищническое истребление природных богатств.

Начиная с прошлого века многие передовые люди России стали серьезно задумываться об отношении к природе. Л. Н. Толстой обратился к правительству с проектом, в котором предусматривалась посадка лесных саженцев на месте вырубленных лесов. Осуществление проекта он предлагал взять на себя, но проект так и не был принят. Работы по восстановлению лесных угодий велись кое-как. Даже изданный в 1888 г. лесоохранительный закон мало что изменил в этом вопросе.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции охрана природы стала одной из главнейших задач Советского государства. Уже через полгода после установления Советской власти В. И. Ленин подписал декрет «О лесах», в котором регламентировалось использование лесных богатств и предусматривались работы по возобновлению лесов.

Программные требования бережного отношения к природным богатствам нашей страны нашли выражение в постановлении Верховного Совета СССР от 20 сентября 1972 г. «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов».

В ст. 18 Конституции СССР записано: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

В РСФСР на основе 'союзного законодательства были приняты Земельный, Водный, Лесной кодексы, Кодекс о недрах, законы «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране и использовании животного мира».

Стремление сохранить и улучшить природное окружение подсказано нам не только биологическими потребностями, но и эстетическими. Человек всегда жил в окружении всего живого, и это формировало его духовный мир. «Леса украшают землю», «они учат человека понимать прекрасное», — написал в свое время А. П. Чехов. «Леса являются величайшим источником вдохновения и здоровья», — эти слова принадлежат К. Г. Паустовскому. Сегодня красота природы рассматривается как существенный фактор улучшения жизненной среды и объект национального достояния.

Успех всех мероприятий по охране природы зависит от каждого из нас. Друзей природы в нашей стране очень много, особенно активны дети и подростки. В РСФСР в работе общественных организаций: Всероссийского общества охраны природы, общественных инспекций, школьных лесничеств, кружков юннатов — участвует почти четверть всего населения. Общественники несут дозорную службу, расчищают русла рек, собирают семена древесных пород, сажают новые леса.

Более полувека ежегодно в сентябре как большой праздник отмечается День работников леса. В этот день люди всех профессий и возрастов, все друзья леса, высаживают десятки гектаров будущих лесов и сооружают тысячи кормушек для лесных обитателей.

Но у природы есть не только друзья, но и недруги и просто равнодушные люди. В последнее время очень многие стремятся провести отпуск, выходные дни на природе, и они, конечно, правы. Общение с природой облагораживает душу и укрепляет организм физически. Но как часто мы, сами того не замечая, наносим вред природе. Мы забываем об элементарных правилах поведения: идем не по тропинке, а напрямик, вытаптывая траву, и так уплотняем грунт, что на нем ничего уже не вырастает. Вот уж действительно: «После нас — трава не растит». Случается, пообедаем на лужайке, да так и оставим пустые консервные банки, обрывки бумаги и целлофана. А вы знаете, что бумага пролежит, не сгнивая, 2 года, а целлофановый пакет — 10—15 лет? Подсчитано, что ежегодно отдыхающие в лесу оставляют после себя 15 миллионов кубометров мусора!

А бывает, что кто-то забудет загасить костер. Тут уж жди беды — лесного пожара. Незагашенные костры, брошенные сигареты и спички — самые распространенные причины возникновения пожаров. Последствия их длятся по полвека, а на месте кострища трава не растет 3 года.

Часто, собирая грибы, мы сшибаем красные шляпки мухоморов, а ведь это не только лакомство, но и лекарство

для лосей. Вырывая с корнем травинку, мы не задумываемся о том, что это может привести к исчезновению вида. Так, уже почти не встречаются такие цветы, как орхидеи, венерин башмачок, крупноцветный колокольчик и другие.

Но все это могло сохраниться, если бы мы всегда помнили о своей обязанности беречь и охранять природные богатства. А обязанность эта, согласитесь, не такая уж сложная и обременительная. Надо любить природу, быть аккуратным во всем самому и не проходить мимо, когда видишь варварское отношение к деревьям, цветам, животным, к земле и воде.

Экологи говорят, в наше время можно обойтись без дровесины, но нельзя жить без леса. Будущий лес, будущая природа... Какими они будут завтра, зависит от всех нас, живущих на Земле сегодня.

МНОГИМИ КРАСОТАМИ ТЫ НАС ДИВИШЬ...

**Опять — развесистые липы
И склады бревен за избой;
Телеги вдоль дороги, скрипы,
Окно с затейливой резьбой...**

В. Брюсов

Музей народного зодчества и быта народов Поволжья в городе Горьком долгое время оставался для меня загадкой. Так уж бывает: мы часто доступное и близкое откладываем «на потом». Вот и я сначала побывала в Улан-Удэ, Иркутске, Архангельске и других неблизких местах — везде знакомилась с народным зодчеством, а Горький рядом, могу поехать в любой свободный день.

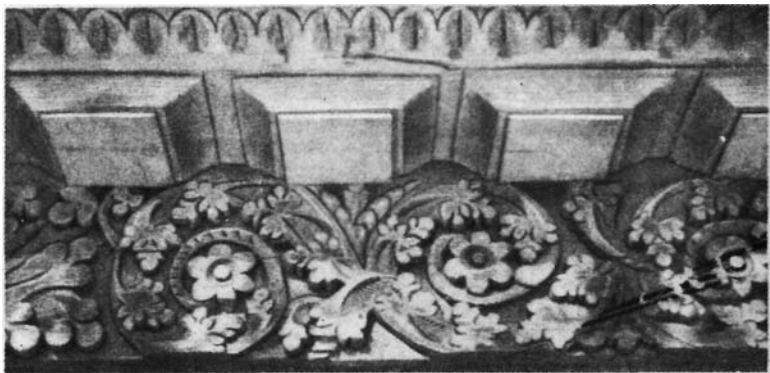
Наконец через несколько лет свободный день выдался. В музей меня сопровождали друзья-горьковчане. Кое-кто

Изба в средней полосе России.

из них еще не бывал в музее под открытым небом, и всем хотелось взглянуть, что же интересного может быть у них под боком. Вот и окраина города, последние жилые дома почти упираются в лесной массив. Машина затормозила у высокого глухого забора, окрашенного зеленой краской. Мы у цели.

Распорядок работы музея гласил, что мы приехали в выходной день. Я огорчилась до крайности: так долго соби-

Корабельная резьба. Растительный орнамент.

ратья и вот на тебе! Кто-то из моих спутников толкнул калитку, и она отворилась. Вошли и сразу взорам предстали крестьянская изба, ветряк, огромный недостроенный хозяйственный двор...

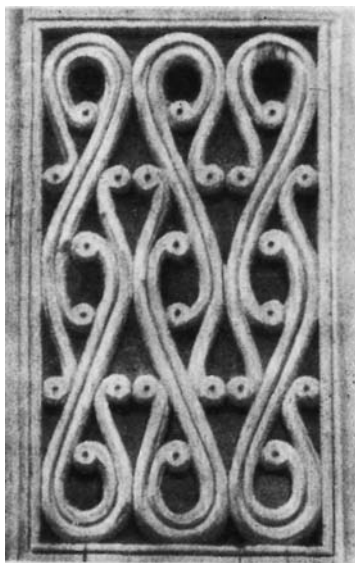
Старший научный сотрудник музея Владимир Александрович Краев любезно разрешил нам познакомиться с экспонатами и передал нас вместе с ключами от памятников-строений сторожу Ивану Федоровичу, который и стал на некоторое время нашим гидом. Работал он в музее совсем, недавно, поэтому на все вопросы угрюмо отвечал примерно так: «А там все написано, читайте». И мы читали: «Изба Обуховой из д. Ульяновко Городецкого района. Середина XIX в.». Немного. Кто она, Обухова? Надо полагать, крестьянка не из самых бедных, но и не из самых зажиточных. Изба не поражает ни своими размерами, ни конструкцией. Подобных изб много в средней полосе России. Но Городецкий район сразу вызывает ассоциации с городецкой корабельной резьбой. И действительно, наше внимание останавливает пышное резное узорчье декоративного убранства дома. Розетки цветов, гибкие стебли и листья сплошным ковром заполняют причелины и карниз.

Львы и фараонки оберегают покой дома.

Городецкие плотники с XIX в. снискали себе славу именно умением виртуозно украшать избы сочной барельефной резьбой, подобно тому как еще раньше изукрашивали петровские суда. В Городце, Балахне и других районах Нижегородья издавна занимались постройкой деревянных судов: рыболовных лодок, барж, барок, баркасов, белян, коноводок, — которые в XVIII в. ходили по Волге и Оке.

Пользуясь лишь топором и долотом, мастера затейливо покрывали бортовые доски судов «кора-

Сквозная резьба.

Резной наличник.

Резной наличник.

бельной резьбу». На цельной доске вырезали узор так, чтобы он возвышался над фоном до 5—7 сантиметров, причем отдельные части рисунка выступали на разную высоту. Это создавало богатую игру светотени. Там, где глубина больше, тени темнее, а выступающие части освещены ярче. Узор при этом приобретал особую выразительность. Такая рельефная резьба называется глухой и долбленой — по технике исполнения, корабельной — по схожести с резьбой на судах. А по месту распространения ее часто называют еще Городецкой.

Сюжеты резчики брали разные. Наряду с растительным орнаментом со сложным переплетением стеблей, листьев и цветов-розеток изображались фантастические полудевы-полурыбы, или «фараонки». И сегодня нет-нет и встретишь в деревне избу, покой которой охраняют львы над окнами, затаившись сверху среди листьев, цветов, белочек и птиц. Сказочные персонажи перекочевали со временем с бортовых досок волжских расшив* на лобовые доски нижегородских изб. Резной убор развивался постепенно, все более усложняясь. Так, в XVIII в. избы отличались монументальной простотой, украшения почти не применялись. В середине XIX столетия избы оделись в пышные наряды.

Корабельная резьба весьма трудоемка, и к XX в. подобный декор стал редкостью, на смену ему пришла пропиленная, ажурная резьба карнизов, наличников, пилястр и других деталей. При такой резьбе рисунок пропиливался по трафарету на гладкой тонкой доске. Это проще, быстрее и в то же время вполне удовлетворяло заказчиков, так как ряды сквозных кружев создавали впечатление пышности и богатства. Несмотря на упрощение процесса резьбы, стоимость украшения иногда составляла четверть стоимости дома.

Любая резьба всегда подчеркивала архитектурные членения и придавала зданию художественную выразитель-

---

* *Волжская расшива* — большее плоскодонное парусное судно.

ность и завершенность. Резные детали не просто украшали жилье, они как бы «подтягивали» весь облик улицы. Мастера умели украшать не только избы, но и все бытовые вещи. Резьбой покрывали ткацкие станы, обыкновенные вальки, которыми колотили белье при стирке, пряничные доски, коромысла и дуги, чтобы все доставляло людям радость и удовольствие.

Позвякивая ключами, Иван Федорович отпирает замок, открывает ставни. Мы тщательно вытираем ноги о чистую рогожу, брошенную на нижней ступеньке крыльца, и поднимаемся в избу. В ней все, что было в обиходе владельцев дома, но дома другого. Дело в том, что интерьер избы Обуховой не сохранился. Подходящий удалось разыскать в деревне Михайлово, его-то (лавки, полки, полати, стол, орудия труда, утварь) и перевезли в эту избу как образец внутреннего убранства, наиболее типичный для крестьянского жилища XIX в.

Расположение мебели было подчинено трудовым и бытовым потребностям людей. Каждая лавка имела свое назначение: у входа широкая лавка — «кутник» — для отдыха хозяина, перпендикулярная к ней — для работы пряжи, лавка против входа — «красная» — для гостей. На лавке, что рядом с печью и кухонным шкафчиком-посудником хозяйка готовила пищу. Над окнами устроены полки, или полицы.

В избе Иван Федорович оживляется, на наши вопросы теперь отвечает охотно и обстоятельно. Чувствуется, все в деревенском доме ему дорого и мило. Он показывает, как работает деревянный безмен, ласково трогает шелковистую кудель на гребне прялки и объясняет, как пряли пряжу.

Прялка в этом доме — настоящее произведение прикладного искусства. Изящный столбик высоко поднимает резной, прихотливо изогнутый гребень, к которому прикреплена кудель. Донце, на котором сидела пряжа, также покрыто выемчатой резьбой. Донца бывали и гладкими, но

тогда их расписывали красками. Окончив работу, пряжа вешала донце на стену, как картину. Прялка была важным предметом крестьянского обихода: это и орудие труда, служившее женщине с детства до старости, и украшение, и свадебный подарок. Именно поэтому ее так любовно мастерили, в каждой местности по-своему, стараясь в ремесле превзойти соседей.

В следующем доме наше внимание привлекли кованые светцы — держатели горящей, лучины. Избы в далеком прошлом, как известно, освещались в основном лучинами. Их готовили загодя из хорошо просушенных березовых поленьев. В Горьковской области близ села Большое Болдино есть березовая роща с красивым названием «Лучинник», названная так А. С. Пушкиным. Рассказывают, будто он стыдил крестьянина, который срубил молоденькую березку в этой рощице, и говорил, что нельзя губить дерево так рано, вот погоди, мол, вырастет и как много даст тебе лучины.

Горящую лучину заземляли в светце из кованого железа. Светец закрепляли либо в бревенчатой стене, либо в толстом низком чурбане. Во избежание пожара под светец ставили долбленое корытце с водой, куда падали угольки от горящей лучины.

За тем, чтобы свет был постоянным, не гас, следили дети или старики. Они заменяли сгоревшие лучины новыми, обламывали уголки, остатки догоревшей лучины тушили в корытце и клали к печи для растопки.

В этой избе светцы предназначены для держания свечей и выполнены они с большим художественным вкусом. Один подсвечник стоит на столе, его витой стержень легко несет бутон цветка-навершия, другой подвешен к потолку. В него можно вставить 4 свечи. Чтобы пламя не ударило в потолок, над каждой свечой имеется круглая металлическая пластинка. В этом доме жил кузнец и этим объясняется наличие в избе затейливо изготовленных светцев-подсвечников.

С незапамятных времен важнейшим ремеслом в деревне было кузнечное. Загадочный процесс превращения руды в железо,ковка красной полосы, закалка изделия в воде, смелое обращение кузнеца с огнем не могли не вызывать у пахаря уважения. Народ наделил кузнецов сверхъестественной силой, которая может быть благодетельной или опасной. Считали, что кузнец может и врачевать, и отгонять нечистую силу, и ворожить. Именно кузнец в сказках побеждал Змея Горыныча. Пожалуй, больше всего в народном фольклоре легенд, поверий, заговоров связано с кузнецами.

И в XIX в. кузнец занимал особенное положение в деревне. В каждом доме для него находилось дело. Кому коня подковать, кому старую борону починить, кому замок поправить, кому мотыгу для огорода сделать, кому самовар запаять. Оттого и достаток в доме, оттого и свечи в светцах, а не лучина.

Приземистый сруб кузни обычно стоял на окраине села у ручья или пруда. Кузню можно было узнать издали по характерному стуку молотка по металлу, по запаху угля и свежей окалины. Возле сруба обязательно был массивный бревенчатый стан дляковки коней. У стены — старые бороны, колеса и другие вещи.

Мимо амбаров и овинов мы прошли к самому старому в музее дому, перевезенному из села Кошелево. Толстые, побуревшие, продубленные дождем и ветром бревна и затесы свидетельствуют о том, что изба построена еще в XVIII столетии, так как в более позднее время такие приемы уже не применялись. Раньше изба была курной, сохранившиеся волоковые окошки позднее были расширены и на них «надели» наличники. Тогда же переложили печь, соорудив трубу с дымоходом.

В этом доме восстановлен интерьер избы ремесленника, который занимался раскрашиванием деревянных ложек. Он работал в углу, справа от входа. Все здесь дышит жизнью. На широкой лавке стоит заляпанная

красками большая миска с подготовленными к работе ложками. Под лавкой спрятались корчаги с красками. Сам мастеровой сидел на низенькой с углублением скамеечке. На таких сидят художники и сегодня.

Древний ложкарный промысел существует в Горьковской области и поныне и насчитывает не одно столетие. Возник он в деревнях Заволжья не случайно. Это был лесной край, плохо родившая земля не могла прокормить, поэтому в Заволжье развивались промыслы, связанные с использованием леса. Вот и в Семеновском районе резали ложки и производили деревянную токарную посуду с последующей раскраской. Деревянную посуду семеновцы отвозили на ярмарку в соседнее село Хохлома, от которого и пошло название росписи по дереву — хохломская роспись.

Бывали годы, когда семеновские ложкари продавали до 200 миллионов ложек, их охотно покупали и любили за то, что не обжигают рта. Но ложкарство тем не менее большого дохода не приносило. За двести штук «белья», т. е. готовых, но еще не раскрашенных ложек, скупщик давал два ведра картошки, за тысячу — мешок муки.

Из березовой или кленовой плашки сначала получали баклушу (очевидно, бить баклуши — дело нехитрое, поэтому о бездельнике и сегодня говорят, что он бьет баклуши). Затем баклушу отесывали, теслили, обрезали, нарезали форму, скоблили, подчищали и оправляли, после чего ложку или иное изделие, будь то блюдо, поднос, чаша, стаканчик или солонка, перед росписью натирали смесью олифы и алюминиевого порошка с глиной. Не совсем просохшая олифа, соединяясь с порошком, создавала эффект серебряной металлической поверхности. По ней кистью выписывали орнамент, краска подсушивалась, предмет покрывали лаком и ставили в печь, где под воздействием высоких температур происходило магическое превращение серебра в золото: пленка покровного лака желтела и серебристый фон под золо-

тистым лаком становился золотым. Золотистый оттенок изделий — основной признак хохломской росписи.

Сегодня деревянные расписные ложки и всевозможная посуда изготавливаются на нескольких фабриках Горьковской области. Их продукция известна под названием «золотой хохломы». Слава этого промысла давно уже перешагнула границы нашей страны. Много изделий идет на экспорт. Спрос на них так велик, что до сих пор его не могут удовлетворить полностью. Секрет воздействия Хохломы, очевидно, в большом мастерстве художников и необыкновенной колористической прелести этих вещей.

В панораму музея хорошо вписывается Покровская церковь из села Зеленово, построенная в 1794 г. В ней развернута выставка материалов (фотографий, планов, документов) по итогам экспедиций, проводившихся в последние годы на территории Горьковской области. При тщательном обследовании крестьянских построек прошлого были отобраны строения, которые, по мнению авторитетных специалистов, представляют ценность как памятники народного зодчества и памятники истории. Их постепенно будут перевозить, реставрировать и устанавливать на территории музея. Предполагается собрать в музее до 250 строений из всех уголков области.

Народная архитектура этих мест интересна тем, что здесь можно встретить типы жилищ, характерные для различных районов страны. Сказалось прежде всего географическое положение. Низменное Заволжье сменяется холмистым правобережьем, далее следуют равнинные районы. Здесь соседствуют тайга, лесостепи и степи. Различен климат этих мест, различна и архитектура сел и деревень. Влияние на архитектуру оказала также миграция населения. С давних пор сходились в Нижнем Новгороде торговые водные и сухопутные дороги, оседали тут люди со всех концов страны и строились так, как принято было в родных местах.

Малоземелье и отсталая техника сельского хозяйства

в XIX в. не обеспечивали жизненных потребностей крестьян, поэтому мужское население уходило на заработки в город. Там крестьяне перенимали черты городского быта, обогащали технику своего ремесла и переносили их в деревню. Это также сказалось на народной архитектуре. В перспективе в музее будут показаны все типы жилищ.

Мы побывали с вами в северо-западной зоне музея. В настоящее время возводится огромная усадьба Павловой из деревни Раково в северном секторе музея. Уже собран крытый двор со стойлами для скота, со взвозом и двумя воротами. Такой двор можно проехать на подводе насквозь и можно въехать на сеновал второго этажа. Готовится к переезду на новое местожительство и двухэтажный дом этой усадьбы.

В музее будут воссозданы и другие районы области. Разнообразие рельефа музейной территории позволит разместить строения в условиях, близких к естественным. Один сектор будет отделяться от другого зелеными перелесками, что создаст полное ощущение нескольких реально существующих деревенок с их архитектурными особенностями, своеобразием быта и уклада жизни.

Ручей, протекающий по участку и существующая земляная плотина оказались очень кстати, для того чтобы показать водяную мельницу, и не просто показать здание с механизмами, а представить мельницу в работе. Сегодня еще не журчит вода и не крутит колеса, но хорошо подогнанные механизмы, по заключению мастеров, могут работать. Для этого осталось подвести по специальному лотку воду. Она должна поступать на нижние лопасти колеса. Такой тип мельницы в народе называли подливухой.

На этой мельнице можно было производить три операции: молоть зерно, обдирать крупу и щипать кровельную щепу. Щеподральный станок установлен снаружи рядом с лотком, подводящим воду. Энергия воды повышала

Водяная мельница. XIX в.

производительность труда при изготовлении щепы для покрытий изб и других строений.

Внутри мельницы установлены жернова и ступы с пестами. Мельница просторная, светлая, сработанная из добротного леса. За свою трудовую жизнь древесина так впитала в себя мучные запахи, что и сегодня в ней стоит особый мельничный аромат. Так и кажется, что

сейчас заскрипят огромные шестерни, медленно повернут деревянный вал и начнется таинственное действо.

Надо сказать, что в народе мельницы всегда были окружены тайной. В сказках и преданиях ведьмы, черти и другая нечисть жили на мельницах. Даже сами мельничные строения народная фантазия наделяла чудесными свойствами. Так, избушка ветряной мельницы превратилась в избушку на курьих ножках. Стоит на пригорке высокий ветряк-толчея. Вся конструкция: сруб, могучие крылья, вал, шестерни, ступы и песты держатся на одном массивном столбе, глубоко врытом в землю, — вот вам и курья ножка. Чтобы ветряк работал, необходимо крылья подставить ветру, повернув весь сруб вокруг оси с помощью бревна-воротила. И если попросить подобно сказочному герою: «Избушка, избушка! Оборотись к лесу задом, ко мне передом», — она, возможно, повернется.

А вспомните: «Баба Яга — костяная нога, в ступе едет, пестом упирается, помелом след замечает». Все атрибуты Бабы Яги имелись на любой мельнице. Выдумывали «страшные» и немного наивные сказки, очевидно, мужики на мельнице, коротая время в ожидании готовой продукции. Возвращались домой с новой байкой, рассказывали. Женщины охали и крестились, ребятишки слушали затаив дыхание и, хоть было жутковато, требовали все новых и новых сказок.

А потом вырастали ребята, становились мастеровыми: кто плотником, кто резчиком, кто иным ремеслом занимался. За делом мастер вспоминал слышанные в детстве красивые сказки и из-под его рук выходили дивные вещи. На резных досках изб, на прялках, детских стульчиках, всевозможной утвари и посуде оживали сказочные персонажи, диковинные звери и птицы, расцветали невиданные цветы и вырастали заморские деревья. Здешняя природа, чашоба лесов и омуты рек и озер, старые мельницы способны расшевелить фантазию у каждого человека. Вот и появлялись на свет вместе с поэтичными сказ-

ками замечательные произведения прикладного искусства, которые волнуют нас и сегодня.

Как не вспомнить при этом слова из удивительного поэтического произведения «Слово о погибели Русской земли», написанного еще в XIII столетии: «О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивись ты реками и источниками местнотимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными...»

ПУД СОЛИ

И рожь на полях непечатых,
и эта хлеб-соль средь стола.

Д. Кедрин

В 40 километрах от Перми на высоком камском берегу у деревни Хохловка в сентябре 1980 г. был открыт архитектурно-этнографический музей-заповедник, филиал областного краеведческого музея.

Добраться до него не сложно. Можно прокатиться по новому шоссе на автобусе, а можно и на речном трамвайчике по Каме. Когда за излучиной реки открывается всхолмленный живописный мыс, поросший лесом, и над частоколом пихт и елей увидишь островерхий шатер тридцатиметровой колокольни, а потом и деревянные башни, трудно сдержать восхищение от мощи и величия панорамы.

Здесь, на Хохловском мысу, защищенном от пронзительных ветров, на территории в 45 гектаров укрывается в недалеком будущем около 70 памятников деревянного зодчества. Несколько лет историко-этнографические экспедиции исследовали Прикамье. В глухих лесных селениях были отобраны и взяты под охрану государства

лучшие творения безвестных умельцев. Пока в музей перевезено более 10 строений, но каждое из них по-своему уникально.

Вытоптанная дорожка, петляя по холму, ведет нас от одной постройки к другой. Почти уткнувшись в берег стоят потемневшие от времени приземистые деревянные производственные здания Усть-Боровского соляного завода из Соликамска. Ничего подобного ни в одном другом музее мы не встретим. Этим постройкам всего лишь сто лет, но они представляют точный образец древних солеваренных промыслов, действовавших еще с XV столетия. Поскольку технология производства выварочной соли за несколько веков почти не изменилась (модернизировались лишь отдельные процессы и операции), то традиционными оставались и производственные строения.

Усть-Боровской соляной завод состоял из пяти типовых технологических ячеек. Каждая включала рассолоподъемную башню, ларь, две варницы и соляной амбар. Все эти строения стали уникальными памятниками русского промышленного деревянного зодчества и получили право стать музеем в Соликамске, а одна ячейка из комплекса сменила местожительство и стала экспонатом музея в Хохловке. Строители разобрали, или раскатали, заводские строения по бревнышку, на каждом поставили номер, чтобы не перепутать при сборке, и затем доставили в музей под открытым небом. Здесь опытные плотники заменили сгнившие бревна и собрали все здания заново. Заводской комплекс разместили поближе к берегу реки, так, как он стоял на своем родном месте.

Промысел солеварения в Прикамье существовал с 1430 г., а в XVII в. знаменитая соль-«пермянка» составляла более половины всей соли, добываемой в стране. Богатые запасы соляных ключей привлекали в эти места предприимчивых людей. Получение соли было делом прибыльным.

Кто знает, когда впервые человек догадался лизнуть языком белый блестящий кристаллик соли. Он добавил несколько крупинок в пищу, и блюдо стало вкуснее. Человек заметил, что соль хорошо сохраняет продукты. Холодильников тогда еще не было, а заготавливать впрок мясо, рыбу, грибы и овощи было необходимо, и без соли здесь не обойтись.

Обратил внимание человек и на то, что червячки, забравшиеся в малину и грибы, не любят соленой воды и тут же уползают прочь, что в подсоленной воде не темнеют очищенные овощи. Соль и лечила: если делать соленые примочки, то гнойная рана заживет быстрее. Словом, познакомившись с солью, люди уже не мыслили жизни без нее. В старину говорили: «Без соли стол кривой», «Без хлеба не сытно, а без соли не сладко».

Соль стали искать специально. Иногда встречали торчащие из земли куски соли, твердой как камень. Ее размалывали на специальных мельницах и употребляли в пищу. Но такой соли не хватало, надо было находить иные способы получения чудесных кристалликов.

Беломорские поморы с древнейших времен выпаривали соль из морской воды и ею солили рыбу. На севере, на Урале и других местах из-под земли выходили ключи соленой воды. Рядом с этими источниками строили соляные заводы и вываривали соль из рассола.

Соль из соленых ключей называли ключевкой, соль из морской воды известна как морянка. А в целом по способу получения и по употреблению в поваренном деле — кулинарии — соль называли поваренной, а города при соляных промыслах получили «соленые» имена: Сольцы, Усолье, Солигалич, Сольвычегодск, Соликамск.

Солеварение было делом многотрудным. Прежде всего необходимо было найти соляной источник. При зарождении промыслов на Урале еще в XII—XV столетиях, когда соляной раствор находился неглубоко, его вычерпывали бадьями из колодца-трубы. А когда колодцы

иссякли, пришлось искать соленые водоносные пласты, расположенные глубоко в земле. Для этого стали бурить скважины и ставить насосы. Трубы вместе с подъемным механизмом обстраивали высокими деревянными срубами — получались рассолоподъемные башни, напоминающие крепостные. Башня, которая выситя теперь в Пермском архитектурно-этнографическом музее-заповеднике, стояла когда-то над скважиной глубиной около 180 метров. В пристройке к ней несла свою нелегкую службу старая слепая лошадь. Она под окрики мальчика-погонщика послушно ходила по кругу и приводила в действие насос, который высасывал из земли рассол. Его собирали в специальный сборник — деревянный ларь. Этот своеобразный бассейн располагался либо на верху башни, либо в отдельном помещении. По внешнему виду соляной ларь напоминает избу без окон. Он сработан из плотно подогнанных брусьев. Намокая в рассоле, они разбухали и совсем не пропускали влагу. За вековую службу брусья так просолились и стали такими тяжелыми, что тонут в воде. Стены бассейна, словно бочка, стянуты деревянным обручем — рамой. Это сделано для того, чтобы они не выпячивались под давлением большой массы рассола.

Из ларя по мере надобности рассол по деревянным трубам поступал в главное здание промыслов — солеварницу. Это квадратный приземистый дом, в центре которого устроена особая печь. Над ней на цепях подвешен огромный, до 8 метров в поперечнике, металлический ящик. Его называют циреном, цреном, чреном. В него заливали рассол и кипятили. Тяжелый, ядовитый пар поднимался над жаровней-циреном и выходил наружу через отверстие в крыше. Когда воды в ящике оставалось мало, в него добавляли свежий рассол, потом доливали еще и еще, пока не получался густой «засол». Тогда огонь в печи уменьшали, и соль начинала оседать. Ее выгребали лопатами и досушивали на расположенных тут же широк-

ких полках — полатях. В чаду, с разъеденными солью руками работали здесь люди. Чтобы получить пуд соли (16 кг) требовалось в тяжелейших условиях в течение полутора суток выпарить или выварить около 10 ведер рассола. Потому-то соль в давние времена стоила очень дорого, дороже хлеба. Очевидно, не случайно появилась такая примета: «Соль просыпать — к ссоре», как было не поссориться с тем, кто допускал, чтобы драгоценные кристаллы пропали.

С незапамятных времен соль во всем мире ценилась высоко, иногда дороже железа и серебра. В Африке у отдельных племен она была единицей обмена в торговле. В Китае в XIII столетии из соли изготавливались монеты. В Древнем Риме воины Цезаря получали плату солью — соляриум. И даже в средние века, случалось, крестоносцам также платили солью. Долгое время соль служила символом достатка, богатства. А пожелание «хлеба-соли» означало, да и сегодня означает пожелание благополучия. Вот почему дорогих гостей встречают хлебом-солью.

Несмотря на высокую стоимость соли, ее покупали, так как люди с давних времен знали, что недостаток соли в организме приводит к нарушению обмена веществ и даже гибели.

В 1648 г. по приказу царя Алексея Михайловича цены на соль были подняты в три раза. Народ терпеливо сносил тяжелое бремя податей и налогов, но, когда подорожала соль, его терпению пришел конец. По всей стране начались волнения, которые современники называли «соляным бунтом». Народ отказался покупать соль по новым ценам. По всей Волге стоял смрад — портилась рыба, но ее не засаливали из-за отсутствия соли. Перепуганное правительство вынуждено было отменить свое решение.

Однако избыток соли также вреден и может привести к различным заболеваниям. «Соли, да не пересаливай», т. е. знай меру, — говорит народная мудрость. Сегодня специ-

алисты считают: чтобы быть здоровым, достаточно ежедневно употреблять около 10 граммов соли. Стало быть, пуд соли мы съедаем за 4 года и 4 месяца. Как мудра пословица: «Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть». Ведь 4 года срок немалый!

И еще одно здание непременно строили на солеваренных промыслах — соляной амбар. Этот деревянный великан стоял на самом берегу Камы. Его длина почти 80 метров, а высота 15 метров. Он рублен из целых восемнадцатиметровых стволов сосны. Пермские строители сделали стены двухслойными, кроме того, они поставили через определенные расстояния снаружи и внутри вертикальные столбы — брусья и стянули их попарно металлическими болтами. Тонкая и длинная стена амбара стала устойчивой. Ей уже не были страшны сильные ветры и снега, а главное, она могла выдерживать огромное давление соли.

Соляной амбар сооружен таким вместительным, потому что в его закромах хранилось до 100 тысяч пудов соли, добытой почти в течение всего года. Чтобы ее вывезти сегодня, потребовалось бы одновременно 20 грузовых автомобилей «КамАЗ». Но в далеком прошлом автомашин еще не было, а на лошадях да по плохим дорогам много не увезешь. Вот и приходилось ждать тепла, чтобы отправить соль по реке. Весной, когда Кама вскрывалась, к амбарам подходили баржи, загружались солью и плыли вниз по реке, а дальше к Нижнему Новгороду, Рыбинску, Ярославлю на Волге. Оттуда соль поступала во все уголки страны и даже за границу.

Постройки соляных промыслов не знают аналогов на территории нашей страны. Прикамские плотники внесли свой вклад в развитие деревянной архитектуры.

В наши дни уже не встретишь таких соляных промыслов. Сегодня соли требуется так много, что старое кустарное производство не годится. Ведь соль нужна не только для пищевых целей. Человечество съедает только 38% добываемой в мире соли, а 62% «кормят» промышленность.

Ты просыпаешься утром, спешишь умыться и берешь в руки кусок мыла. Так вот, в его производстве применяют поваренную соль. И твоя зубная щетка, и пластмассовая полочка в ванной тоже изготовлены при участии соли. Потом ты начинаешь одеваться и обуваться, и, удивительное дело, опять соль. Оказывается, чтобы ботинки стали ботинками, кожу для них нужно выделать при помощи соли. Много еще других служб у этого замечательного кристаллика. Насчитывается более 1500 процессов, где в исходном сырье присутствует поваренная соль. Мировая добыча соли сейчас составляет около 150 миллионов тонн в год, но запасы ее так велики, что им не грозит истощение.

В наше время соль добывают на крупных предприятиях, где всю тяжелую работу выполняют машины. Соль теперь получают не только вывариванием. Широко используются залежи каменной соли, обнаружены целые озера, как Эльтон и Баскунчак, и залив Кара-Богаз-Гол, полные крупнокристаллической прозрачной соли. Она очень высокого качества, и добывать ее намного легче — только вычерпывай экскаватором или комбайном-солесосом и расфасовывай в пачки с названием «экстра».

Однако вернемся в прошлое. Добытую соль, как мы говорили, вывозили на баржах. Их требовалось много, поэтому баржестроением занималась значительная часть населения Пермской губернии. Кроме того, здесь была развита кустарная лесная промышленность. В некоторых селениях готовили еловую" и сосновую клепку, спичечную соломку и черемуховые обручи. Очень хорошо умели пермские кустари делать бураки, или туеса. В них хранили молоко, сметану, квас, носили обед работающим в поле. Стенки этих сосудов изготовлялись из бересты, а днища и крышки — из кедра. Поверхности бураков украшали тиснением, переводными картинками, лакировали. Удобные и красивые сосуды! Хотите убедиться? Зайдите в коми-пермяцкую избу. На полке рядом с другой посудой непременно стоит и вместительный бурак.

Значительную роль в жизни местного населения во все времена играло земледелие. Орудия крестьянского труда можно увидеть на выставке, размещенной в здании «пожарки». В течение многих сотен лет поколения крестьян создавали всевозможные орудия труда. Они учитывали климатические условия, особенности почвы, наличие имеющегося под рукой материала. Их талант, сметливость, видны во всем: в бороне-суковатке из еловых сучьев, в телеге для перевозки снопов и сена, в каждом строении — в том же, к примеру, пожарном сарае, где разместилась выставка.

«Пожарка» перевезена из деревни Скобелевка, что в 6 километрах от заповедника. Подобные постройки в иных местах называли пожарными депо, пожарными частями, а чаще попросту сараями. Они предназначались для наблюдения за возможным появлением огня и для размещения пожарной команды и пожарного обоза.

«Пожарка» из Скобелевки полностью отвечает функциональному назначению. В основании ее лежит четырехстенный сруб, перекрытый стропильной двускатной кровлей. Пристройка к срубам с одной стороны подведена под общую крышу, а с другой имеет свой довольно крутой скат. Это придает зданию своеобразную живописность. Над крышей возвышается каланча, обшитая тесом. На самом верху, под навесом стоял пожарник, пристально вглядываясь в даль, готовый в любой момент дать сигнал тревоги. Внизу, в отдельной комнате могли отдохнуть дружинники, в конюшне стояли одна-две лошади, рядом в сарае — дроги для летнего хода и сани для зимнего. Тут же бочка с водой, ушаты, ведра.

В «пожарке» обязательно хранились лестницы, топоры, ломы, ухваты, багры на древках и, конечно же, главное орудие в борьбе с огнем — ручные пожарные насосы с выкидным рукавом. Надо сказать, что насосы в России применялись с XVII в.

Пожары на Руси были подлинным бедствием, так как

почти все города и деревни строились из дерева и посему огонь пожирал постройки до тех пор, пока было чему гореть. С пожарами пытались бороться. В Москве XVII столетия содержался целый штат «объезжих голов» и пожарных, который вел наблюдение за всеми домами, следил за тем, чтобы печи в городе топили в одно строго установленное время. Горожане были обязаны строить кухни-поварни вдали от изб. Запрещалось возводить высокие хоромы. Но эти меры мало спасали от огня. Часто от одной случайной искры выгорал весь город.

Может показаться странным, но и в наш век научно-технического прогресса пожары так же грозны, как и столетия назад. Настораживает статистика: каждый час на планете вспыхивают 600 пожаров. За сутки почти 15 тысяч. И самое страшное, что 9 из 10 происходят по вине человека, из-за его небрежности, безответственности, халатности. Разумеется, сейчас огонь не уничтожает целые города, но тем не менее ущерб он наносит ощутимый.

В нашей стране создана система органов пожарной охраны, учрежден государственный пожарный надзор. На вооружении пожарных сложнейшая техника, позволяющая в считанные минуты справиться с огнем. Большую помощь в борьбе с пожарами оказывает Всесоюзное добровольное пожарное общество. Сейчас только в столице насчитывается более 19 600 добровольных пожарных дружин. Сравните: во всей России сто лет назад было 590 профессиональных пожарных команд и около 2500 добровольных.

Возглавлял в то время добровольную дружину выборный из населения староста. Он следил за исправностью оборудования и инструмента. Он же распоряжался работами при тушении пожара, участие в которых обязаны были принимать все взрослые жители населенных пунктов, расположенных на расстоянии до 5 верст.

Несмотря на чисто утилитарное назначение, здание пожарной команды в музее Хохловки радует глаз своими

Оконные ставни.

пропорциями, асимметричной живописной композицией, выдумкой плотников.

С не меньшим мастерством сработана сторожевая башня из села Торговище Суксунского района. Древняя башня сгорела, но в начале XX в. была воссоздана как памятник-копия. На новом строении пермские плотники подтвердили, как высок был их профессиональный уровень. Башня была одной из восьми, охранявших в XVII столетии покой маленького острожка от беспокойных кочевых племен и всяких лихих людей. Название села говорит само за себя. Расположенное на водном пути, село процветало торговлей. На ночь ворота крепости запирались на огромный замок, очевидно, поэтому село иногда называли «Торговище — запертые ворота».

Вот эта надвратная башня и была воссоздана местными умельцами. Ворота устроены в четверике, верхняя часть его с наружной стороны нависает над нижней, образуя щель или навесную бойницу. На четверике установлен невысокий восьмерик, ошестинившийся своими гранями, поскольку углы рублены «в обло». Небольшие оконца в гранях восьмерика тускло освещали помещение, они же служили при необходимости бойницами. Словно шапка нахлобучен на башню красного теса шатер с дозорной вышкой — смотрильней. Оттого башня кажется немного нахолившейся посреди веселого разнотравья.

Остроумную конструкцию и великолепную рубку башни отмечал ее первый исследователь А. Г. Глаголев еще в 1838 г., к нему присоединились позднее В. П. Поляков, М. Н. Красовский и И. Э. Грабарь.

Очень хороши собранные в Хохловке колокольня и церковь. Эти два здания стоят на самой вершине мыса и являются архитектурным центром экспозиции. Интересны шатровая ветряная мельница и зерновой амбар. А сколько еще старых зданий нам предстоит увидеть, ведь работы в музее под открытым небом продолжаются. Скоро появятся не только отдельные строения, а целые улицы с односторонней застройкой, характерной для этих мест. При такой планировке деревни каждое здание получало максимальное количество солнечного тепла, так необходимого в условиях сурового климата. В огородах, на пасеках, как встарь, будут стоять идолы-охранители: шесты с фигуркой коня, птицы или фантастического зверя с хвостом из мочала.

Несомненно, что деревянные творения наших дедов и прадедов доставят нам и нашим потомкам немало минут восхищения, удивления, радости и гордости за их мастерство и творчество.

КРАСА ДЕРЕВА НЕ ТУСКНЕЕТ

У нас под ногой распростерлась Сибирь
Косматою шкурой медвежьей.

Дм. Кедрин

Как-то, совершая полеты над бескрайней лесотундрой, якутские авиаторы обнаружили в районе Индигирки, в совершенно безлюдном месте, одиноко стоящую деревянную церковь. Среди диких скал и бурных, кипящих вод реки она казалась сказочным видением. Сложенная из потемневших от времени толстых бревен, церковь стройным шатром устремлялась ввысь, будто хотела взлететь.

О своей находке пилоты сообщили в Сибирское отделение Академии наук СССР, и там сразу же стали готовить экспедицию на далекую Индигирку. Летом 1969 г. группа специалистов из Института истории, филологии и философии под руководством академика Алексея Павловича Окладникова отправилась в путь.

Прильнув к иллюминаторам вертолета, участники экспедиции увидели широкий мыс, который, словно коровий язык, врезался в воды реки. На ровной площадке среди ярко-зеленых трав, багульника и мхов, среди горящих радугой цветов стояло прекрасное здание церкви. Сомнений не было, ученые прибыли в некогда существовавший и в XIX столетии исчезнувший с лица земли заполярный город Зашиверск.

О церкви Спаса в Зашиверске специалисты знали давно. Ею восхищался лицейский товарищ А. С. Пушкина Федор Матюшкин. Он дважды, в 1820 и 1824 гг., побывал в заполярном городе и даже зарисовал церковь. Видели и были потрясены красотой памятника архитектуры и многие другие путешественники. В наше время об этом храме почти не вспоминали, так как считали его погибшим. Этому мнению способствовала трагическая история города-крепости.

Он был основан в 1639 г. за порогами — шиверами своенравной Индигирки, отсюда и название Зашиверск. Возникновение крепости связано с освоением русскими Сибири, когда по всей обширной территории было создано много опорных пунктов, таких, как Верхоянск, Охотск, Удинский острог и другие. Зашиверск начинал свою историю с небольшого зимовья, базы для сбора ясака — налога с местного населения. Ясак обычно брали пушниной и для ее хранения строили амбары, а для охраны ценностей содержался постоянный гарнизон из казаков.

Гарнизон, а также служилые люди размещались в том же зимовье. По своему географическому положению Зашиверск занимал центральное место среди новых острогов и зимовий на севере Якутии. Через него шли экспедиции на север Азии. Здесь они отдыхали, пополняли запасы продовольствия и продолжали путь. В начале 40-х годов XVII в. в этой крепости останавливался отряд Дежнева.

Очень скоро Зашиверск стал острогом — крупным по тем временам административным и торговым центром. В 1733 г. население острога насчитывало 182 человека, а рядом за стенами поселились якуты, юкагиры и другие.

Некоторое время острог носил статус города. Население его увеличилось до 500 жителей. Особенно оживленно становилось в Зашиверске летом, когда там проходили ярмарки. На них съезжались кочевавшие в лесотундре и тундре местные племена и русские купцы. Русские привозили топоры, ножи, медные котлы и чайники, бисер, ткани, табак, муку, сахар. Коренное население — меха белок, соболей, лисиц, колонков, горностаев, бивни мамонтов. Ярмарки сопровождалась играми, песнями, плясками.

Из сохранившихся документов известно, что в зашиверском отряде были уроженцы Великого Устюга, Мезени, Пинеги, Холмогор. Они-то и построили крепость в традициях Севера. Со знанием дела выбрали среди дикой природы место для будущего острога. С трех сторон его защищала от возможного нападения вода. От холодных

ветров поселение укрывала гора, а красота местной природы, вероятно, напоминала северянам их родные края и будила приятные воспоминания.

Острог обнесли бревенчатыми стенами с башнями и двумя воротами. Стены состояли из городней, т. е. срубов, размерами 6 на 1,2 метра, стоящих вплотную один к другому. Городни засыпали внутри землей, некоторые оставили незасыпанными и использовали как амбары. Одни ворота устроили в дозорной башне, она же служила и колокольной. С двух сторон к ней примыкали пристройки. Возможно, это были провиантские и соляные амбары, а может быть, в одной размещалась стража, а во второй принимали через окно ясак, не впуская плативших его в крепость. Внутри острога срубили избы, амбары, косторезную мастерскую и как заключительный аккорд — соорудили шатровую церковь. Но построили ее не отдельно стоящей, а в створе со стеной. Этот прием планировки отличает Зашиверскую крепость от других. Церковь стала продолжением стены и потому выполняла роль не только культового сооружения, но и оборонного. В ней укрывались жители в тяжелые времена, и она принимала на себя удары неприятеля. На стенах ее до сих пор сохранились следы стрел и свинцовых пуль.

После кратковременного расцвета города начался его упадок. Кочевое население уходило на Колыму и к Охотскому морю. Меха в Зашиверск поступало все меньше и меньше, и он с каждым днем терял свое экономическое значение. В начале XIX в. в нем проживало всего 120—130 жителей и насчитывалось 7 дворов.

А потом, в 1863 г., произошло самое страшное: в одночасье вымер весь город от черной оспы. Те, кто уцелел, бежали из Зашиверска; обходили «зачумленный» город стороной все, кто знал его трагедию.

Время безжалостно уничтожило почти все, сохранив лишь чудо-церковь, полуразвалившуюся колокольную да несколько истлевших срубов. У членов экспедиции воз-

никло естественное чувство страха: а вдруг этот единственный в своем роде памятник народного зодчества погибнет здесь без надзора? Его нельзя было оставить на месте. От случайной искры, от руки современных вандалов, а такие, к сожалению, еще имеются (участники экспедиции обнаружили следы недавнего костра на полу церкви), мог сгореть бесценный дар наших прадедов, и мы никогда не увидели бы этой жемчужины деревянной архитектуры. Одна страница нашей истории была бы утеряна, ибо гибель подобных памятников невосполнима. Так возникла мысль о создании музея под открытым небом в Новосибирске, куда следовало перевезти уникальный памятник.

Летом 1971 г. к месту находки отправилась новая экспедиция. Она должна была произвести археологические раскопки, сделать чертежи, обмеры, фотографии памятника, описать все, что будет найдено, и затем подготовить строения к перевозке в Новосибирск.

Работа предстояла нелегкая. Надо сказать, что раскопки в Арктике это совсем не то, что, положим, раскопки в средней полосе России. Здесь на глубине 20—30 сантиметров почва твердая как камень, поэтому приходится преодолевать вечную мерзлоту и к тому же бороться с одолевающими комарами и гнусом.

Под слоем мха и ила в вечной мерзлоте тундры они обнаружили основание рубленной стены, фундаменты и полы еще двух крепостных башен. Археологи увидели следы пожара, который когда-то уничтожил часть стен острога.

По преданиям, Спасская церковь была построена в 1700 г. местным жителем Андреем Хабаровым. Нам почти ничего не известно о замечательном зодчем, но, если хорошо всмотреться в это редчайшее здание, оно поведаст нам, что Андрей Хабаров и его товарищи были большими мастерами своего дела. Они отлично знали традиции древнерусского деревянного зодчества. По своей архитектуре церковь напоминает храмы Московской Руси. Высо-

кий стройный шатер с главкой венчает здание, состоящее из сравнительно узкого четверика, переходящего в восьмерик. С востока к срубу церкви примыкает алтарная апсида, а с запада — обширная трапезная, с севера и юга когда-то были еще крытые галереи.

О большом таланте древних зодчих говорит и тот факт, что они не просто повторили архитектурные формы, присущие строениям Русского Севера, они учли суровые климатические условия Азиатского Заполярья с его вечной мерзлотой. Они откопали землю на глубину 60 см и оленьим мхом-ягелем устлали дно котлована, сверху насыпали слой мелкой щепы и на эту подушку уложили, обожженные для долговечности, венцы сруба. Основание церкви засыпали с двух сторон илистым песком. В результате получилась изоляционная прослойка, которая не позволяла нагреваться воздуху и подтаивать земле под зданием. В противном случае могла произойти неравномерная осадка строения и деформация срубов. Потолок был устроен также по-особому — двойным, чтобы между настилами гулял сквознячок и высушивал древесину.

Церковь рублена из мелкослойной лиственницы, известной своей прочностью. Памятник простоял в глухомани Заполярья 271 год, бревна за это время как бы окаменели и среди них всего лишь несколько требуют замены. Хорошей сохранности древесины способствовал и суровый арктический климат, который явно не по нраву жучкам-древоточцам и бактериям.

Уцелела, хотя и ветхая, но первозданная, кровля из теса. Целы бочечное покрытие над алтарем, главки, обшитые лемехом. Лемех вытесан из лиственницы, в отличие от осинового, распространенного в европейской части. Академик А. П. Окладников отметил, что «лемехи шейки и главки делались с таким расчетом, чтобы южная (выпуклая) сторона годовичных колец дерева приходилась внутрь обиваемой поверхности (шейки и главки). Лемех от времени коробился во внутреннюю сторону и как бы

охватывал криволинейные поверхности, в то время как нижний тес на крыше церкви и трапезной укладывался выпуклой стороной годичных колец вверх, образуя тем самым со временем желобок, по которому стекала вода с крыши». Вот так была продумана каждая деталь.

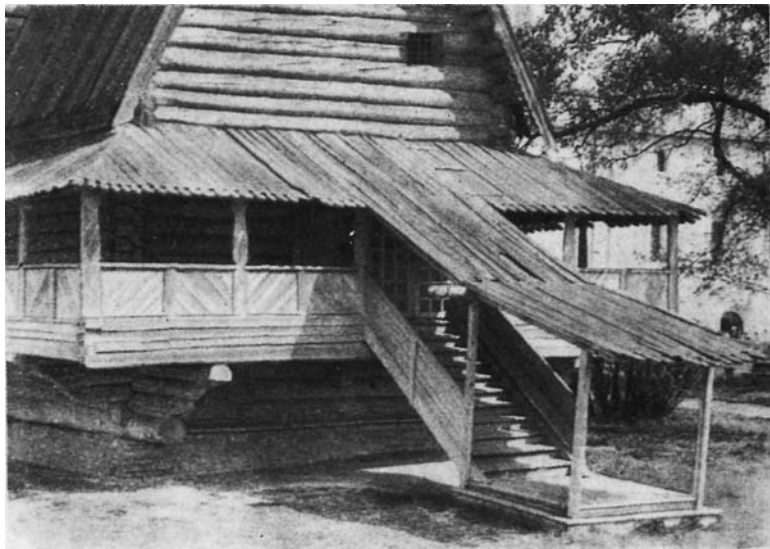
В маленькие окна была вставлена слюда, кусочки которой найдены при раскопках. Это та самая светлая, полупрозрачная слюда — мусковит, которой славилась Русь еще в XVI в. Иностранцы называли ее московским стеклом и охотно покупали мусковит в России.

Низкие двери, возможно, утеплялись оленьей шкурой, как делают местные жители Крайнего Севера.

Зодчие большое внимание уделили художественной выразительности строения. При минимальных украшениях они достигли большого эстетического эффекта. Они сдвинули трапезную в одну сторону, так что стены церкви и трапезной слились, образуя сплошной фасад. С противоположной стороны выступающая часть трапезной отбрасывала тень, которая подчеркивала объемное решение сооружения. Несохранившаяся галерея шириной около полутора метров нависала над землей и придавала постройке определенную живописность. К тому же благодаря тени от нее, почва под галереей никогда не оттаивала, это исключало возможность неравномерной осадки.

Свес заостренной пиками тесовой кровли давал кружевную узорную тень на бревенчатых стенах и защищал их от частых здесь дождей. Основания барабанов и шеек глав украшали перистые воротнички из дощечек с такими же заостренными концами. Эти воротнички также имели защитные функции.

Как видите, талантливый зодчий Андрей Хабаров постоянно и во всем придерживался принципа: красота и польза неразрывны. Он добился того, что здание воспринимается как символ красоты. Все в нем поражает гармоничной слаженностью и соразмерностью частей и целого. От него веет эпическим спокойствием. Специалисты

Галерея-гутьбише на «выпусках», или консольных бревнах.

установили, что эта постройка едва ли не единственная в стране, дошедшая до наших дней без переделок. Она может быть эталоном при реставрации аналогичных памятников XVII столетия.

Вот эту замечательную церковь, простоявшую почти три века в лесотундре, предстояло переселить на новое место. Но как? До Новосибирска неблизко. Кругом лесотундра, тайга, бездорожье. Пришлось обратиться за помощью к авиаторам, речникам, морякам, железнодорожникам и автомобилистам. Работники всех видов транспорта приняли участие в спасении уникального памятника истории и архитектуры.

Вертолетчики виртуозно сняли шатер, остальное аккуратно разобрали по бревнышку, каждое промаркировали

и на руках перенесли на берег Индигирки. Там погрузили на баржу, потом перегрузили на морское судно для грузов — лихтер, с него на железнодорожные платформы. Остатки колокольни доставили самолетом.

В Новосибирске каждое бревно, каждую деталь пропитали антисептиками, специальными составами защитили от огня и подготовили к сборке. Спасо-Зашиверская церковь станет ядром и жемчужиной будущего историко-архитектурного и этнографического музея под открытым небом. Для него уже определено место — совсем рядом с Новосибирским академгородком. Среди березовых рощ и лугов на территории в 40 га разместится более 200 различных памятников прошлого.

Этот музей может стать единственным в своем роде, так как здесь решено проследить преемственность поколений народов Сибири от палеолита до середины прошлого века. Археологические находки свидетельствуют, что самый первый человек в Сибири появился 600—700 тысяч лет назад. Кому же не интересно увидеть, в каких жилищах жил этот человек, что его окружало?

На огромной территории от восточных склонов Урала до Яблоневого хребта живут представители различных языковых групп, каждая из которых имеет свою историческую судьбу. За четыре века русские стали также коренным населением, оказавшим большое влияние на культуру народов Сибири. Создаваемый музей расскажет не только о развитии культуры во времени, но и о культуре народов, населяющих Сибирь. Предусматривается создание трех зон музея.

В первой, археологической, будут представлены жилища древнего человека: землянки, полужемлянки, шалаши. В 1936 г. на высоком берегу Ангары у села Буреть было обнаружено поселение древнекаменного века. Судя по остаткам, жилища были полуподземными. Овальные ямы глубиной около 1 метра окружали вкопанные столбы из бивней и бедренных костей мамонта. В качестве строи-

тельного материала человек использовал то, что было под рукой и не требовало дополнительной трудоемкой обработки. Крыши он остроумно сделал из мощных, переплетенных рогов северного оленя, получились красивые ажурные купола. Сверху каркасы жилища он покрывал шкурами. Такие полуземлянки служили надежным убежищем.

Внутри этих жилищ их обитатели проводили долгую полярную ночь. Женщины готовили пищу и вели хозяйство. Мужчины, возвращаясь с охоты, чинили свое снаряжение и всевозможную утварь, выделывали различные художественные изделия из бивня мамонта и моржового клыка. В Бурети нашли костяную статуэтку женщины. Она изображена в одежде, напоминающей комбинезон. На голове женщины I— капор с меховой опушкой. Такая одежда выдержала испытание временем и в наши дни пользуется не меньшей популярностью, чем тысячелетия назад. Здесь, в этом же секторе, можно будет познакомиться с «каменными бабами» — своеобразной скульптурой и рисунками древних художников.

Во второй зоне музея будут экспонироваться постройки из дерева, прутьев, коры, шкур животных и войлока, предметы домашнего обихода, украшения, одежды коренных сибирских народов: хантов, бурят, якутов, ногайцев, орочей, коряков.

В третьей зоне, посвященной народному зодчеству, будут показаны наряду с памятниками из древнего Зашиверска, избы конца XIX в., принадлежавшие потомкам первых русских землепроходцев, двухэтажные амбары, бани, ветряные мельницы, две башни Юильского городка с притока Казыма. Это, очевидно, самые древние русские постройки в Западной Сибири.

Уже более 20 лет экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР собирают материальные свидетельства истории Сибири. Поиск экспонатов ведут также экспедиции многих вузов,

краеведческих музеев, школьники. Именно школьникам принадлежит находка одного из шести колоколов XVII в. с Зашиверской колокольни. Ребята обнаружили его среди металлолома в Чокурдахе. Второй колокол отыскался в другом поселке — Дружине.

После того как жители покинули город Зашиверск, все церковное имущество, как свидетельствуют документы, на плотах переправили в новую Индигирскую церковь. Что стало с ним дальше, неизвестно. И вот теперь два колокола найдены. Когда закончится восстановление колокольни, они займут на ней свои места. И кто знает, может, юным краоведам посчастливится и они найдут что-нибудь еще из сокровищ Зашиверска.

Недалек тот час, когда перед нами предстанет в новом музее сама история могучей и мужественной Сибири. В нем можно будет проследить воочию связь времен. Познав героическое прошлое, нам легче будет увидеть героическое настоящее и будущее необъятного края — Сибири. Не случайно, величайшие свершения, происходящие здесь сегодня, академик А. П. Окладников назвал третьим открытием Сибири.

ШУШЕНСКОЕ

Будто история сама —
Встали друг за дружкой
По квадрату
Старые крестьянские дома,
Видевшие Ленина когда-то.

К. Лисовский

Майским вечером 1897 г. в Шушенское прибыл молодой В. И. Ульянов-Ленин. Это село в 60 километрах от Минусинска, близ впадения речки Большая Шушь в Енисей, было определено местом ссылки революционера. Впереди почти три года жизни в глухом, безвестном, далеком

селе. Владимир Ильич в шутку назовет его Шу-Шу-Шу и еще Сибирской Италией. Вот что он написал о нем своей сестре: «Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая»*.

И действительно, село было неприглядным. «Нет места глуше Шуши», — говорили о нем сами шушенцы. Вся волость в те годы выписывала 7 газет. Начальная школа не имела постоянного помещения и «кочевала» с одной частной квартиры на другую. В селе не было ни врача, ни фельдшера. Почта из Москвы в Шушенское приходила только на семнадцатые сутки.

Сегодня районный центр Шушенское — поселок городского типа, утопает в зелени и цветах. В нем благоустроенные жилые дома, школы, больница, Дворец культуры, библиотеки, гостиницы, речной и автовокзалы. В Шушенское круглый год едут люди, чтобы принести дань уважения и любви великому вождю. Специальным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г. в Шушенском открыт мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина». В современном поселке воссоздана исторически сложившаяся часть села конца 90-х годов XIX в. — времени, когда там жил В. И. Ленин.

Еще в 1930 г. в двух домах, связанных с пребыванием в них вождя, был открыт музей как отделение Минусинского краеведческого музея. Поток экскурсантов увеличился с каждым годом, музей не мог принять всех желаю-

---

* Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 55, с. 47—48.

Мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина в Шушенском.

ших, требовалось расширение. Было решено создать в Шушенском музей под открытым небом, в котором предстояло воссоздать исторически достоверную архитектурную среду, окружавшую В. И. Ленина, и реконструировать ту часть села, где он жил.

Музеев такого типа нигде еще не было, стало быть, не было и опыта их создания. Музей-заповедник под открытым небом должен был вобрать в себя три самостоятельных музея: мемориальный музей В. И. Ленина, историко-революционный и историко-этнографический. Задача необычайно сложная.

Один из создателей музея-заповедника — Б. В. Гнедовский пишет: «Чтобы представить себе объем работы, достаточно вспомнить несколько цифр. В конце XIX в. на территории двух смежных кварталов села стояло 36 изб и около, 100 надворных построек. К началу реконструкции музея в 1968 г. здесь сохранилось 20 изб и всего 20 надворных построек. Полностью исчезли характерные приметы прежнего сибирского села».

Наде сказать, что 20 сохранившихся изб были сильно перестроены, многие находились в аварийном состоянии. Исчезли почти все старые ворота и заборы усадеб. Были изменены интерьеры даже двух мемориальных домов, в которых жил Владимир Ильич. Стены и потолки в них были оштукатурены, окна и двери выкрашены белой краской, под окнами — современные радиаторы парового отопления. Конечно же, ничего подобного не видели ссыльные, и эти наслоения необходимо было убрать.

Того, что сохранилось, оказалось недостаточно для воссоздания облика старинного села. При организации такого уникального музея-заповедника нельзя было допустить ни одной неточности. В нем все должно быть достоверно и желательно иметь как можно больше подлинных построек и вещей.

Поиск информации о селе, его архитектуре, жителей вели по нескольким направлениям. Начали с опроса

старожилов, потом приступили к археологическим раскопкам. Они оказались очень удачными, стало ясно, где стояли утраченные постройки, каковы их размеры и даже назначение. Долго и кропотливо велись работы в архивах не только местных, но и Москвы и Ленинграда. Дело в том, что скудные сведения об облике села сохранились во многих документах, в том числе и в письмах, дневниках, воспоминаниях В. И. Ленина, Н. К. Крупской и их товарищей по ссылке. Архитектурный облик села прояснили также найденные в архиве негативы с изображением Шушенского начала 20-х годов.

Два года экспедиции специалистов обследовали более 40 деревень Минусинской котловины. Они определили строения, которым надлежало занять в музее место утраченных. Вместе с тем архитекторы выявили наиболее характерные черты местной сельской архитектуры. Это сыграло большую роль при восстановлении старых изб Шушенского в их первоначальном виде. В музее-заповеднике реставрировано 29 крестьянских усадеб с избами и всеми надворными постройками.

В 9 домах разместилась историко-революционная часть экспозиции. Она знакомит с историей создания и деятельностью петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», обстановкой жизни и работы В. И. Ленина и его соратников в ссылке, с ролью Владимира Ильича в создании первых марксистских кружков в Красноярске. В остальных зданиях размещены историко-бытовые материалы, которые дают представление о сибирской деревне второй половины XIX в.

Из 29 изб на месте реставрированы 2 дома, в которых жил В. И. Ленин, и еще 17 домов, стоящих по соседству. Остальные дома перевезены из других мест. 4 усадьбы отыскали в самом Шушенском, они когда-то были проданы и перенесены на другое место. Несколько перевезли из соседних сел и только 2 усадьбы пришлось реконструировать по имеющимся образцам.

Шушенское известно с XVIII столетия. В 1745 г. в нем было всего 4 двора. После 1822 г. оно становится волостным селом с пересыльной тюрьмой. В эти места поначалу ссылали уголовных преступников, а затем и политических. Здесь жили на поселении декабристы П. И. Фаленберг и А. Ф. Фролов. Позже появились ссыльные участники польского восстания, за ними — народо-вольцы, народники, социал-демократы. Все они не могли миновать волостной управы с острогом. Эти здания также воссозданы в заповеднике. Волостная управа... Сколько раз входил в это скучное, казенное здание с белеными наличниками В. И. Ульянов-Ленин! Он обязан был проходить в нем регистрацию, а также просить разрешение даже на самые кратковременные отлучки.

Восстановлены интерьеры управы. В так называемой сборной комнате за столом под зеленым сукном восседал судья, на особой скамье размещались подсудимые, несколько кресел, обитых черной клеенкой, предназначались заседателям. В доме имелись также камера предварительного заключения, комната старейшины и помещение для писарей. Длинный сквозной коридор соединял управу с тюрьмой.

В этом здании В. И. Ленин был определен 8 мая 1897 г. на постой к зажиточному крестьянину А. Д. Зырянову. Добротный дом, сложенный из массивных, плотно пригнанных бревен, является распространенным в этих местах типом так называемой крестовой избы с четырьмя комнатами.

На дворе усадьбы огромный навес для хранения саней, телег, лодок, орудий сельскохозяйственного производства, рядом флигель для работников, баня, амбар, конюшня, стойла для скота. Наличие большого количества надворных построек говорит о зажиточности хозяина. Он промышлял извозом и к тому же сдавал жильё приезжим.

Владимиру Ильичу отвели угловую, самую малень-

Горница в доме-музее В. И. Ленина в Шушенском.

кую комнату. Здесь за столом, покрытым домотканой скатертью, при тусклом свете керосиновой лампы работал молодой мыслитель и революционер. «Его рабочий день, продуманный до последней минуты, составлял превосходное чередование крупных порций труда с правильными вкраплениями в обрез необходимого отдыха», — вспоминал близкий друг и соратник Г. М. Кржижановский, который был в ссылке в те же годы, что и Ленин. Их разделяло расстояние в 100 верст. С большим трудом Глеб Максимилианович добился разрешения на поездку в Шушенское. Десять дней, проведенных вместе, были для друзей большим праздником.

К моменту приезда в Шушенское В. И. Ульянова-Ленина в Минусинском округе уже находилось много социал-демократов. Несмотря на строгий полицейский надзор, с появлением Ленина они наладили между собой и внешним миром постоянные связи.

Царское правительство надеялось оторвать Ленина от революционной борьбы, лишить связей с единомышленниками, но ничто не могло сломить воли страстного революционера. Ленин и в ссылке был лидером русских марксистов. Шушенское стало центром, к которому ото всюду сходились невидимые нити, что позволяло быть в курсе всех революционных событий.

Среди экспонатов музея-заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина» — множество писем вождя. Он переписывался с марксистами Петербурга, Москвы, Екатеринослава (ныне Днепропетровск), Архангельска и других городов. Его адресатами были и русские эмигранты, находящиеся в Варшаве, Женеве, Брюсселе.

Под разными предлогами Владимиру Ильичу удавалось встречаться с друзьями. За годы ссылки он побывал в Красноярске, Минусинске, в селах Тесинском, Ермаковском, деревне Ивановке. Ссылные социал-демократы также навещали В. И. Ленина в Шушенском.

7 мая 1898 г. в Шушенское к Ленину приехала Надежда Константиновна Крупская вместе со своей матерью Елизаветой Васильевной. Комнатенка у Зырянова стала тесна и семья переехала в дом П. Петровой, где прожила до конца ссылки, т. е. до отъезда 29 января 1900 г.

Усадьба Петровой стоит на набережной Шуши, дом выделяется среди других по характеру отделки фасадов. Дощатая обшивка имитирует каменную оштукатуренную стену. Окна украшены остроугольными фронтончиками, навес крыльца поддерживают деревянные колонны. В этих деталях угадывается желание хозяев дома не отстать от городской моды.

Такое стремление выделиться, стать особняком в де-

ревне объясняется тем, что дом построен деревенским богачом, мужем Петровой. Он был в свое время скупщиком зерна, отвозил его в собственных барках в города ниже по реке, где выгодно торговал им. Огромные амбары и флигели для батраков — свидетели бывшего процветания богача, который впоследствии разорился. Вдова, чтобы свести концы с концами, вынуждена была сдавать постояльцам левую часть дома.

Здесь и поселились В. И. Ленин, Н. К. Крупская и Е. В. Крупская. В большой комнате устроили столовую, здесь же на простой деревянной кровати спала мать Надежды Константиновны. В столовой много подлинных вещей: обеденный стол, стулья, диван с решетчатой спинкой, посуда.

Через проходную каморку попадаем в комнату Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Это и спальня — две железные кровати под суконными одеялами стоят у стены, отделяющей хозяйскую половину. Это и рабочая комната, творческая лаборатория вождя. Обстановка, как и везде, где жил В. И. Ленин, скромна и проста. Конторка, книжный шкаф и висячая книжная полка, два кресла. Эти стены слышали скрип ленинского пера. Керосиновая лампа под зеленым абажуром, привезенная Надеждой Константиновной, тускло освещала страницы его рукописи.

В Шушенское Ленину присылали массу книг. Все удивлялись, когда он успевал их прочитывать. Теперь известно, что Владимир Ильич читал очень быстро и очень внимательно. Здесь, за этой конторкой, он тщательно изучал книги, делал выписки и заметки. В Шушенском им была написана книга «Развитие капитализма в России». Чтобы написать ее, Ленин прочел более 600 книг! Всего в ссылке он написал свыше 30 работ.

Рядом рабочее место Крупской — небольшой стол под белой скатертью. За ним она переписывала набело и правила черновики Владимира Ильича.

Реставраторы по еле заметным следам восстановили обстановку хозяйской половины дома. Вход в нее через второе крыльцо в глубине двора. В избе огромная русская печь, полати, лавки вдоль стен, за занавеской кровать с настенным ковром. В обстановке, мелочах убранства чувствуется, что некогда это был зажиточный дом.

В музее-заповеднике наглядно виден процесс классового расслоения сибирской деревни конца XIX в. Это прослеживается и в архитектуре усадеб, и в интерьерах.

Вот, к примеру, домик бедного крестьянина-сапожника. Он небольшой, приземистый, словно вросший в землю. В избе стены украшены яркими лубочными картинками, в этом проявился вкус хозяина, по рассказам очевидцев, веселого и общительного человека. А в остальном все типично для социальных низов.

Неподалеку небольшая усадьба охотника-земледела. Изба, амбар, банька, забор — все строения из толстых бревен и плах. Тесовая кровля из пихты. Леса в этих краях много и его применяли всегда «с умом», почти на всех избах нижние венцы из водостойчивой лиственницы, выше в простенки и под карниз пускали сосновые, иногда еловые бревна.

В доме много охотничьих принадлежностей: одежда, ружье, капканы, лыжи, подшитые мехом, рогатина. На распялках сохнет шкура медведя. Ленин был дружен с хозяином, случалось — они охотились вместе.

Некоторые деревенские дома выделяются декором. Их фасады украшает глухая резьба. Особенно хороша она на доме Лучинского. Резьбой покрыта широкая верхняя доска наличника. Ее украшает наиболее распространенный в этих местах «солнечный» орнамент. Смотришь, и кажется, что действительно солнце встает над горизонтом, еще немного и оно появится полностью. Круглое солнце встречается чаще всего на полотнищах ворот. Карниз этого дома покрывают искусно выполненные волнообразные завитки, а под ними розетки и ромбы.

Всякое волостное село непременно имело лавку и кабак. Эти здания также воссозданы в музее-заповеднике. Лавку держал торговец Урбан. Он так же, как и Петров, тяготел к городскому образу жизни и его дом напоминает особняк: высокий, с шестью окнами по фасаду. Это единственный дом в селе с каменным подвалом. Высокое крыльцо ведет в помещение лавки. В нем все как прежде, даже набор товаров тех лет.

Во дворе несколько амбаров, флигель для работников, баня, прачечная. В интерьерах жилых помещений чувствуется подражание городским купцам: ковер машинной работы, вычурная люстра, буфет с посудой, неприменные фикусы в кадках.

Музей-заповедник в Шушенском очень удачно показывает архитектурный облик села, имущественное и социальное неравенство населения, бытовую обстановку, в которой жил и работал В. И. Ленин.

Посещение этого музея помогает понять жизнь глухого сибирского села, а главное — воссоздать дорогие черты Владимира Ильича — человека, о котором сибирские крестьяне говорили: «Такой ученый человек и такой простой!»

НА АНГАРЕ

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлястого приволья
Гнутся травы, мнется лист.

С. Есенин

Под ногами похрустывает и перекачивается мелкая ангарская галька. Дорога идет лесом все дальше от Байкальского тракта к берегу водохранилища. Ласковое солнце припекает как-то по-особенному, так бывает только в пого-

жий день бабьего лета. А моя спутница говорит о весне: «Здесь так славно, когда цветет багульник! Весь берег будто костер горит».

Оказывается, все те кустики, что бегут вдоль дороги, и есть багульник. Присмотрелась, ну конечно же, точно такие веточки продают зимой в цветочных магазинах Москвы. Я представила не десяток нежно-розовых и лиловых цветков в вазе городской квартиры, а десятки тысяч — все вокруг, на сколько охватывает глаз, залито нежнейшей пеной цветения, а за ней синь Ангары и неба...

Тропа выводит нас на высокий берег. Здесь летом 1980 г. отворили ворота три крестьянские усадьбы архитектурно-этнографического филиала Иркутского краеведческого музея. Несколько лет велись работы по его созданию. Крестьянские избы вместе со всеми надворными постройками вывезены из зоны затопления Братского водохранилища. После двухнедельной антисептической обработки древесины в специальных ваннах срубы были вновь собраны и образовали сибирскую деревенскую улицу.

Издавна на Руси умели выбирать место для села. Старались поставить дома так, чтобы из окон открывался красивый вид и чтобы поселение хорошо смотрелось со стороны.

Музейная деревня полностью отвечает этим требованиям. Едва увидишь ее, сразу становится ясно, что ты в Сибири. Подворья здесь поставлены бок о бок, плотно прижавшись друг к другу. Они огорожены забором, который здесь называют заплотом. Он представляет собой стену значительной высоты из бревен либо из массивных досок толщиной в ладонь, уложенных горизонтально как в срубе. Соединяются прясла стены врубкой в вертикальный стояк, это называется сращиванием «в столб». Такая ограда с монументальными глухими воротами придает усадьбе солидность, надежность, уверенность в том, что все здесь прочно, статно и ладно. Не дом, а маленькая крепость.

— Что тут особенного: заплот есть заплот. Я выросла

в Сибири, во всех деревнях такие заплоты. Конечно, ограда впечатляет своей неприступностью, но только не ребятишек. Мы в детстве свободно преодолевали подобные преграды, — рассказывает вызвавшаяся сопровождать меня иркутянка Верочка. Потом она будет показывать мне, как работает веялка, повернет рукоятку точила, взберется по лестнице на второй этаж амбара... И, удивительное дело, музейные работники все это позволят. Подкупает их сибирское гостеприимство и радушие. Нет экскурсовода — не беда, каждую усадьбу и каждый предмет в ней покажет смотрительница дома и сделает это ненавязчиво, с юмором, прибаутками, которые слышала она, очевидно, еще в детстве от своей бабушки.

Со стоном подалась тяжелая калитка, несколько шагов по дощатому тротуарчику, и мы на крыльце дома, перевезенного из деревни Гарминка, ставшей теперь дном Братского водохранилища. Дом добротный, построен еще в прошлом веке из толстых лиственничных бревен. Он мало чем отличается от уже известных нам изб: то же трехчастное деление на избу, сени, горницу. Те же печь, лавки, полати да нехитрая домашняя утварь. В избе ничего лишнего. Так повелось истари. А вот в горнице хозяин постарался подчеркнуть свое благосостояние. На стену он повесил машинной работы ковер, купил в городе диван с резными подлокотниками. На столе, застланном скатертью, блестит пузатыми боками самовар. Это целое состояние: за самовар уплачено столько, что можно было бы в то время купить две коровы. Кровать покрыта белым с длинной шелковистой шерстью овчинным одеялом. Нигде больше таких одеял мне не попадалось.

Известно, что заселение Приангарья русскими произошло в основном в XVII в. Переселенцы из разных уголков России приносили с собой свои местные строительные приемы, свои вкусы. Шли годы. Суровые природные условия заставили отказаться от многих привычных традиций. Испытание временем и суровым климатом выдержжа-

ла планировка жилья, а вот хозяйственные постройки здесь стали размещать не так, как в других районах, а по-своему. Амбары, сараи, погребцы с надпогребцами, бани, конюшни, навесы для инвентаря встали вокруг дома, образуя замкнутый, хорошо защищенный от холодных ветров двор.

Избы и все надворные постройки рубили из добротного дерева и чаще всего прямо в лесу. После просушки клеть разбирали и бревна перевозили на место стройки. Эти работы выполнялись «миром», т. е. односельчанами, поэтому такие богатырские подворья-крепости вырастали довольно быстро. Крестьяне очень скупо украшали свои дома декоративными деталями, добиваясь архитектурной выразительности хорошо найденными пропорциями построек.

Усадьба, в которую мы вошли, принадлежала зажиточному крестьянину Якову Непомилуеву. У него было три хозяйственных двора. В чистом парадном просторном дворе под массивным навесом стоят сани, телеги, косы, сохи и другие орудия труда. Высокий двухэтажный амбар с галереей на деревянных столбах, несколько сараев и амбарушек своими входами обращены к дому и находятся под постоянным наблюдением бдительного хозяина. Весь двор выстлан отличными досками, получился пол не хуже, чем в иной избе.

Здесь на парадном дворе в день открытия музея лихо отплясывали парни и девчата, пели старинные песни и частушки артисты народного фольклорного ансамбля.

Второй двор размещается с противоположной стороны дома. К хозяйственным постройкам проложены дощатые тротуарчики. На дворе есть еще несколько амбаров. По их количеству обычно судили о достатке семьи. Ведь в них хранились ее запасы. В одних амбарах — меха, в других — одежды, в третьих — продукты питания. Вот, к примеру, амбар для хранения хлеба. Вдоль боковых стен расположены сусеки. Они представляют собой высокий ларь с крышкой. Ларь разделен поперечными перегородками на

Ступени крыльца.

части — сусеки. Каждый сусек устроен так, что на место взятого зерна или муки в разборный бункер самотеком поступает такое же количество из сусека. Сусеки настолько велики, что в них может поместиться несколько мешков хлеба. Так что если по такому амбару помести, по сусекам поскрести, то можно испечь исполинский колобок.

Перед одним из амбаров сушатся рыбацкие сети, рядом стоит острога, она напоминает вилы. Это орудие для ночного, при свете фонарей, лова рыбы. Острогой также добывали крупную рыбу. На стене висят детские санки-лоток. Это выгнутая доска, которая с внешней стороны обмазывалась коровьим навозом, обливалась холодной водой и затем выставлялась на мороз. Когда лоток покрывался льдом, получались санки, на которых можно было кататься с гор, лететь с ветерком на ядерном морозе.

Из второго хозяйственного двора переходим в третий — скотный двор. Самая приметная здесь постройка — это стайки с сеновалом над ними. Стайками в Сибири называют хлева для овец, телят и другого скота. А самое удивительное в этих стайках — крыша. Она плоская с небольшим уклоном в одну сторону. Но главное то, из чего сделано покрытие. Оно сработано из бревен, расколотых вдоль на две части. В каждой половине вынута сердцевина, получился желоб. Нижний ряд кровли уложили выдолбленной частью наружу, а на него — еще ряд, но вверх смотрела выпуклая часть. Причем каждый желоб верхнего ряда опирается на два нижних. Если смотреть сбоку, получается подобие черепичной кровли, только «черепица» здесь гигантских размеров. По такой «черепице» очень хорошо отводилась дождевая вода с крыши сеновала, да и выглядит такое покрытие весьма эффектно.

Рядом загон для лошадей, а точнее сказать — навес. Под ним стояли лошади даже зимой, не страшась сибирских морозов.

Сразу же за непомилуевским домом выросла усадьба гончара. В домашней мастерской установлен гончарный круг, в корыте лежит глина, стоит лавка, на которой сидел ремесленник за работой, печь для обжига посуды.

По соседству еще одна усадьба. Дом ее значительно выше других, хотя он, как и все остальные, не имеет подклета, характерного для северного жилища. Вырос дом за счет того, что печь в нем топилась по-черному. Чтобы дым при топке меньше раздражал, чтобы можно было находиться в это время в избе, приходилось поднимать потолки.

Из-за низкой притолоки с поклоном входим в избу. Смотрительница дома замечает: «Двери низкие, чтобы поклониться домовому». Да, как же я забыла об этом? Еще с языческих времен у славян существовал наивный культ природы. Славянин считал, что всякая изба находится под покровительством духа — домового. Уже при закладке дома духам приносили обильные жертвы. Ну, скажем, поли-

вали опорные камни фундамента кровью зарезанного петуха. Для богатства под углы нижнего венца помещали монеты, для оберега от нечистой силы закладывали ладан, для тепла — шерсть. Считалось, что от домового зависело благополучие семьи. Он же приглядывал за скотиной, поддерживал огонь, уберегал от болезней. Жил добрый дух где-то, то ли за печкой, то ли под печкой. Ночью он выходил полакомиться чем-нибудь вкусеньким, что хозяйка специально для него оставляла на столе. И конечно же, каждый входящий в дом должен был низко поклониться хранителю очага.

Но похоже, что такие легенды сложились позднее, а раньше крестьянин срубил избу с высоким порогом и низкой притолокой — таким образом не ослаблялись связи сруба и тепла в доме оставалось больше. А дверь он сделал широкой, чтобы можно было внести со двора в сени или даже в избу громоздкие орудия труда для починки их в холодное время года. Значит, низкий поклон был просто практической необходимостью.

Весь левый угол, почти треть избы, занимает глинобитная печь на деревянном ящике — опечье, или, как говорят здесь, корзине. Некогда она топилась по-черному, но затем хозяин перестроил ее на печь с дымоходом. Устье печи обращено к передним окнам, поэтому от входа мы видим лишь массивный бок с лежанкой над входом в подполье. Белая громада печи четко вырисовывается на фоне темного потолка и закопченных верхов стен. Она хорошо сочетается с вымытыми до линии дыма гладкими поверхностями бревенчатых стен медно-красного оттенка.

Кое-где на печи — маленькие ниши-печуры. Они являются своеобразным украшением, но не это главное. Их назначение сушить рукавицы, носки и другие мелочи. При необходимости в них можно и подогреть что-либо. Почти на уровне пола имеется еще несколько небольших проемов — продухов. Они нужны для вентиляции подпечного пространства, где иногда зимой в тепле держали кур.

Со стороны устья печи начинался бабий кут, отгороженный от жилой части высокой тесовой переборкой. Там целый день топталась хозяйка. Отсюда печь выглядит еще внушительнее. Перед устьем устроен шесток — толстая и широкая доска, на которую ставят горшки да чугушки, прежде чем посадить их в печь. Шесток покоится на бревнах-выпусках опечья. Под ним — отверстие в подпечье, где хранятся лопаты для выпечки хлеба, кочерги, ухваты, щипцы, помело.

Когда печь затапливали, изба наполнялась едким дымом. Хоть и старались топить не сосной или смолистой елью, а ошкуренной березой и ольхой — от них дыму и копоти меньше и тепла они дают больше, но все же при растопке от дыма никуда не денешься. Приходилось открывать настежь окна и дверь. Их закрывали, едва дрова разгорятся. Дым поднимался под потолок и висел всегда на одном уровне, обычно немного выше роста человека. В этой избе дым не опускался ниже второго венца, так как изба выстроена довольно высокой. Постепенно дым вытягивался через дымоволоковое окошко, устроенное в верхней части стены над дверью. В иных избах делали специальное отверстие в потолке над печью. Над ним на крыше устанавливали деревянные короба — дымники. Особенно хороши они на Севере и в Новгородской области. Для усиления тяги в них пропиливали сквозные прорези в виде различных орнаментов. Дымники превратились в один из самых нарядных элементов крыши. Все тепло при топке по-черному оставалось в избе, не вылетало в трубу. Дров для отопления требовалось немного. А еще в прокопченных избах не водились тараканы, древесина сруба почти не гнивала, и «черные» избы оказались долговечнее «белых».

В старину говаривали: «Дымные горести не терпел, тепла не видати». А горести, безусловно, были. Дым часто вызывал раздражение и заболевания глаз, хозяйке приходилось много трудиться, чтобы в избе было чисто. Раз в

неделю она с песком отмывала от копоти стены до линии дыма. Потолок и верх стен никогда не мыли, они со временем становились бархатистыми и черными как вороново крыло.

В Сибири не было проблемы топлива, дрова всегда рядом, поэтому здесь раньше, чем в других местах, стали отказываться от курных изб. В русской печи с дымоходом много общего с ее «черной» предшественницей: те же формы, полные конструктивной логичности, но из-за устройства дымохода кирпича уже требовалось больше — до двух тысяч штук на печь. Сбить из глины или сложить из кирпича хорошую печь способен не каждый печник. Очень важно не перемудрить с дымоходом, да чтобы раствор был хороший, да чтобы свод не завалить. Чуть что не так, не печь получится, а горе: дым в доме — тепло на дворе.

Русская печь — это замечательное изобретение. Она достойна самого большого уважения. Печь в крестьянском хозяйстве работала круглый год. Чем только не была она для крестьянина. Прежде всего она спасала от холода и была источником тепла и уюта. Она была кормилицей и поилицей: хочешь хлеб выпекай, хочешь молоко томи, хочешь щи вари, В печи можно было запарить солому для скота и раскалить камни, чтобы согреть поило. А кроме того, русская печь — отменный лекарь, долгим несильным жаром всякую хворь выбьет. Как мы уже знаем, в некоторых областях в ней иногда устраивали баню с парилкой. На печи сушили одежду и обувь, готовили впрок грибы, ягоды, мелкую рыбешку, лекарственные травы. Гончары обжигали и сушили глиняную посуду все в той же печи. Старики и дети любили спать на печи. А сколько сказок было сказано длинными вечерами на теплой печи! Вспомните Емелю — он разъезжал только на печи. За все это любили, да и сейчас любят в народе матушку-печь.

В XVII в. встречалось слово «печище», им называли не печь, а большую семью, объединенную печью, т. е.

живущую в одной избе. Иногда и соседи заглянут на огонек, на посиделки. Издревле на Руси зародилась традиция посиделок. Управившись с полевыми работами, когда земля покрыта пушистым белым одеялом, оставались свободными длинные зимние вечера. Тогда-то и собирались соседи в одной избе. Потрескивала лучина, негромко толковали о делах, о тайге, о звере, о рыбе, о Байкал-озере и разных чудесах. Особенно любили легенду о красавице Ангаре.

Река была дочерью Байкала. Старик боялся ее потерять и поэтому держал взаперти. Однажды Ангара подслушала разговор двух чаек и узнала, что далеко-далеко, там, где заходит солнце, живет могучий богатырь Енисей. Он бежит с высоких снежных гор, с шумом пробивает себе дорогу меж камней, а дальше разливается по степи и несет свои воды в холодное море. Загрустила Ангара, красавец Енисей не давал ей покоя. Как-то в темную ночь она решила бежать. Байкал крепко спал, Ангара собрала все свои силы и бросилась вон. Широкой лентой промчалась она вдоль Байкала. Отец проснулся, взревел и начал громоздить свои валы, но было поздно. Обезумевший старик сорвал огромную скалу и швырнул ее вслед непокорной дочери. Скала упала перед Ангарой и загородила ей дорогу. Тогда Ангара обошла камень с двух сторон и помчалась дальше, пока не повстречала Енисея и не слилась с ним. А скала и сейчас высится из воды между Байкалом и Ангарой.

Но на посиделках не только вели разговоры. Там можно было заняться рукоделием, поиграть в жмурки или иные игры, спеть хором или поплясать. Веселиться в Сибири, как, впрочем, и везде на Руси, умели. В деревне никаких развлечений не было, но потребность собраться вместе, повеселиться, себя показать, на других поглядеть была всегда — не хлебом единым жив человек. Вот и устраивали посиделки, а праздники старались сделать веселыми и запоминающимися. Деревенские праздники, народные гу-

лянья, игры держались только на самодеятельности. Все были организаторами, все были участниками. Никто не ждал, когда его начнут развлекать, каждый старался, как мог.

Особенной пышностью отличались зимние праздники, когда народ был свободнее от работы. Одним из любимых праздников считалась масленица, или проводы зимы. Подготовка начиналась задолго. Сначала строились снежная крепость и катальные горы — на это уходило немало времени. Затем расставляли балаганы.

И вот наступал праздник. В этот день все на улице — стар и мал. В торговых рядах лотошники и коробейники предлагают самый разный товар. Если хочешь бесплатно полакомиться гусем — залезай на макушку скользкого шеста, желаешь получить новенькие сапоги — поднимайся за ними на двенадцатиметровый столб! Можно подивиться заморским картинкам панорамщика, с ветерком скатиться с ледяной горы или, того лучше, пролететь под звон бубенцов на тройке горячих коней.

Кульминация праздника — штурм снежной крепости. Эта специфическая сибирская игра увековечена В. И. Суриковым на известной его картине «Взятие снежного городка». Все в картине движется и живет, вихрится, летит, колышется. Не пугает холодный, колючий сибирский снег, захватывает всеобщее веселье и азарт борьбы. Картина воспринимается гимном суровому, величественному краю и его прекрасному народу.

Когда гулянье переваливало за полдень, проходили по селу лицедеи-ряженые. То тут, то там мелькали вывернутые наизнанку овчинные тулупы, крашенные рогожи, самые невероятные маски. Кого тут только не было: Баба Яга, Леший, Масленица, Козел, Емеля на печи, Дед Мороз и другие персонажи.

Случалось, приходили на гулянье бродячие скоморохи, у которых была своя «специализация». Одни давали кукольные представления, другие пели, играли на музыкаль-

ных инструментах и плясали, третьи устраивали медвежьи потехи. Медведь, подражая человеческим движениям, по желанию поводыря пародировал нерадивых крестьян, помещика, монаха, попадью. Веселые представления скоморохов всегда собирали толпы народа.

Церковь видела в народных игрищах проявление языческих верований, противопоставлявшихся церковным обрядам. Поэтому еще в XVII столетии было запрещено проведение игрищ и гуляний, а скоморохи подверглись гонениям. Спасаясь от преследований светских и церковных властей, они уходили на Север и в Сибирь, где скоморошество сохранилось вплоть до XIX в.

Игрище длилось до полуночи, в него вовлекались все, здесь не было наблюдателей. И в завершение праздника вспыхивал за околицей яркий костер, на котором под всеобщий восторг торжественно сжигали соломенное чучело Масленицы, символизирующее' уходящую зиму.

Ни одно народное гулянье не обходилось без своеобразного бокса — кулачных боев. Был кулачный бой «стенка на стенку», а был еще «сцеплялка-свалка», где противники шли врассыпную и бились один на один. В кулачном бою уже тогда существовали определенные правила. Запрещалось бить упавшего или избитого в кровь. Строго наказывали того, кто ловчил в бою: закладывал в рукавицу камень для усиления удара.

В песне XVI в. поется о том, как на свадьбе царя Ивана Грозного два русских борца Мишка да Потанька Борисовичи побороли знаменитого черкасского богатыря Мастрюка Темрюковича. Стало быть, в то время занимались и борьбой.

Увлекался народ также играми в мяч, качелями, ходулями, плясками и прочими потехами и, сам того не подозревая, активно занимался физкультурой и спортом. Отличительной чертой деревенских праздников была массовость и состязательность. Побеждал сильный, ловкий, выносливый.

Праздник заканчивался, а утром снова труд: пахать, сеять, валить лес, рубить избы, амбары, мельницы. Вот и сегодня за околицей раздается стук топоров. Там вдоль крутого оврага над ручьем, впадающим в Ангару, установлены каскадом три водяные мельницы из деревни Владимировна. Внешний вид мельниц совсем простой. Лишь наличие плотин и лотков для воды отличает их от амбаров. Внутренних размеров сруб перекрыт двускатной кровлей. К нему примыкает такой же простой, но невысокий сруб «колесницы». В целом создается впечатление монументальной и суровой в своей лаконичности постройки. Когда будут закончены работы по восстановлению водяных мельниц, этот уголок музея несомненно привлечет внимание туристов.

На очереди сборка памятников архитектуры Илимского острога, вывезенных из зоны затопления. Место на территории музея для них определено, теперь дело за реставраторами.

Илимский острог, основанный в 1667 г., был обнесен стоячим тыном. Заостренные бревна стен несли горизонтальные связи. В отдельных тынинах имелись вырубленные бойницы. Длина стен по периметру равнялась 642 метрам. Восемь крепостных башен защищали крепость. К сегодняшнему дню уцелела лишь одна Спасская проезжая башня. Сохранилась также Казанская церковь острога. Эти здания помнят А. Н. Радищева, отбывавшего ссылку в Илимске. В 1790 г. вся просвещенная Россия зачитывалась его «Путешествием из Петербурга в Москву». В этом произведении впервые открыто осуждались крепостное право и самодержавие, предсказывалась неизбежность революции.

Радищева судили, лишили чинов, дворянства, книгу сожгли, а автора в оковах повезли в ссылку. Поседевший, измученный и больной прибыл он в Усть-Илимский острог, в котором ему предстояло провести 6 долгих лет, до амнистии. Из своего заточения Радищев пытался извлечь

пользу. Он изучал Сибирь, чтобы создать научное описание края. И был поражен ее масштабами и богатством. А. Н. Радищев предсказывал, что Сибири предстоит сыграть великую роль в летописях мира.

Старинные здания острога в скором времени обнесут тыном, перед ним разместятся усадьбы, лавки, амбары, — словом, все то, что было неотъемлемой частью сибирского укрепленного городка.

Предполагается на территории в 45 гектаров разместить более 50 памятников народного зодчества. В музее планируются три зоны: русская, бурятская и эвенкийская. В недалеком будущем мы сможем увидеть, как жили не только первые русские поселенцы в Сибири, но и ее коренные жители.

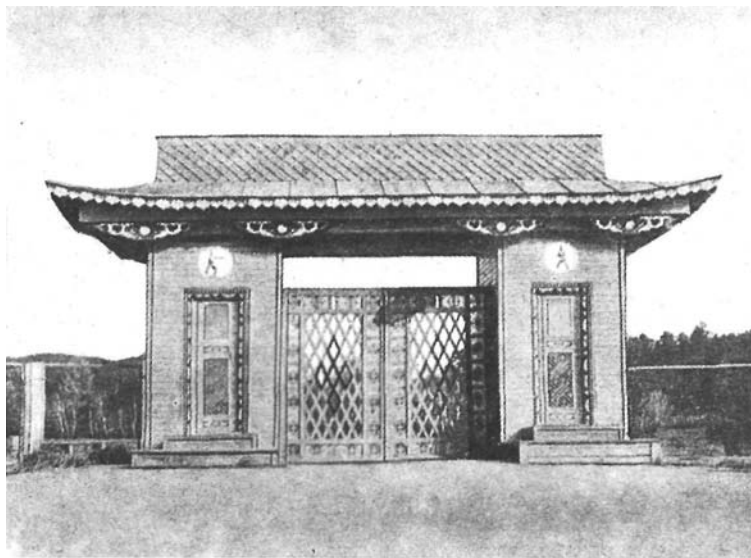
ЗА БАЙКАЛОМ

У него никогда не было дома,
он вечно жил под открытым небом и
только зимой устраивал себе
временную юрту из корья или бересты.

В. К. Арсеньев

— Вы не были еще в нашем Этнографическом музее? — спросили меня, едва я приехала в Улан-Удэ. — Непременно посетите! там вы увидите бурятские юрты, настоящее эвенкийское стойбище и русскую деревню. За час-другой познакомитесь с бытом сразу трех народов.

Заинтересовавшись, я отправилась на автобусе в Верхнюю Березовку в Этнографический музей культуры и быта народов Забайкалья. Он расположен в живописной долине в отрогах хребта Улан-Бургасы. Всего 8 километров от города, и попадаешь в совершенно иной мир. Тихо и покойно. Медью отливают стволы сосен на ослепительном весеннем солнце, из хвои высывают головки крокусы. Такие нежные и беззащитные весенние цветы.

Ворота резные. 1906 г.

Вот и первые строения: деревянный буддийский храм с причудливо изогнутой кровлей, деревянные и войлочные юрты. И первая мысль: «Не может быть. Так не бывает. Это театральные декорации».

Разумеется, я знала о подобных жилищах, читала о них в книгах, встречала на картинах и фотографиях, видела в кино. Но здесь совсем иное. Я хожу среди белых, словно огромные сахарные головы, войлочных юрт. Могу дотронуться до них рукой, могу заглянуть внутрь. И тем не менее трудно поверить в реальность происходящего.

Подходили, задерживаясь на несколько минут, группы экскурсантов, я переждала, пока они уйдут, и снова с жадностью рассматривала непривычное жилье,

внутреннее убранство, отдельные предметы обихода: котел, в котором варили чай, бубен шамана, вьючную берестяную сумку. И вдруг совершилось чудо: не заметила как, но я почувствовала себя причастной к культуре бурятского народа, к тем далеким временам, когда буряты кочевали со своими стадами вослед за травой и водой. Кончался корм на одном месте, надо двигаться дальше. И так круглый год. С собой везли весь скарб и дом. Частые перекочевки требовали, чтобы он был несложным в конструкции, чтобы его можно было быстро разобрать и перевезти на новое место и снова собрать без больших усилий.

Мне стало понятным, почему кочевники жили в юртах, почему юрта круглая, почему войлочная. Жизнь заставляла искать наиболее рациональную форму дома. Круглая форма получилась вероятно, бессознательно, в стремлении равномерно расположиться вокруг очага. Эта форма позволяла максимально использовать жилое пространство. Юрта легко и быстро собирается и разбирается. Ее можно свернуть и уложить на вьюк. Лучшего материала, чем теплый войлок, для такого дома не найти. К тому же этот «строительный» материал всегда под руками. Его валяли из шерсти овец все скотоводы.

Каркас юрты состоит из деревянных решеток, расставленных по кругу и связанных волосяными шнурами. Потолок сделан из жердей. Одним концом они опираются на решетчатые стены, а второй вставлен в деревянный обруч, который поддерживают четыре столба, поставленные в центре юрты. Круглое отверстие в конусообразной крыше предназначено для света и выхода дыма от очага. Для устойчивости остов снаружи обвязывали веревками, а уж потом покрывали покрышками и снова стягивали волосяными веревками. Пол в юрте земляной, устланный войлоком.

К XX столетию пастбищ стало намного меньше, и

бурятское население перекочевывало теперь всего лишь два раза в год из зимников на летники и обратно. Это сразу сказалось на жилище. Теперь не обязательно было разбирать юрту, так как через несколько месяцев приходилось возвращаться на то же место. Можно было строить на зимних пастбищах стационарные теплые деревянные юрты и дома, которые мало чем отличаются от русских изб.

Здесь в музее представлены шести- и восьмистенные юрты. 12 или 14 рядов листовенничных бревен уложены в многогранный сруб диаметром до 10 метров. Юрта покрыта дранкой. Как и в войлочной, покатую крышу поддерживают четыре столба. В середине потолка оставлено отверстие, под ним из глины выложено основание для очага. Очаг — самый примитивный: три камня или железный таган (треножник), на которых в чугунном котле варили мясо и кипятили чай. Чай пили с молоком, салом и солью. Еще любили, да и сейчас любят, зеленый чай, приправленный мукой. Такой чай черпали из котла чашками. Обедали за круглым столом на коротких ножках. Сидели на полу на стеганых войлоках. Справа от очага — женская половина. Здесь стоят шкафы для посуды и одежды. Левая сторона юрты предназначена для хозяйина и гостей. Тут хранилась сбруя, а в деревянных сундуках, расписанных яркими орнаментами и цветами, — пестрые лоскутные одеяла для гостей.

На западной стене на деревянной полке — предметы религиозного культа; медные фигурки буддийских божеств, жертвенные чашки и другие предметы.

С XVIII в. древняя религия бурят шаманизм начала вытесняться буддизмом, а вернее, одной из его форм — ламаизмом. Тогда в Бурятии стали создавать монастыри, именуемые дацанами. К концу XIX столетия их было уже 34. Дацаны — это целые поселки, где находились храмы, хозяйственные постройки, жилища монахов-лам, школы-семинарии. В школах, кроме культовых

Молитвенное здание — дуган из Гусиноозерского дацана. XIX в.

наук, преподавали астрологию, монгольскую и тибетскую письменность, основы врачевания. При отсутствии светских школ дацаны некоторое время выполняли и учебно-образовательные функции.

Храм — дуган, как правило, представляет собой квадратное здание с легким павильоном над ним. Четырехскатная изогнутая — «парящая» крыша с загнутыми вверх углами очень характерна для всех культовых построек дацанов. Завершает строение вонзающаяся в небо остроконечная, словно язык пламени, магическая фигура из позолоченной меди. На углах крыши в подобных храмах устанавливали своеобразные «молитвенные мельницы» — полые цилиндры на осях, которые вращаются от силы ветра. В цилиндры закладывава-

ли молитвенные тексты. Считалось, что один оборот цилиндра равнозначен прочтению всех заключенных в нем молитв и заклинаний. Так ламы ввели «механизацию» моления. Огромные цилиндры устанавливали также в ряд по пути следования к храму. Были цилиндрики и индивидуального пользования. Их называли «колесами жизни». Верующие вращали «колеса» пальцами и тем самым «отпускали свои грехи».

Внутри и снаружи здание расписывали масляной краской желтого и красного цветов. Карниз и колонны украшали нарядной раскрашенной резьбой по дереву. Излюбленными были контрастные сочетания красного, желтого, зеленого и синего цветов и их разбелов. Таков и храм, стоящий в бурятском секторе Этнографического музея в Улан-Удэ.

Глядя на это здание, невольно находишь знакомые элементы и детали. Казалось бы, что может быть общего между традиционными православными храмами и ламаистским дуганом? Однако и в нем ярусное членение объема здания, обходные галереи, резные колонны, что характерно для русской архитектуры.

Оказывается, этому есть свои причины. Кочевое и полукочевое население Бурятии в XVIII столетии еще не знало монументальных зданий, стало быть, и не было нужды в опытных зодчих. Поэтому, когда понадобилось строить первые бурятские храмы, пришлось обратиться за помощью к русским плотникам.

Образ буддийского храма им был задан заказчиком, а конкретное решение его зависело от русских строителей. В этих храмах слились воедино традиции культового зодчества Северо-Восточной Руси и художественных культур Монголии, Тибета, Индии, Китая. Позднее появились свои местные кадры строителей, которые сумели переплавить разнообразные составляющие и создать ансамбли, непохожие на другие, ансамбли самобытной архитектуры.

Бурятская народная мудрость говорит, что все важное по содержанию должно быть красиво по форме, должно радовать глаз. Ламаисты очень умело воспользовались этой мудростью на практике, что нашло яркое отражение в архитектуре дацанов.

В эвенкийском стойбище, укрывшемся в сухом сосновом бору, стоит чум шамана. Он больше других по размерам. И это не случайно, ведь в нем собиралось все население стойбища. Выделяет чум шамана и наличие деревянного шеста, торчащего из дымового отверстия жилища.

Место шамана против входа у стены. Оно окружено изображениями различных зверей и птиц, а на низких столиках помещены изображения змей — символы духов. Эвенки верили во множество духов, от которых, как они считали, зависит успех во всех делах. Они были уверены, что шаман («возбужденный, исступленный человек») обладает сверхъестественной силой и способен в определенном состоянии вступать в прямое общение с духами. У каждого шамана был свой дух-покровитель. Чаще всего это был медведь или олень, и костюм шамана символизировал этого духа. Камлание (так называется моление шамана) длилось по нескольку часов. Шаман дурманящими настояями из мухоморов, плясками и песнями доводил себя до экстаза.

Представьте себе холодный зимний вечер. Тускло падит жирник*, в чум набиваются жители стойбища. Вот, наконец, все в сборе. Шаман выходит на середину, задует жирник и в непроглядной тьме ударяет колотушкой в свой овальный бубен. Покачиваясь, быстрее и быстрее, он произносит какие-то заклинания. Все громче грохочет бубен, сливаясь с завыванием вьюги. Кажется, что какие-то неведомые силы наполняют тесное помещение. Кажется, что дикая пляска шамана не кончит-

---

* *Жирник* — светильник, плоска с горящим жиром.

ся никогда. Но вдруг он затихает и переводит людям, что же ему поведали духи: быть ли болезням, найдется ли пропавшая лошадь, будет ли удача на охоте.

Удача на охоте! Как много она значила в жизни эвенков. Они занимались коневодством, оленеводством, но охота была любимым занятием. К тому же и торговцы ценили пушнину выше всего. Охотились в одиночку и коллективно. Зимой выходили на охоту на лыжах. Для передвижения по плотному насту служили лыжи-голицы, а для глубокого снега к ним подклеивали снизу мех оленя. Для устранения шума при движении некоторые охотники надевали на лыжи чехол из шкуры волка или росомахи. Привычных нам лыжных палок у эвенков не было. Иногда они брали с собой одну палку с крючком на верхнем конце. Она служила не столько для отталкивания, сколько для торможения при спуске с горы. А при подъеме с ее помощью легко цепляться за стволы деревьев и тем самым экономить силы.

Убив лося или дикого оленя, охотник, освежевав тушу и досыта наевшись мяса, «залабазивал» ее, т. е. укладывал на помост, поднятый над землей на столбах, чтобы зверь не достал добычу. Доставить ее к месту стоянки было делом женщин.

Лабазы имелись и в самом стойбище. Это бревенчатые срубы в 3—4 венца, сверху покрытые берестой, корой лиственницы или жердями. В одних устроена дверца, в другие проникали через крышу. В таких амбарчиках на одной, двух или четырех ногах хранили зимнюю одежду и продукты питания.

Стойбища эвенков небольшие. Зимой один-два чума, несколько лабазов, навесы для оленят и загоны для оленей. Летом на совместные стоянки собирались до десяти хозяйств.

Чум — один из простейших типов жилища. Это конический шалаш из жердей. Его основу составляют 3 соединенных вверху жерди. На эту связку опираются еще

30—50 шестов, покрытых выделанными лосиными шкурами. Кожаный чум мог принадлежать зажиточному эвенку. Бедные эвенки покрывали свои чумы корой лиственницы и называли такое жилище корьевым.

Летние чумы для прохлады покрывали специально вываренной берестой. Этим делом занимались женщины. Они осторожно срезали с березы бересту (длина полосы доходила до 5—8 метров), очищали ее, свертывали в трубку и, обложив мхом, долго выпаривали в котле. Затем сушили и ивовым корнем сшивали вместе по три полосы. Места проколов замазывали варом из смолы, края заделывали кантом также из бересты. Получались тиски, которыми покрывали чум. Их использовали еще для изготовления легких лодок-берестянок.

При перекочевках остов чума не разбирали, перевозили только покрывки. Их клали на выюк, а берестяные тиски сворачивали в трубки и подсовывали под выюк.

Интерьеры всех чумов почти одинаковы. Для них характерны суровая простота и скупость декоративного убранства, свойственные быту охотников. В центре чума устроен очаг — костер. У эвенков существовал культ очага. Его олицетворяли со старой женщиной. Перед началом семейной трапезы хозяйка бросала в очаг самые лакомые кусочки еды и приговаривала: «На ешь, сыта будь, зверя дай, чтобы сыто было». Над очагом на горизонтальной жерди подвешен чайник. У входа заготовлено топливо. В чуме лежит берестяная вьючная сумка, седла, берестяные сосуды для воды и теста. Многие вещи сделаны своими руками из дерева, бересты, кожи, кости. В тщательно вымытых и просушенных кишках, желудках животных — рубцах — хранили жир и масло. Рубцом обтягивали музыкальные инструменты, из тонких кишок овец и конского хвоста изготавливали струны для них. Но в обиходе эвенков были и покупные предметы, такие как медный котел, топоры, ножи, чашки.

Известно, что русское население Сибири складыва-

лось из казаков, вольных людей, бежавших из Центральной России от притеснений; значительную часть составляли ссыльные. В 1764 г. в Забайкалье была выслана большая группа русских старообрядцев. Здесь их стали называть «семейскими».

В музее воссоздана типичная «семейская» деревня — один порядок крестьянских домов с амбарами, загонами, кузницей, баней. Им уже по сто и более лет. Давайте зайдем в дом забайкальского старовера. Крепко сбитые ворота украшены резьбой. Дом выделяется своими яркими и нарядными одностворчатыми ставнями. Они расписаны ветвистыми деревьями с райскими птицами на ветках, фантастическими цветами в вазоне, рядом с которым стоят лошади или олени. Днем этими картинками могли любоваться прохожие, а ночью живопись была обращена в избу. В ней также многие вещи украшены росписью. Это опечье, лавки, сундуки, берестяные туеса, кадка для воды — все в ярких цветах и орнаментах. В горнице раскольника-старообрядца происходили молебны, и весь красный угол занят иконами. В русской деревне музея можно увидеть единственную сохранившуюся полностью деревянную церковь. Некогда она стояла в селе Никольском Мухоршибирского района.

С годами Этнографический музей очень изменился. Теперь в нем появился археологический комплекс, где собраны памятники древности из раскопок, ведущихся на территории Бурятии. С III в. до н. э. ее населяли, сменяя друг друга, племена гуннов, уйгуров, эвенков. Их захоронения, землянки гуннов, каменные стелы с рисунками — «писаницы», скульптурные изображения зверей и другие памятники материальной культуры ведут неторопливый рассказ о древних народах Сибири.

Сотрудники музея работают над созданием городского и русского казачьего секторов. Планируется создание комплекса «Этапный путь». Он расскажет о пребывании здесь декабристов и политических ссыльных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подошло к концу наше путешествие в мир прошлого российской деревни. Мы побывали во многих музеях народного зодчества РСФСР.

В настоящее время проектируется и формируется еще несколько музеев под открытым небом. Оригинальный комплекс создается в чувашском поселке Ибресе. За высоким деревянным забором, какими ограждались крестьянские усадьбы в этом лесном крае, разместились подслеповатая курная изба, амбар, колодец с длинным журавлем, действующая ветряная мельница и другие строения.

На окраине города Козьмодемьянска уже открыта для посетителей первая очередь музея марийского зодчества. Чаше других здесь бывают школьники, для них в музее проводятся специальные уроки, на которых ребята знакомятся с историческим прошлым родной земли.

Утвержден проект музея деревянного зодчества в деревне Семениково, что близ Вологды. В нем будет представлена не только сельская, но и городская архитектура прошлого века. Уже готовятся к переезду деревянные дома Вологды, оказавшиеся в современном городе на магистральных улицах и проспектах.

Музеем сибирского быта стало село Коларово под Томском. Там решено открыть областной этнографический музей. Село застраивалось в начале XIX в., его

дома и хозяйственные здания представляют большой интерес для истории архитектуры. Вместе с памятниками народного зодчества из других мест области они составят богатую экспозицию сибирской народной архитектуры конца XIX — начала XX в.

Среди экспонатов особый интерес в недалеком будущем представит усадьба Тиуновых. Своеобразна ее архитектура, неповторимы предметы быта, любопытна история их появления. Так случилось, что семья более полувека прожила почти в полной изоляции на таежном острове среди болот. Сегодня Тиуновых называют «сибирскими робинзонами». Они своими руками построили дом и все хозяйственные помещения, своими руками смастерили сундуки, полки, деревянную утварь и посуду, своими руками расчистили от елей и пихт поляну под поле. Они пахали землю, выращивали хлеб, лен, овощи, собирали грибы и ягоды, при помощи манков и ловушек добывали птицу и зверя. Они ткали холсты и шили одежды, выделывали кожи и тачали обувь, из бересты сшивали тетрадки и вели в них немудреный дневник суровой жизни.

Заброшенную усадьбу обнаружили геологи с вертолета и сообщили о ней в Томский краеведческий Музей. Сотрудники музея разыскали последнюю хозяйку усадьбы — 86-летнюю Вассу Ивановну. Она совсем недавно перебралась в поселок к сыну и теперь с их согласия крестьянская усадьба будет перевезена в Коларово.

Здесь названы далеко не все музеи. Каждый год появляются новые, огромные и мини-музеи. Они, как и крупные, также имеют право на существование. И ничего, что в них, может быть, всего один-два экспоната. Главное — все они делают одно большое дело. Они прививают любовь к своему дому, своим предкам, своей земле.

Безусловно, организаторам таких музеев бывает нелегко. Здесь должны работать, как, впрочем, и везде,

люди одержимые, увлеченные, не допускающие в своей деятельности ни одной фальшивой ноты. Если она есть — мы уйдем разочарованные. Стоило ехать за тридевять земель, чтобы увидеть, положим, не старину, а новоделы, да притом выполненные не самым лучшим образом. Еще и сегодня некоторые высказываются за то, чтобы строить в музеях новые здания по образцам старых, или, лучше сказать, старинных. Это, говорят они, экономически выгоднее. Не спорю, может быть и выгоднее, но, когда я вижу растрескавшуюся, прокопченную древесину курной избы, мне легче представить, как жила моя прапрабабушка, увидеть, как раз в неделю пещочком она отчищала от копоти до медового цвета стены этой избы. Ведь только подлинные вещи несут память о десятках поколений, живших до нас на земле, ибо они свидетели многовековой истории, говорящие на особом языке.

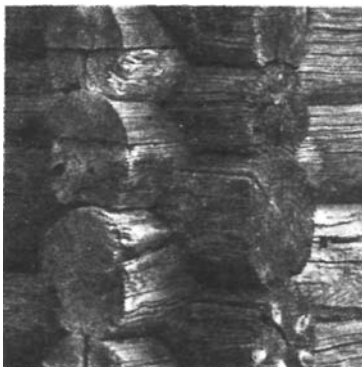
Человеку присуще вкладывать душу в создание не только великих произведений искусства, но даже самых обыденных вещей. След человеческой жизни, его тепло, надежды остаются в этих рукотворных предметах.

Как-то директор музея-заповедника А. С. Пушкина в Михайловском Семен Степанович Гейченко сказал, что немых вещей на свете нет. Все имеет свой язык, свою речь, свое сказание. И если бы этого не было, так не хранили бы люди эти вещи так бережно, не было бы музеев-заповедников и не было бы в словаре русского языка слова «память», породившего другое слово — «памятник».

Именно в этой связи мне кажется особо ответственной работа реставратора. Он не просто восстанавливает памятник, он возвращает память, заключенную в нем.

В работе по спасению памятников и созданию архитектурных музеев принимают участие не только архитекторы и искусствоведы, которые находят и оценивают художественные и конструктивные достоинства того или

иного здания. Большая роль отводится проектировщикам — это они определяют место каждому строению на территории музея. Плотники-реставраторы умело заменяют ветхие, восстанавливают утраченные конструкции и детали. Химики помогают «состарить» новую, свежую древесину, чтобы она не отличалась от основного сруба. Они же делают ее стойкой к огню и

Угол избы.

древоточцам, которые так любят селиться в древесине. Археологи, этнографы, историки, художники собирают давние орудия труда, предметы быта, одежду и наполняют этими вещами все здания, создают картину жизни народа, характерную для определенной области, края, республики. Возможно, мною названы не все профессии специалистов, работающих над созданием музеев под открытым небом. Важно, что их много, и очень важно, чтобы союз этих людей был тесным и крепким, тогда и результаты их деятельности порадуют нас — посетителей музеев народного зодчества.

Приходят в музеи горожане и сельские жители, взрослые и дети. И каждый находит в них что-то для себя. Глядишь, на сельской улице появился улыбчивый, сказочный дом-терем. А все дело в том, что хозяин увидел кружева резьбы в музее и в его душе проснулся художник. Теперь его старый дом украсился новыми наличниками, сделанными своими руками.

Женщины знают, как нелегко порой придать своей квартире индивидуальность. А здесь, что не вещь, то образец для подражания. Берись и делай. Вышитый

рушник, сплетенные гардины, абажур сделают то, чего не могут вещи промышленного производства.

Совершенно неожиданно я увидела в одной городской квартире лавку, почти такую же, как в деревенской избе, но модернизированную. При необходимости она легко превращается в дополнительное спальное место. Да мало ли что еще можно придумать, разглядывая предметы быта наших дедов и прадедов! Сколько народной житейской мудрости они могут передать нам, только смотри, запоминай, учись!

Если вы почувствовали интерес к народному зодчеству и народному искусству, то, несомненно, вам будет уже мало знакомства лишь с памятниками архитектуры, собранными в музеях под открытым небом. Вас позовут неизведанные тропы. И тут уж надо отправляться в путь-дорогу. Но куда? Как узнать, в каких местах сохранились творения древних мастеров? Наиболее известные описаны в книгах по архитектуре, путеводителях по историческим и памятным местам страны. Но многие памятники еще не успели попасть на страницы книг, поэтому не забудьте заглянуть в областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Там вам непременно подскажут, какие памятники народного зодчества есть в области.

Возможно, увидев их, вы захотите помочь своим личным участием, своим трудом в восстановительных работах. Вы вступите в члены общества и наравне со взрослыми, студенческой и рабочей молодежью станете чинить крышу, менять поврежденные венцы, навешивать двери на том или ином старинном памятнике архитектуры. Не беда, что вы еще не многое умеете. Была бы охота — заладится и работа.

В самостоятельных путешествиях необходимо постоянно помнить, с какими хрупкими памятниками имеешь дело. Малейшая небрежность может привести к катастрофе. Так, за последние 10—15 лет даже при наличии

строгих законов, погиб не один бесценный памятник народного зодчества. От случайной искры сгорела деревянная церковь на Вологодчине в селе Анхимове. Ее называли дивом, так хороша она была. От удара молнии сгорела в Медвежьегорье замечательная часовня XVII в.

Иногда в гибели народных сокровищ бывают повинны современные вандалы. Это по их вине исчезла с лица земли церковь XVIII столетия в деревне Сибово. Это они, тайком пробравшись в Музей быта народов Нижегородского Поволжья, развели костер в памятнике архитектуры из села Старые Ключищи. Как же потянулась у них рука к спичкам? Как могли они надругаться над красотой? Ключишинский храм, пройдя сквозь столетия, не единожды имел возможность погибнуть. Но он уцелел, чтобы показать, на что были способны талантливые русские плотники. Избежал он смерти и на сей раз. Правда, преступникам удалось скрыться. А жаль, они должны ответить по закону.

В Законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» записано: «Лица, виновные в невыполнении правил охраны, использования, учета и реставрации памятников истории и культуры, нарушении режима зон их охраны, а также в других нарушениях законодательства об охране и использовании памятников, несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик».

Знать, гордиться и бережно сохранять культурное наследие нашей Родины — этот лозунг должен стать девизом каждого, кто глубоко осознал свою причастность к прошлому, личную ответственность перед будущими поколениями за продолжение истории своей страны.

**МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ.
УПОМИНАЕМЫЕ В КНИГЕ**

1. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Новгород
2. Музей-заповедник деревянного зодчества «Малые Корелы». Архангельск
3. Музей-заповедник народного зодчества «Кижы». Петрозаводск, Кижы
4. Государственный музей-заповедник XVI—XVII вв. «Коломенское». Москва
5. Якутский краеведческий музей. Якутск
6. Архитектурно-этнографический филиал деревянного зодчества Московского областного краеведческого музея. Истра, Московская область
7. Музей народной архитектуры и быта Костромского объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. Кострома
8. Музей деревянного зодчества и крестьянского быта Государственного объединенного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Суздаль
9. Музей народной архитектуры и быта народов Поволжья. Горький
10. Пермский архитектурно-этнографический музей-заповедник, филиал Областного краеведческого музея. Пермь, д. Хохловка
11. Историко-архитектурный и этнографический музей. Новосибирск
12. Музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Шушенское
13. Архитектурно-этнографический филиал Иркутского краеведческого музея. Иркутск
14. Этнографический музей-заповедник культуры и быта народов Забайкалья. Улан-Удэ

**КРАТКИЙ СЛОВАРЬ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ, ХАРАКТЕРНЫХ
ДЛЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА**

- алтарь** — восточная часть церкви, отделенная от остальных помещений иконостасом, за которым находится стол-жертвенник для приготовления к причастию.
- апсида** — полукруглый или граненый выступ с восточной стороны храма.
- арка** — криволинейное (чаще всего полукруглое) перекрытие проема в стене или пролета между двумя опорами.
- балясина** — резная, или точеная, доска (столбик) перил балкона, крыльца, галереи.
- барaban** — цилиндр или многогранник, служащий опорой купола.
- бочка** — форма крыши в виде полуцилиндра с заостренным верхом. Пересечение двух таких крыш образует крещатую бочку.
- брус** — 1) бревно, обтесанное с двух, трех или четырех сторон;
2) самый распространенный тип крестьянской избы, в которой все помещения спланированы одно за другим на одной оси в форме вытянутого прямоугольника (бруска).
- вежа** — сторожевая башня в крепости (от слова «ведать» — знать).
- венёц** — каждый горизонтальный ряд бревен сруба по периметру строения.
- взвоз** — наклонный помост, ведущий на второй этаж хозяйственного двора избы.
- висячая галерея** — опирающаяся не на столбы, а на концы бревен, выступающие из сруба.

- «в лапу» (рубка ев лапу»)** — система соединения бревен или брусьев под углом, без «остатка», т. е. без выпуска концов бревен за пределы наружной плоскости стены.
- «в обло» (рубка «в обло»)** — распространенная в деревянном зодчестве система горизонтального соединения бревен под углом с «остатком», т. е. с выпуском концов бревен за пределы наружной плоскости стены.
- водотёчник** — выдолбленное в виде желоба бревно, служащее одновременно для отвода воды с кровли и опорой для нижних концов кровельных тесин.
- волоковое окно** — проем, вырубленный в двух смежных бревнах сруба (на полбревна вверх и вниз). Окно задвигалось, заволакивалось доской-задвижкой.
- волота** — орнамент в виде завитка, украшающий верх оконного проема.
- воронец** — длинная деревянная полка, расположенная на уровне головы. Воронцы тянутся вдоль стен. В «черной» избе они как бы разделяют верхнюю, закопченную часть комнаты от нижней, чистой. На воронцы ставили посуду, домашнюю утварь, инструменты.
- восьмерик «в режь» (рубка «в режь»)** — восьмигранный сруб. — в срубе бревна уложены не плотно, а на некотором расстоянии одно от другого, редко и связаны между собой только в углах.
- выпуски (помочи)** — концы бревен, выступающие из сруба. Поддерживают свесы кровель, галереи, крыльца.
- галерея (гульбище)** — крытое длинное помещение, обходящее здание с нескольких сторон.

глава	— завершение церковной постройки в форме луковицы, шлема, конуса.
глаголь	— тип избы, имеющий в плане форму буквы «Г», хозяйственный двор поставлен под прямым углом к жилой части.
голосники	— глиняные кувшины, вделанные в кладку здания и открытые внутрь помещения. Служили резонаторами.
горница	— парадная, «чистая» комната в крестьянской избе, чаще всего, на втором («горнем») этаже. Обычно неотапливаемая.
городня	— прямоугольный сруб, засыпанный землей и камнями. Звено крепостной стены.
гребень	— резная доска, стоящая на коньке кровли по всей его длине.
гумно (рига, крытый ток)	— строение для обмолота снопов.
двойня	— деревянная постройка из двух клеток с самостоятельными покрытиями.
двор	— участок земли с постройками, составляющими отдельное хозяйство.
долото	— плотничий инструмент.
дымник	— верхняя наружная часть деревянного дымохода, не соединенного с печью. Элемент «черной» избы.
дынька	— декоративное украшение резных столбов, наличников и порталов, по форме напоминающее дыню.
житница	— строение для хранения вымолоченного зернового хлеба всех родов: ржи, ячменя, гречи, овса.
звонница	— сооружение при храме, поставленное либо отдельно, либо над стеной, крыльцом, служащее для подвешивания колоколов.

изба	— крестьянский дом. Клеть с печью.
изразец	— плитка из обожженной глины с рисунком, покрытая глазурью, имеющая с обратной стороны полую коробку-румпу для крепления в кладке.
иконостас	— деревянная стена, составленная из нескольких ярусов икон. Отделяет внутреннее помещение храма от алтаря.
интерьер	— внутренний вид здания (архитектурно-организованное пространство внутренних помещений здания).
каменка	— печь, очаг, сложенный из камней насухо, без связующего раствора. Дым из него идет в помещение и вытягивается в дверь и специальное отверстие в стене.
клеть	— крытый прямоугольный деревянный сруб с дверью, окнами, полом. Холодная изба (без печи).
кокошник	— декоративная деталь, по форме напоминает женский головной убор — кокошник. Служит для украшения сводов, барабанов, шатров.
колокольня	— сооружение для подвешивания колоколов.
конёк	— верхний стык двух скатов кровли. Стык прикрывается выдолбленным бревном — охлупнем или шеломом.
консоль	— выступ в стене для поддержания некоторых частей здания (карниза, балкона и пр.).
кошель	— тип русской избы. Квадратный в плане, кошель имеет ассиметричный боковой фасад, поскольку конек проходит по центру не всего здания, а по его жилой части, расположенной сбоку хозяйственного двора.

косячатое окно	— оконный проем, обрамленный брусьями, концы которых соединены наискось.
кремль	— общественный и административный центр древнерусского города, обнесенный крепостной стеной.
кровля	— 1) настил крыши, покрывающий стропила (тесовый, железный, черепичный и т. д.) ¹ ; 2) то же, что и крыша.
крыша	— верхняя часть здания, служащая его покрытием и защищающая от атмосферных явлений.
куб (кубоватое покрытие)	— квадратное в плане, образуемое пересечением двух бочек и имеющее одинаковый для всех фасадов здания силуэт, напоминающий луковичную главу.
курицы	— тонкие бревна с корневищами, имеющими вид крюка. Курицы врубались в слепи, а на загнутые концы укладывалось бревно с желобом — водотечник, поток, водопуск.
курная изба	— черная изба, имеющая печь без трубы. Дым выходит либо через дверь и окна, либо через дымницу в крыше.
лаги	— горизонтальные бревна или брусья.
лемех, чешуя	— (гонт) — деревянные пластинки по форме напоминают лемех плуга. Употребляются для покрытия глав, барабанов, бочек, кокошников церковных верхов.
лобовая доска	— закрывающая переход бревен стены к доскам фронтона избы. Обычно бывает покрыта резьбой.
луковица	— покрытие церковной главы, напоминающее по форме луковицу.
матица	— балка, несущая деревянный потолок.
мезонин	— жилая надстройка над центром дома.

мост	— настил пола в сенях.
наличник	— декоративное обрамление дверного или оконного проема.
облам	— боевая площадка крепостной деревянной башни. Расположен на выпущенных бревнах — консолях, на концах которых укреплялась вертикальная стенка.
овин	— сушильня для снопов.
острог	— укрепленное место, небольшая крепость с частоколом.
охлупень (шелом, конек)	— тяжелое бревно, имеющее в нижней части паз. Закрывает сверху стыки тесовой кровли.
палата	— 1) отдельное помещение в здании; 2) жилое каменное здание в Древней Руси.
паперть	— площадка (крыльцо) перед входом в церковь.
плаха	— половина расколотого вдоль бревна. Употреблялась для настила полов и толтков.
повал	— бревенчатый карниз, образованный постепенным выпуском наружных венцов сруба.
повалуша	— деревянная башня, входившая в состав жилых хором.
поветь (повить)	— второй этаж хозяйственного двора, на котором хранились запасы сена и хозяйственный инвентарь.
подзор	— резная доска под скатами кровель, на фронтонных поясах, на лавках.
подклёт (подклеть)	— нижний этаж, обычно хозяйственного назначения.
полица	— нижняя, пологая часть кровли, предназначенная для отвода воды от стен.

полок	— ступенчатый деревянный настил в бане, на котором парятся.
полотенце	— короткая резная доска, закрывающая стык причелин.
поток	— см. водотечник
придел	— малый храм, «приделанный» к основному зданию или устроенный внутри его.
прируб	— более низкая часть здания.
причёлина	— доска, закрывающая торцы подкровельных слег. Обычно покрывается резьбой. Неотъемлемая часть тесовых кровель.
прясло	— часть крепостной стены между башнями, ограда из жердей, защищающая поля и огороды от скота.
самцовая крыша	— сконструированная без стропил, на слегах, врубленных в отдельные бревна фронтона, называемые самцами.
светёлка	— светлая небольшая комната, обычно в верхней части жилья.
сени	— нежилое помещение, расположенное между двумя клетями.
скобель	— кривой нож с двумя поперечными ручками по концам для строгания.
слёги	— горизонтально положенные бревна, образующие кровельную конструкцию.
сруб	— часть здания, состоящая из четырех или более стен венчатой конструкции.
стропила	— несущие конструкции (бревна, брусья) скатной крыши, поддерживающие основание кровли: обрешетку или настил.
струг	— общее название инструментов для строгания, наискось установленный в деревянной колодке резец; то же, что рубанок.
сусеки	— неотъемлемая часть амбара. Камеры для хранения муки, зерна, крупы.

тарасы	— двухрядная рубленая крепостная стена, заполненная внутри камнем или землей. Отличается от городни тем, что она сплошная.
терем	— помещение над верхним ярусом древнерусской жилой постройки.
тесло	— орудие для обработки дерева, применялось для выдалбливания. Напоминает топор с лезвием, расположенным поперечно к рукоятке. Рабочий край тесла обычно расширенный и закругленный, иногда желобчатой формы.
трапезная	— первоначально общая столовая в монастыре, позднее пристройка с западной стороны церкви, служившая местом общественных собраний.
тын	— изгородь из стоячих бревен.
хоромы	— комплекс жилых деревянных строений, связанных сенями и переходами.
часовня	— небольшое культовое здание с иконами, но без алтаря.
чело (лоб, фронтон)	— верхняя часть здания под кровлей.
чердак	— верхнее нежилое помещение в хоромах.
четверик	— четырехгранный сруб.
шатер	— покрытие в виде высокой граненой пирамиды.
шейка (шея)	— глухой барабан, несущий церковную главу.
шелом	— см. охлупень
шесток	— место перед топкой русской печи.
ярус	— горизонтальное членение фасада, обычно соответствующее этажу здания.

ЧТО ЕЩЕ ПОЧИТАТЬ

Бартенев И. А., Федоров Б. Н. Архитектурные памятники Русского Севера. Л.—М.: Искусство, 1968.

Вместе с авторами вы пройдете по северным дорогам и познакомитесь с красотами русского пейзажа и архитектуры. На вашем маршруте Онежское озеро с Кижским ансамблем, Беломорье, города Каргополь, Вологда, множество сел с их неповторимым своеобразием.

Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Вверх по Енисею. — М.: Искусство, 1980.

В книге рассказывается об архитектурных и художественных памятниках XVII—XX вв. старых центров русской культуры, расположенных по берегам Енисея, — городах Енисейске, Красноярске, Минусинске, — о древнейших памятниках Хакасии, о мемориальном музее-заповеднике «Сибирская ссылка В. И. Ленина» в селе Шушенском.

Гунн Г. П. По нижней Печоре. — М.: Искусство, 1979.

Книга о некогда глухом районе России — Печорском крае. Вы совершите путешествие в села Ижму и Усть-Цильму, познакомитесь с древней историей этих мест, архитектурой, традициями, занятиями ижемских коми и русских пичемцев. Побываете на историческом месте, где стоял древнерусский заполярный острог Пустозерск, узником которого был знаменитый бунтарь XVII в. протопоп Аввакум.

Зайцев Б. П., Пинчуков П. П. Солнечные узоры: Деревянное народное зодчество Подмосковья. — М.: Моск. рабочий, 1978.

Авторы проделали немалый путь по дорогам Московской области, разыскивая ценные архитектурные памятники. О своих находках, размышлениях о судьбах народного искусства рассказывают они в этой книге.

Мелентьев Ю. С. Не за три моря. — 2-е изд., доп. — М.: Мол. гвардия, 1983.

Книга об исторической преемственности и связи времен, о глубинных корнях народного искусства, его связи с профессиональным искусством и историей культуры. Автор знакомит с достопримечательностями «Золотого кольца». Он позовет вас в Палех, где вы встретитесь с замечательными художниками — наследниками народных мастеров лаковой живописи. В Москве полюбуетесь многоцветными изразцами. Побываете также на поле народной судьбы — на поле Куликовом.

Ополовников А. В. Кизи. — М.: Стройиздат, 1970.

Александр Викторович Ополовников — доктор архитектуры, крупнейший специалист по древнерусскому деревянному зодчеству. Под его научным руководством реставрированы памятники архитектуры Кижского погоста. О неповторимых строениях Кижей, о музее деревянного зодчества рассказывается в книге.

Ополовников А. В., Островский Г. С. Русь деревянная: Образы русского деревянного зодчества. — М.: Дет. лит., 1981.

Книга о драгоценном наследии минувших веков, об уникальных памятниках народной архитектуры и безвестных зодчих, воздвигавших удивительные здания.

Пряник, прялка и птица Сирин: Книга для учащихся старших классов. — 2-е. изд. — М.: Просвещение, 1983.

В книге рассказывается почти о всех видах старинных русских художественных промыслов, связанных с деревом: о народной деревянной скульптуре, резьбе и росписи по дереву, о работе краснодеревщиков и мастеров, использующих в качестве материала бересту.

Рогов А. П. Кладовая радости: Юному читателю о русском народном искусстве и его творцах. — М.: Просвещение, 1982.

Автор делится своими мыслями о непреходящей художественной ценности русского народного искусства. Знакомит с узорочьем каменного зодчества, сказочными лубочными картинками, росписью и резьбой по дереву, глиняной игрушкой, кружевоплетением. Показывает современные центры народных промыслов: Палех, Городец, Скопин, Дымково, Михайлово и другие.

Федотов Г. Я. Дарите людям красоту. (Из практики народных художественных ремесел). Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1985.

Книга является своеобразной энциклопедией народных художественных ремесел. В ней рассказывается как о широко распространенных видах обработки дерева и металла, так и о незаслуженно забытых и бытующих только у отдельных мастеров приемах.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.	3
Вот моя деревня.	10
Дом новгородского гостя.	18
Северные звоны.	36
Топорная работа.	47
Осьмое чудо света.	58
На страже Родины.	71
В долине Истры.	81
На курьих ножках.	91
Как белка в колесе.	105
Щедрость леса.	115
Многими красотоми ты нас дивишь.	122
Пуд соли.	137
Краса дерева не тускнеет.	148.
Шушенское.	157.
На Ангаре.	167
За Байкалом.	180
Заключение.	190
Музеи под открытым небом, упоминаемые в книге.	196
Краткий словарь специальных терминов, характерных для древне-русского зодчества.	197
Что еще почитать.	205

Людмила Ивановна Данилова

ОКНО С ЗАТЕЙЛИВОЙ РЕЗЬБОЙ

Зав. редакцией П. А. Стеллиферовский

Редактор Э. В. Мазнина

Младший редактор Е. И. Туманова

Фотографии Л. И. Даниловой и Ф. В. Кулакова

Художник О. И. Белозерский

Художественный редактор Т. А. Алябьева

Технические редакторы С. Н. Терехова, М. М. Орлова

Корректор О. В. Ивашкина

ИБ № 9543

Сдано в набор 04.09.85. Подписано к печати 04.04.86. А08578. Формат 70 X 108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1+0,35 форз. Усл. кр.-отт. 19,25. Уч.-изд. л. 9,28 + 0,32 форз. Тираж 200 000 экз. Заказ № 2381. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

50 к.

